

μεφωρ

Ю. Н. ВОРОНОВ

ДРЕВНОСТИ
СОЧИ
И ЕГО
ОКРЕСТНОСТЕЙ

Ю. Н. ВОРОНОВ

ДРЕВНОСТИ
СОЧИ
И ЕГО
ОКРЕСТНОСТЕЙ

КРАСНОДАРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1979

ББК63.4(2)
902 6
В75

Оформление художника **Б. Д. Недоспасова**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сочи — один из уникальных уголков нашей страны. Он ежегодно привлекает миллионы любознательных гостей, и каждый из них стремится побольше узнать о городе, где отдыхает, о его истории, памятниках культуры.

В данной книге рассматриваются богатства культурного наследия, оставленного племенами, издавна населявшими территорию Сочи. Здесь описаны многочисленные памятники древнекаменного, новокаменного и бронзового веков, античного и средневекового времени.

Сведения о них рассеяны по многочисленным специальным книгам и статьям, малодоступным широкому читателю. Автор сделал попытку собрать эти сведения воедино, дополнить их собственными наблюдениями и на этой основе воссоздать картину развития человеческой культуры в окрестностях Сочи с древнейших времен до XVIII в.

Книга написана на материалах, являющихся объектом археологии — науки, которая изучает результаты многотысячелетней трудовой деятельности людей по вещественным источникам и восстанавливает по ним прошлое человеческого общества. Памятники археологии — основной материал для изучения древних культур на рассматриваемой территории от времени заселения ее человеком и до позднего средневековья, поскольку местные племена не имели письменности и не оставили о себе иных сведений, кроме вещей.

Как записано в статье 13 Закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры, эти памятники «используются в целях развития науки, народного образования и культуры, патриотического, идейно-нравственного, интернационального и эстетического вос-

питания». Сохранение культурных ценностей и активное их использование в целях коммунистического воспитания помогает утверждению в сознании трудящихся, прежде всего молодого поколения, идей советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордости за Страну Советов, за нашу Родину, что, как подчеркивал на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, является одной из важнейших задач нашей партии.

При работе над этой книгой автор пользовался помощью и советами ряда исследователей-археологов: докторов исторических наук Д. А. Крайнова, В. И. Марковина, А. К. Амброза, кандидатов исторических наук А. И. Болтуновой, В. Б. Ковалевской, Л. Н. Соловьева, В. П. Пачулия и О. Х. Бгажба, а также сотрудников Сочинского музея краеведения М. И. Ивановой и С. П. Запорожец, местных краеведов Н. И. Гумилевского, Л. Н. Кольценко и Л. Л. Ситникова, за что и приносит им большую благодарность.

Глава I. ЭПОХА ДРЕВНЕГО КАМНЯ

Древнейшие поселенцы края

В науке все большее признание получает точка зрения, согласно которой Кавказ впервые был заселен человеком в относительно позднее время, на заключительной стадии раннего палеолита (от греческого палеос — древний, литос — камень). Этому событию, как полагают, предшествовало оледенение, получившее в литературе название позднедунайского и происходившее 900—800 тыс. лет назад. В результате этого и ряда других последовавших за ним похолоданий на Кавказе вымерли многие вечнозеленые растения и те виды животных, которые в настоящее время характерны для зоны тропиков и субтропиков. Аналогичная судьба должна была постигнуть и обитавших здесь прежде человекообразных обезьян.

Явное сходство древнейших из известных в кавказском Причерноморье кремневых орудий с непосредственно предшествовавшими им по времени памятниками Южной Турции, а также факт, что в то далекое время Кавказ представлял собою полуостров, омываемый с севера морем, а с юга еще не ограниченный столь трудно проходимыми хребтами — все это позволяет предполагать, что первые люди проникли в окрестности Сочи через Колхиду из Малой Азии. Произошло это 400—350 тыс. лет назад, т. е. в конце раннего ашеля — эпохи, названной так по имени небольшой французской деревеньки Сент-Ашель, в окрестностях которой были впервые найдены орудия того времени.

Древнейшие следы обитания человека обнаружены в окрестностях Хосты, в левобережной и правобережной части низовьев реки Мзымты и на правобережье реки Псоу, где они представлены скоплениями кремневых орудий в отложениях надпойменных террас. Основную массу этих

орудий составляют очень грубые, массивные кремневые отщепы, сколотые с крупных, слегка очищенных желваков-ядрищ. Из отщепов затем изготавливались различные скребуще-рубящие орудия универсального характера. Найдены здесь и изделия с выпукло-выемчатыми краями. Ручные же рубила попадаются крайне редко. Первые раскопки на открытой стоянке Богос III (правобережье Псоу) позволили установить здесь два одновременных слоя со скоплениями палеолитических кремней: верхний, связанный с поверхностью IV террасы, и нижний, залегающий в непо потревоженной и перекрытой стерильными глинами части галечников, слагающих эту террасу. Однако обычно на таких стоянках непо потревоженный культурный слой отсутствует. Последнее, впрочем, нисколько не умаляет значения таких памятников для науки: в обилии разбросанный и легкодоступный материал позволяет проследить в деталях технику расщепления и обработки орудий, применять статистические и иные методы исследований.

Стоянки ашельского времени, обнаруженные на территории Сочи и соседней Абхазии, представляли собой единые комплексы небольших открытых стойбищ. Площадь отдельного стойбища, судя по распространению орудий, составляла в среднем 100×200 м, а общая площадь всего комплекса, часто вытянутого вдоль склонов возвышенности или берега реки, достигала 1—2 км². Примером таких комплексов могут служить уже упомянутое скопление стойбищ у Богосова холма, стоянки в Блиново (левобережье Мзымты) и др. Материалы со стойбищ часто отражают различные стороны хозяйственной деятельности их населения (охота, собирательство, производство орудий), на основании чего могут быть выделены временные охотничьи лагеря, стоянки-мастерские и т. д. Так, например, анализ коллекции сколов, собранных на стоянке Богос III, позволяет в них видеть остатки мастерской, в которой велось главным образом первичное расщепление кремня. Здесь удалось проследить три этапа выделки орудий: очистка желваков от корки, оформление на их основе ядрищ — нуклеусов и, наконец, расщепление последних с целью получения сколов — заготовок для орудий.

Судя по уже достаточно хорошо изученным ашельским памятникам Центрального Кавказа и отрывочным данным с рассматриваемой территории, ведущее место в хо-

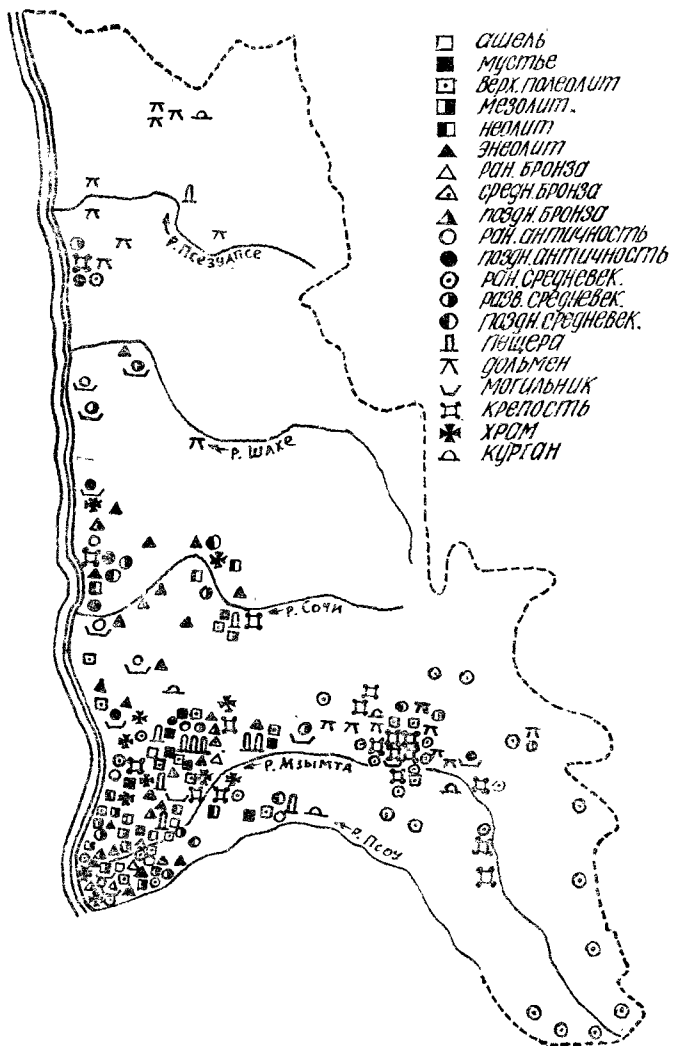

Рис. 1. Схема размещения основных археологических памятников на территории г. Сочи и его окрестностей.

зяйстве ашельцев занимали охота и собирательство. Охотились в основном на пещерного медведя, что говорит о достаточно высоких профессиональных возможностях древних охотников. Можно думать, что в этот же период зарождается и рыболовство. Исследователи полагают, что древние охотники изготавливали себе оружие из дерева, каменные же орудия использовали в домашнем хозяйстве для обработки продуктов охоты и собирательства. Охота на крупных животных при наличии примитивных орудий развивала коллективные формы труда, способствовала объединению охотников в хорошо организованные группы.

Сравнительно высокое качество кремневых орудий на поздних этапах ашельской эпохи было вызвано возникновением нового (названного леваллуазским от деревни Леваллуа во Франции, где были впервые обнаружены соответствующие изделия) способа скалывания плоских отщепов — пластин с устойчивым лезвием почти по всему краю. Этот шаг оценивается как крупнейшая техническая революция эпохи камня. Быстрое освоение техники леваллуа является ярким свидетельством наличия у человека того времени осознанного представления о результатах своих трудовых операций, что предполагает существование уже как-то оформленных зачатков социальных отношений.

Люди ашельской эпохи вели еще полукочевой образ жизни, задерживаясь на одном месте не более двух сезонов. Эта еще очень кратковременная оседлость уже накладывала определенный отпечаток на хозяйство и социальные отношения, ограничив, в частности, участие женщин в охоте и установив половозрастное разделение труда. Женщины охраняли жилища, поддерживали огонь, заботились о детях и стариках, заготавливали топливо, собирали растительную пищу. Мужчины занимались охотой, часто связанной с длительными походами, и изготовлением орудий труда и оружия. При этом мужчины-охотники действовали уже в интересах всего коллектива, что вело к постепенному отмиранию стадных отношений.

В рассматриваемый период окрестности современного Сочи населяли палеоантропы, появившиеся около 350 тыс. лет назад. Симметричность и тщательная обработка орудий являются свидетельством достаточно осмысленного отношения этих «полулюдей» к форме и назначению произведений своего труда, к цели своих дейст-

вий. Как полагают, в этот период формируется и человеческая речь, появляются слова-предложения, хотя умственная деятельность носит еще очень примитивный характер.

Мустьерцы — жители пещер

Ашельская эпоха сменилась мустьерской, получившей свое название от французского селения Мустье, где были найдены впервые орудия этого времени. Эпоху мустье часто называют также средним палеолитом. Ее начало принято определять 100-тысячелетней давностью. Дата же конца этой эпохи для района Сочи была выяснена с помощью метода, основанного на анализе соотношений изотопов урана и тория в сталактитах, которые были найдены в Ахштырской пещере в слое, характеризующем переход от позднего мустье к верхнему палеолиту. Возраст этого слоя $35\ 000 \pm 2000$ лет от наших дней.

Мустьерские памятники достаточно многочисленны и характеризуются поселениями как на открытых площадках, так и в пещерах. Открытые стоянки мустьерцев располагались в 1 км к северу и в 0,5 км к югу от реки Макопсе, в Нижней Пластунке, на водоразделе рек Псахи и Сочи, к северу от Белых скал по обе стороны реки Хосты, в окрестностях села Ахштырь, по левому берегу реки Псоу и в других местах. Здесь собрано значительное число как готовых орудий — остроконечников, пластин с подправкой и др., так и отходов производства — отщепов, ядрищ, сколов.

Особое значение для изучения палеолита района г. Сочи имеют такие пещерные стоянки как Ахштырская, Малая Воронцовская, Навалишинская, Хостинская-1, Хостинская-2 и Кепшинская. Исключительно мощные культурные напластования от раннего мустье до эпохи бронзы были открыты в Ахштырской пещере. Поэтому она в настоящее время является эталоном при исследовании других пещерных и открытых местонахождений палеолита в окрестностях Сочи и в соседних районах Западного Кавказа.

В мустьерской культуре как открытых, так и пещерных стоянок выделяется два этапа: ранний и поздний. Ранний этап характеризуется материалами из нижнего горизонта Ахштырской пещеры и в определенной степени

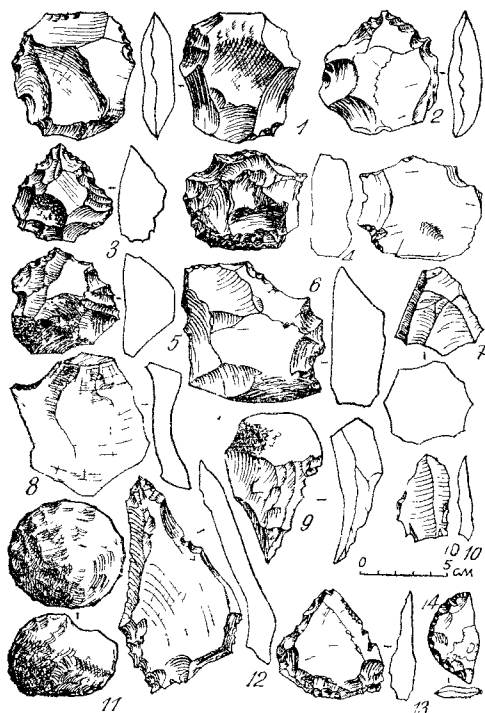

Рис. 2 Орудия с открытых стоянок ашельско - мустьерского времени в районе г. Сочи — рубила (1, 2, 9), скребла* (3, 6), нуклеус (7), отщепы (8, 10, 12, 13), отбойник (11), нож (14) со стоянок Блиново-5 (1, 2), Богос III (3—6), Ахштырь-2 (7), «Колына стоянка» (8, 9, 11, 14), Ахштырь-3 и 4 (10, 12, 13).

открытыми стоянками на террасах рек Мзымты, Псоу и др. Позднемустьерские орудия найдены в большинстве исследованных пещер района.

Ахштырская пещера расположена в 15 км от Адлера на правом берегу Мзымты. Доступ в нее возможен лишь по узкой тропе, которая ведет по карнизу 120-метровой скалы, нависающей над живописным ущельем. Перед входом в пещеру имеются две площадки: внешняя и внутренняя, разделенные скальной перегородкой с естественным коридором 12-метровой длины. Пол внутренней площадки и главного хода покрыт мощной толщей культурных отложений.

Древнейшие следы кратковременного обитания человека в Ахштырской пещере обнаружены на глубине от 4 до 5 м от поверхности отложений. Орудия, найденные здесь, изготовлены из кремня и кремнистого сланца. Среди них довольно много остроконечников, скребел, грубых

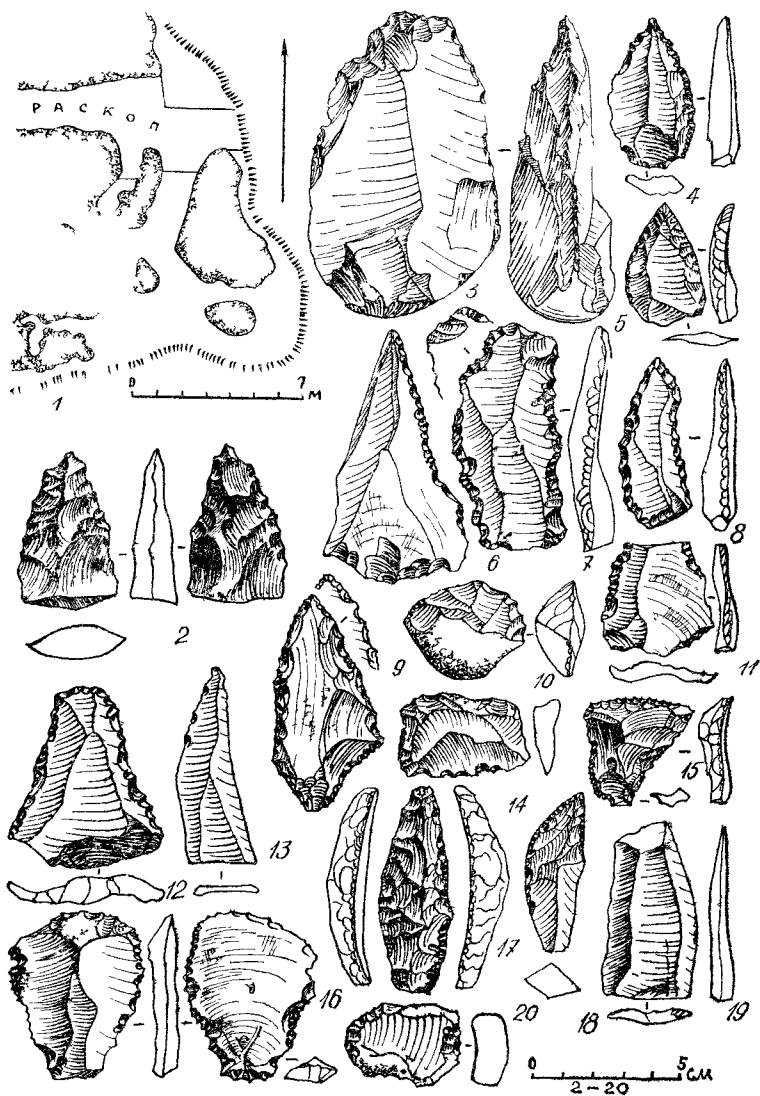

Рис 3 Ахштырская пещера План устьевой части пещеры (1), универсальное орудие (2), рубило (3), остроконечники (4—6, 8, 9, 11, 17, 18), скребло (10) и другие кремневые орудия из мустьерского слоя

рубящих орудий, дисковидных нуклеусов. Особый интерес имеют находки из нижнего слоя: четыре рубила с чертами пережиточного ашеля и обломок верхней части наконечника дротика. Последнее орудие носило универсальный характер, его могли использовать и в качестве ножа для свежевания мяса и при обработке дерева. Здесь же найдены многочисленные кости пещерного медведя, гигантского и благородного оленей, зубра, коз, волков, лисиц, диких кабанов, птиц, на которых вели охоту древнейшие жители стоянки.

Суровые похолодания в эпоху развитого мустье вызвали длительные перерывы в заселенности Ахштырской пещеры человеком. В накоплениях этого времени отсутствуют всякие следы его деятельности, а так называемые «медвежьи шлифовки» — выступы стен, заглаженные до зеркального блеска, говорят о том, что в ту пору здесь жили пещерные медведи.

Более богато представлены в Ахштырской пещере материалы позднего мустье. В слоях этого времени найдены кремневые и каменные орудия — остроконечники, часть которых могла служить остриями копий, многочисленные скребла различных типов, рубящие орудия, миниатюрные сверла, проколки, пластинки, использовавшиеся древним человеком при обработке дерева, кости, шкур животных, при свежевании мяса и т. д. Обнаружены здесь и остатки, связанные с производством кремневых орудий (дисковидные и леваллуазские ядрища-нуклеусы, отщепы, сколы, ретушеры). Среди этих находок уже совершенно отсутствуют рубила, а на орудиях появляются первые признаки техники, характерной для более поздней, верхнепалеолитической эпохи (резцовый скол и др.). При изучении пещеры получены очень интересные данные о растительном и животном мире, о климате той далекой эпохи. Как свидетельствуют результаты спорово-пыльцевого анализа почвы, вокруг пещеры тогда рос сплошной темнохвойный лес, близкий к елово-пихтовым лесам Абхазии, произрастающим теперь на высоте 1200—1800 м над уровнем моря. Хорошо рисуется по материалам того же слоя и животный мир: найдены кости пещерного медведя, зубра, благородного оленя, куницы, лесного кота, ласки. Здесь же найдены две плюсневые кости человеческой стопы. Одна из них принадлежала взрослому человеку в возрасте старше 30 лет.

В последующем по времени слое выявлены кости пещерного медведя, зубра, косули, кабана, козла, волка, орла. Такой состав фауны свидетельствует о широком распространении в этот период в окрестностях пещеры различных лиственных пород. Анализ пыльцы показал преобладание в растительности, окружавшей пещеру, сосны и травянистых растений. Из этого же слоя происходит очень редкая находка: коренной зуб (второй левый верхний моляр) и одна кость стопы, принадлежащие ископаемому человеку уже современного типа. В самом центре площадки перед входом в пещеру, недалеко от обрыва, были вскрыты три хорошо выраженных очажных пятна с остатками угля и золы, обложенных известняковыми плитами со следами огня. Вблизи очагов найдено много костей животных. Возраст этого слоя был по количеству иония и радиоактиния, содержащегося в этих костях, определен абсолютной цифрой в 35000 ± 2000 лет от наших дней.

Другим памятником, давшим яркий комплекс находок позднемустьерского времени, является **Малая Воронцовская пещера**, расположенная в верховьях реки Восточная Хоста, в 16 км по прямой от берега моря. Пещера находится в обрыве правого берега, на высоте 50 м над уровнем реки. Перед входом в нее имеется довольно обширная площадка, прикрытая нависающим козырьком скалы. От площадки в глубь горы ведет горизонтальный туннель длиной около 70 м, имеющий три зальных расширения и шесть галерей. В трех слоях последовательных культурных отложений, характеризующих конец мустьерской эпохи, выявлены остатки очагов, обложенных камнями, костров и хозяйственных ям, которые, как полагают, предназначались для хранения мясных продуктов.

Изделия, обнаруженные в слоях Малой Воронцовской пещеры, изготовлены из различных материалов. Это кремь, песчаник, сланец, мергель, кремнистый известняк. На широко поставленное производство каменных орудий указывают многочисленные ядрища-нуклеусы, отщепы, пластины, заготовки и сколы, осколки, обломки, ретушеры, галечки со следами ударов. Специальное изучение характера сработанности и подправок у значительной части обнаруженных здесь орудий привело к выводу, что их использовали главным образом в качестве скобелей для обработки дерева (изготовление рогатин, копий, па-

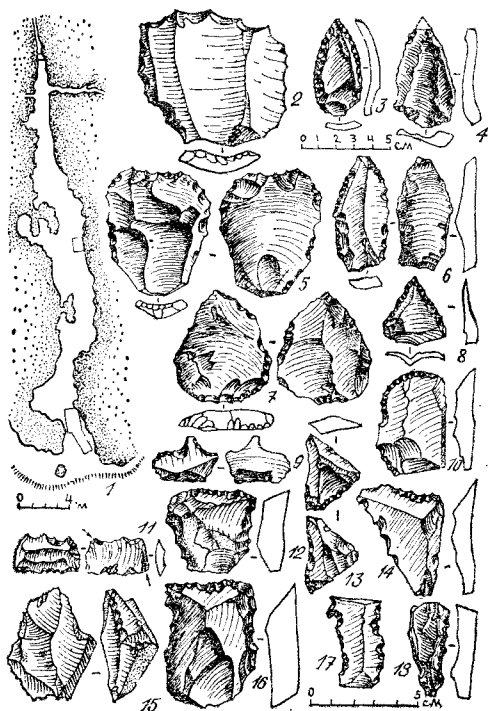

Рис. 4. Малая Воронцовская пещера. План устьевой части пещеры (1), отщеп (2), остроконечники (3, 4, 8), скобель (5), нож (6), микроорудия (9, 11), скребки (10, 12), режущее орудие (13), нуклеус-ретушер (15) и другие кремневые изделия из мустьерского слоя пещеры.

лиц и др.), а также кости и кожи. Когда такое орудие сильно изнашивалось, им пользовались в качестве ретушера для подправки других орудий. Судя по обильным находкам костей животных, население Малой Воронцовской пещеры питалось мясом пещерного медведя, волка, куницы, тура, косули, благородного оленя, горного козла, дикого кабана, полевки. Обилие костей пещерного медведя (до 98% всех находок) позволяет сделать вывод, что пещерный медведь являлся основным объектом охотничьего промысла людей на протяжении всего их обитания в пещере.

В период образования самого нижнего мустьерского слоя вокруг пещеры рос хвойный (пихта, ель, сосна) лес со значительной примесью лиственных (липа, дуб) пород. Позднее наступило похолодание — пещера была окружена исключительно хвойным лесом (пихта, сосна) и травянистыми растениями. Последующий слой откладывался

уже в условиях значительного потепления. Вокруг пещеры преобладал лиственный (бук, граб, дуб, вяз) лес с ощутимой примесью хвойных (сосна, пихта) пород.

Путь к **Навалишинской пещере** ведет сверху по скалисту карнизу. Перед главным входом расположена небольшая площадка, обрывающаяся в узкое и очень глубокое ущелье. Пещера состоит из коридора и нескольких внутренних залов. Находки мустьерского времени, обнаруженные в основании культурных напластований, включают кремневые остроконечники, скребла, пластины, отщепы, двухсторонне обработанные орудия и нуклеусы, кости животных (пещерный медведь, волк, коза и др.), а также остатки трех очажных пятен, проявляемых значительными прослойками угля. Стоянка, судя по всему, была кратковременной, сезонной.

Небольшая, но очень интересная пещера исследована в 1,5 км юго-западнее села **Кепши**, у подножия известнякового массива Ахцу, на высоте 80 м над уровнем реки Мзымты. Пещера состоит из скального навеса и проходной галереи высотой до 2,8 м. Раскопки под навесом у входа в галерею позволили выявить характерные позднемустьерские остроконечники, а также отщепы, ретушер и другие изделия, большое число костей животных. Жители пещеры питались мясом тура и пещерного медведя, ловили мышей (снеговая полевка, прометеева полевка) и хомяков, охотились на горную индейку-улара, кавказского тетерева, альпийскую галку. В этот период вокруг пещеры рос хвойный (пихта, ель, сосна) лес с отдельными включениями лиственных (граб, ясень, ольха) пород. Мустьерские остроконечники и пластины, а также кости пещерного медведя и зубра найдены также в нижнем слое культурных отложений **Ацинской пещеры**, которая находится на правом берегу реки Ац, в 0,5 км от ее впадения в реку Сочи. Устье пещеры, выходящее на юг, расположено на высоте около 120 м над уровнем реки.

Узкая тропинка по обрывистому известняковому карнизу приводит к входу в **Первую Хостинскую пещеру**, расположенную в отвесной скале правого берега реки Хосты на высоте около 300 м над уровнем реки. Пещера имеет несколько ходов и два входа, главный из которых ориентирован на северо-восток. Перед входом видна небольшая двухступенчатая площадка, завершающаяся обрывом. Среди находок, обнаруженных в слоях мустьер-

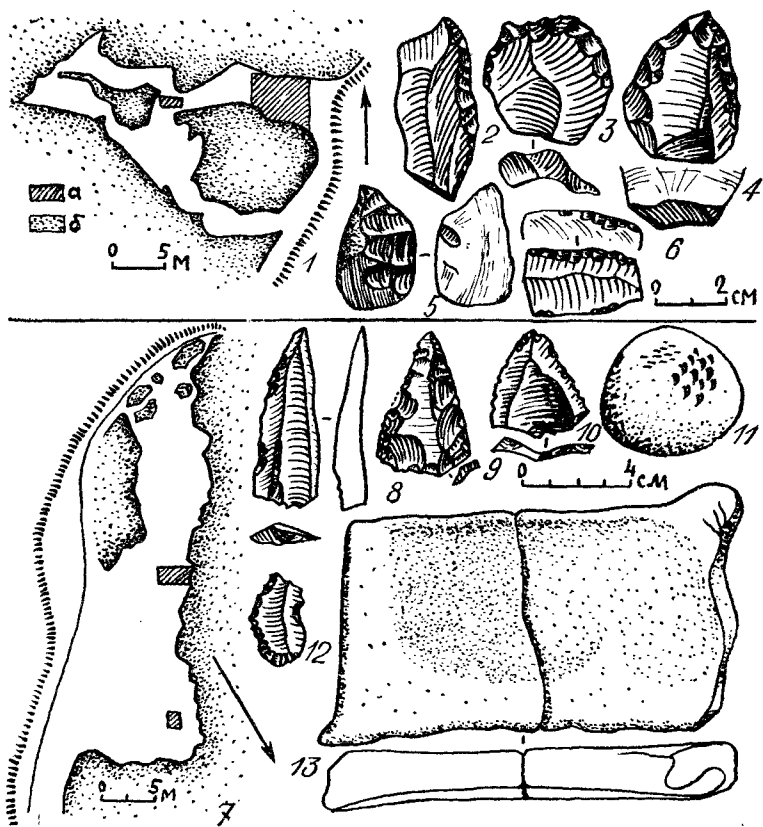

Рис. 5. Находки из Навалишинской (1—6) и Кепшинской (7—13) пещер — планы пещер (1, 7), скребла (2, 3), остроконечники (4, 5, 9), пластина (6), леваллуазские остроконечники (8, 10), ретушер (11), отщеп (12), терочник (13).

ского времени, интересны острия, нуклеусы и отщепы, кости пещерного медведя, зубра и оленя, мясом которых питались жители пещеры.

Вторая Хостинская пещера находится на правом берегу Хосты, в 1 км от первой, ниже по течению реки. Перед входом в пещеру — небольшая площадка. Находки мустьерского времени включают скребла, пластины, отщепы, осколки и кости пещерного медведя.

Как следует из всего сказанного, в раннем мустье ис-

использование пещер под жилища носило в значительной мере случайный, эпизодический характер. Позднее же, вероятно, в связи с климатическими колебаниями осваивается большинство пригодных для жилья пещер. Оседлость, хотя бы и сезонная, приобретает большое значение. Поселения в низовьях достигают значительных размеров, в горах же они играют роль регулярно посещаемых, но кратковременных охотничьих стоянок.

Основные следы обитания мустьерцев связаны с наиболее широкой и светлой привходовой частью пещер. При этом учитывались такие особенности обиталища, как условия подхода, ориентация входного отверстия, его размеры, укрытость от атмосферных воздействий, способность давать выход дыму костров, размеры площади, пригодной для жилья, возможность организации огневого заслона. Последнее обстоятельство было важно в связи с необходимостью обороны от хищников, среди которых особенно опасными для человека в ночное время были пещерный медведь и пещерный лев. Глубже за барьером защитных костров располагались хозяйственные ямы, а дальше очаги и лежбища. В Малой Воронцовской пещере обнаружены остатки нескольких одновременных бытовых центров, которые размещались на разном расстоянии от входа. Можно полагать, что в этой пещере обитала достаточно крупная община в несколько десятков человек.

Если пещерные стоянки служили в первую очередь жилищами, то стоянки на открытых пространствах возникали под воздействием и других, прежде всего производственных задач. Довольно широко распространены кратковременные и долговременные охотничьи поселения, которые располагались на лесных опушках в местах с благоприятными условиями для охоты. Здесь можно найти много законченных орудий, которые предназначались для изготовления оружия из дерева и обработки добычи (остроконечники, скребла и т. д.). Достаточно характерны и стоянки-мастерские, тяготевшие к выходам кремня и иного сырья, необходимого для изготовления соответствующих орудий. Такие «населенные пункты» мустьерцев проявляются большим числом производственных отходов, «недоведенных» заготовок, орудий производства. Функции охотничьих стоянок и производственных мастерских могли совмещаться, и в этом случае находки дают смешанный материал.

Мустьерские слои пещер в окрестностях Сочи отличаются друг от друга уровнем техники расщепления камня, размерами и формами заготовок, количественными характеристиками и вариациями в составе инвентаря. По основной, объединяющей эти слои особенностью является преобладание пластинчатой леваллуазской техники расщепления камня, которая сочеталась с зубчато-выемчатым оформлением режущих краев. В Ахштырской и Малой Воронцовской пещерах преобладает также техника пластинчатого скалывания. Очень интересен тот факт, что кремневая индустрия всех позднемустьерских слоев в рассматриваемых пещерах базируется на заготовках малых размеров. Эти заготовки подвергались вторичной обработке путем регулировки рабочих краев. Ретушь редко отличалась тщательностью, обычно же была прерывистой, разнородной, благодаря чему режущие края орудий приобрели пилообразное сочетание зубцов и выемок. В ряде случаев отмечен прием снятия резцовых сколов. Все эти особенности придают комплексам кремневых орудий своеобразный облик единой генетически развивающейся зубчатой мустьерской индустрии и позволяют выделить здесь обособленную от других районов Кавказа ахштырскую культуру зубчатого мустье.

Значительная часть каменных орудий из Воронцовской пещеры предназначалась для обработки дерева, а очень мелкие орудия, не имеющие еще деревянной рукоятки, были несравненно более результативными при разделке охотничьей добычи, обработке шкур, строгании дерева, чем зубы и ногти, которые человек, по всей видимости, еще долго применял в своей трудовой деятельности. Преимущество кремневых орудий состояло в том, что с помощью даже самого маленького осколка кремня можно отделить от ствола сук или ветвь, перерезав волокна в точке сгиба. Этим способом сравнительно легко можно отделить ветви толщиной 5—7 см в диаметре. Последующие операции (заострение концов копий и рогатин) упрощаются при параллельном обжигании обрабатываемых частей на костре. Помимо каменных ретушеров, при обработке орудий применялись и трубчатые кости животных. В Малой Воронцовской пещере обнаружены очень редкие орудия, изготовленные из корневой части крупного клыка и на толстой пластинке зубной эмали пещерного медведя.

Весьма вероятно, что мустьерцы уже пользовались простейшими копательными орудиями. Это скорее всего были заостренные палки, хотя часть этой работы еще могла выполняться руками. Существенно изменились способы охоты, которая в тот период велась как группами, так, по-видимому, и индивидуально. Мустьерцы применяли разнообразный по своим производственным функциям набор каменных и деревянных орудий, контактное (т. е. использовавшееся на близком расстоянии) и метательное охотничье оружие (копья и дротики с каменными наконечниками). Как показывают результаты раскопок, основной пищей мустьерцев было мясо пещерного медведя. Вместе с тем все чаще предметом охоты становился быстроногий олень. Увеличение запасов пищи способствует более длительным срокам оседлости и окончательно разграничивает сферы мужского и женского труда. Женщины теперь все свое время проводят на стоянках и вблизи от них, занимаясь поддержанием огня, сбором и обработкой растительной пищи, изготовлением одежды и т. д. По мнению исследователей, на предварительную обработку растительной пищи должны указывать сработанные песчаниковые плитки, обнаруженные в Кепшинской пещере. Не исключено, что в функцию мустьерских женщин уже входило также вяление и копчение мяса. Они могли прийти к этому, наблюдая за воздействием на него дыма костров в условиях пещерной жизни. Каждая из позднемустьерских общин представляла собой группу людей, специализировавшихся в различной хозяйственной деятельности с учетом навыков и физических возможностей.

Формы социальной организации мустьерцев нам пока неизвестны. Однако надо думать, что упомянутые выше человеческие коллективы уже были объединены зачатками родовых отношений. Как полагают, общественное разделение мустьерцев происходило в направлении ограничения брачных отношений: из них были уже «исключены» родители и дети, деды и внуки, бабки и внуки. Соответственно бытовавшие прежде стадные отношения в этот период уже переходили в какую-то более прогрессивную форму группового брака, что вело к исключению из этих отношений также родных братьев и сестер. Социальная же консолидация отдельных групп людей влекла за собой в дальнейшем образование зачаточных форм будущих

родоплеменных отношений. В ряде пунктов Кавказа уже в эпоху мустье возникают скопления однородных памятников (к ним относится и рассматриваемая группа стоянок в окрестностях Сочи). Каждое скопление, по-видимому, характеризовало тогда этнически близкую группу общин, связанных между собой единством происхождения, территории, хозяйства и культуры.

В рассматриваемый период окрестности современного Сочи были заселены палеоантропами-неандертальцами, к концу периода принимавшими облик, близкий к современному. Об этом говорит, в частности, вышеупомянутая находка костей человека современного типа в верхнем мустьерском слое Ахштырской пещеры. Обнаруженные здесь орудия служат свидетельством совершенствования сознания неандертальца, указывают на существование четко дифференцированных представлений о форме и назначении предметов, элементов окружающей среды. Исследователи предполагают, что мустьерцы в общении друг с другом уже пользовались значительным числом слов и звуков.

Век кроманьонцев

Мустьерскую эпоху сменяет заключительная стадия древнекаменного века — верхний палеолит, который охватывает период с 35 до 10 тыс. лет до н. э. Предметы этого времени обнаружены в большинстве местных пещер, заселенных еще в мустьерский период, и на довольно многочисленных открытых стоянках.

Наиболее полное представление о периоде дают материалы из соответствующих слоев культурных накоплений Ахштырской пещеры. Кремневые орудия здесь представлены разнотипными резцами, скребками, остриями, стамесками, ножевидными пластинками. Среди отходов производства примечательны призматические нуклеусы. Охотились ахштырцы на пещерного медведя, зубра, козла, косулю, дикого кабана, волка, лисицу, бурого медведя, куницу, белку, а также на сойку и мелкого орла. Из среднего горизонта позднепалеолитических отложений были взяты образцы угля, анализ которых позволил определить возраст этого слоя в 19550 ± 500 лет от наших дней.

Характерные памятники верхнепалеолитической куль-

туры были обнаружены и в Навалишинской пещере. Среди местных кремневых изделий много концевых скребков и ретушированных пластинок. Найдены ножевидные пластинки без вторичной обработки, мелкие пластиночки, резцы, стамески и призматические нуклеусы. Интересно, что среди этих изделий довольно много выемчатых и зубчатых орудий, свидетельствующих о сохранении более древних, еще мустьерских традиций. Здесь же обнаружено много обломков полуобожженных костей животных со следами искусственного раскола. Пищей служило мясо пещерного медведя, лося, козла, хомяка, птиц, ели также различных моллюсков, от которых сохранились раковины. Все эти находки концентрировались вблизи остатков кострищ и очагов, проявляемых угольными пятнами. В окрестностях пещеры в этот период господствовал сухой и холодный климат.

Верхнепалеолитический пласт изучался также в Малой Воронцовской пещере. Его радиоуглеродная дата: 14100 ± 140 лет, она установлена по древесному углю из очажного пятна и падает на период потепления, наступившего после значительного похолодания. Следы этого времени зафиксированы также в Ацинской и обеих Хостинских пещерах.

Открытые стоянки располагались на отдельных гребнях и площадках, речных террасах. Довольно большое число их найдено северо-западнее Сочи. Очень интересна стоянка в урочище Агуа (ущелье реки Сочи). Инвентарь верхнепалеолитических поселений в горной зоне характеризуют также материалы из долины Мзымты. В первую очередь следует назвать Монастырскую и Бешенскую стоянки, которые весьма близки по облику находок, хотя их расположение имеет существенную разницу. Первая находится в зоне холмистых предгорий на пологом склоне, вторая же расположена в глубине ущелья Мзымты (Красная Поляна) в зоне средних гор и тяготеет к вершине отрогового гребня. На обеих стоянках найдены острикоконечники, резцы и проколки на треугольных пластинках, концевые скребки, призматические нуклеусы, редкие обсидиановые орудия. Характерными чертами этих стоянок являются большой процент кремней с двухсторонней обработкой (так называемые бифасы), массивность многих изделий, отсутствие концевых скребков на пластинах, невыразительность мелких орудий. Ряд черт

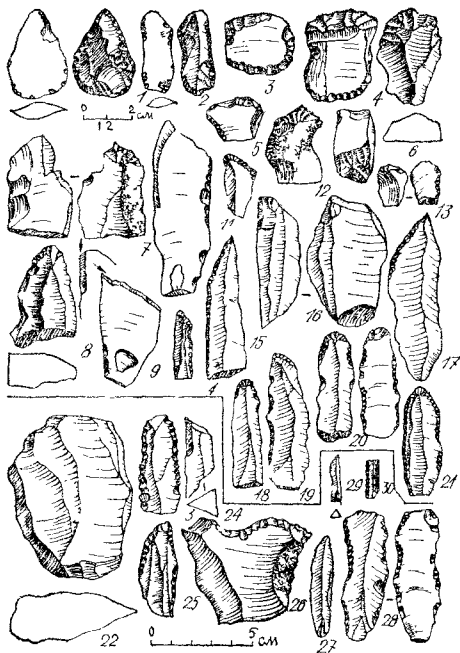
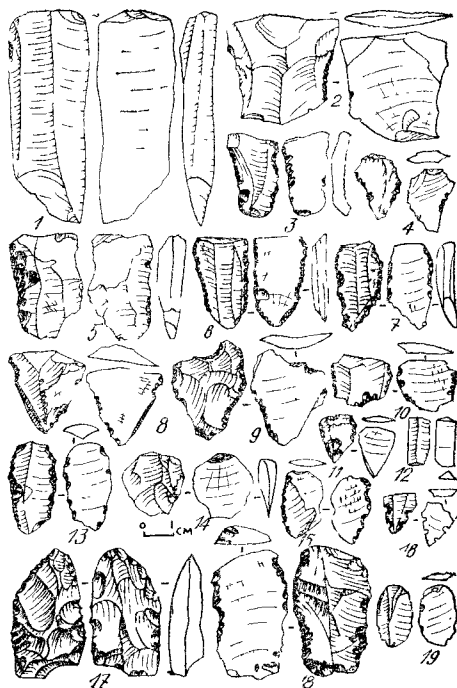

Рис 6 Находки из верхнепалеолитического слоя Ахштырской (1—21) и Навалишинской (22—30) пещер — резцы (7—10, 16, 24), скребки (3—6, 11, 12, 20, 21, 23, 26), острия (5, 17), стамески (13), пластинки (14, 18, 19, 25, 27—30), призматический нуклеус (22) и другие кремневые изделия.

сближает эти изделия с соответствующими материалами из Навалишинской и Ахштырской пещер и позволяет отнести их ко времени раннего и среднего этапов позднего палеолита.

Как и прежде, в пещерах заселялась устьевая их часть, где располагались кострища и другие элементы бытовых комплексов верхнепалеолитического человека. Все больше становится открытых стоянок, которые, судя по всему, представляли собой уже организованные поселения, включавшие несколько хижин, возводившихся из жердей и покрывавшихся ветками и шкурами. Внутри жилищ или вокруг них располагались хозяйственные ямы, очаги. Поселения как в пещерах, так и на открытых площадках, носят достаточно выраженный охотничий характер, что подчеркивается обилием костей животных (в пещерах) и набором кремневых изделий, включавших орудия для охоты, обработки кожи, костей и т. д. Население каждого поселка, надо полагать, уже четко распалось на три группы. В первую входили взрослые охот-

7 Верхнепалеолитические орудия — пластина (1), резцы (4, 8, 11), пластинки (6, 7, 12, 13, 16, 18), концевые скребки (9), остроконечники (17) и другие кремневые орудия со стоянок в селе Монастырь (1—16), в урочище Дмитриевка (17) и у крепости Мошкы-1 (18, 19)

ники, покидавшие поселение рано утром и возвращавшиеся к вечеру, во вторую — женщины, занимавшиеся домашними делами и сбором корней и плодов вблизи поселения. Третью группу составляли престарелые и дети, проводившие все время на поселении. Оседлость становилась все более длительной, местоположение поселка не менялось в течение нескольких лет. В отдаленных местностях уже создавались временные охотничьи базы. Их периодически использовали охотники, которые задерживались в горах на несколько дней.

Характеристика верхнепалеолитических памятников свидетельствует о значительном общем прогрессе по сравнению с мустьерской эпохой. Техника пластинчатого скалывания (леваллуа), характерная в значительной мере для предшествующего времени, уступает теперь место призматической технике раскалывания кремня и проявляется лишь как составная, подсобная часть послед-

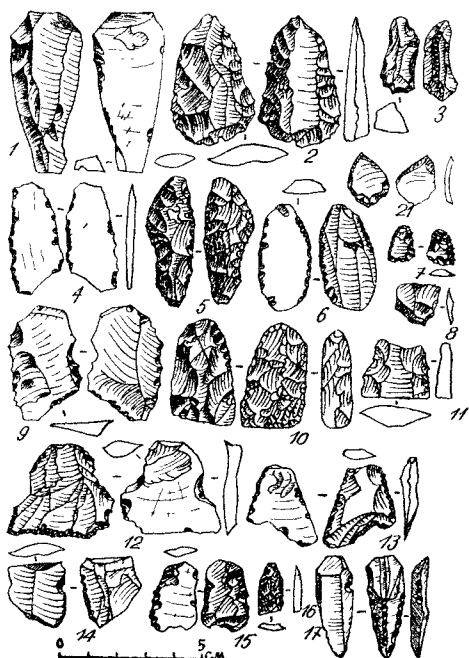

Рис 8 Верхнепалеолитические орудия — пластина (1), остроконечник (2), пластинки (4, 6, 7, 14, 16), скребки (5, 12, 13), проколка (8), резцы (14, 21), нуклеус (17) и другие кремневые орудия со стоянки у Бешенской крепости

ней. Три-четыре типа универсальных изделий заменяются такими разнообразными кремневыми орудиями, как ножи, наконечники копий, дротики, резцы, проколки, скребки, сверла и т. д. Обработка их осуществлялась с помощью нового приема отжимной техники, придающего изделию более точные и детальные формы.

Для изготовления призматических пластин необходимы были три элемента: нуклеус, посредник и отбойник. Для нуклеуса подбирали подходящий кремневый желвак, который затем очищали от корки, а одну из его сторон скалывали, образуя ударную площадку. Посредником служили обычно наконечники рогов животных, отбойником — соответственно подправленные куски камня. Мастер находил на ударной площадке необходимую точку, приставлял к ней конец посредника и наносил удар. От нуклеуса отскакивала при этом длинная и узкая пластинка, которая после соответствующей подправки становилась ножом, скребком, резцом или любым другим ору-

... по желанию мастера. Отжимная ретушь заключается в давлении на край подправляемого лезвия каменным или костяным орудием — ретушером, снимавшим мелкие чешуйки кремня.

Находки миниатюрных орудий геометрических форм (микролиты) указывают на появление в конце периода первых составных орудий. Тогда же получают распространение и костяные гарпуны для ловли рыбы. Изобретение шитья позволяло изготавливать из звериных шкур достаточно прочную и теплую одежду, защищавшую тело от холода и вызывавшую определенную потерю волосяного покрова. Заметные сдвиги произошли и в оформлении поселков. Возводятся деревянные жилища, ограды. Уже улучшается обработка дерева и кости: появляются первые элементы орнамента, украшения.

Основой экономики верхнепалеолитического человека по-прежнему была охота, которую теперь вели небольшими группами или в одиночку. Она была достаточно эффективной. Этому способствовало совершенствование охотничьего, в первую очередь метательного оружия, приводившее к накоплению все больших запасов пищи.

В этот период налаживаются и регулярные экономические связи с соседними районами. Об этом свидетельствуют находки изделий из обсидиана — вулканического стекла, ближайшие выходы которого имеются на Центральном Кавказе и, главным образом, в горах Малого Кавказа (Армения).

Первобытному обществу была свойственна коллективная собственность. Племя «владело» всеми животными, растениями и запасами сырья на данной территории. Дичь, вне зависимости от того, добывалась ли она коллективно или в результате индивидуальной охоты, делилась между всеми охотниками, членами общины по определенным нормам. Одновременно существовала уже и индивидуальная, личная собственность на орудия производства. С такой собственностью могут быть связаны и отдельные хозяйственные ямы на поселениях.

В начале рассматриваемого периода человек заканчивает свое биологическое развитие, приобретая внешне современный облик. Тогда же формируются и расовые признаки. Так, на стоянке в Холодном гроте (Абхазия) были найдены человеческие кости и черепа, в которых антрополог М. М. Герасимов определил негроидные при-

знаки. Это позволяет судить об облике отдельных верхнепалеолитических обитателей района Сочи, сосуществовавших здесь, как и в других районах Южной Европы (Италия, Моравия), с кроманьонцами.

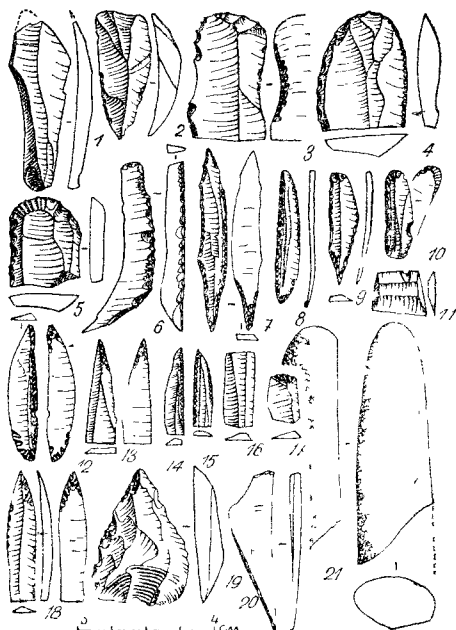
Как полагают, первичной социальной ячейкой верхнепалеолитического общества, во всяком случае, на поздних этапах его развития, была уже парная семья. Пять-десять таких семей составляли общину. Самым крупным общественным подразделением этого времени было племя. Внутри каждого племени уже должны были складываться и свои традиции: верования, обряды, способы охоты, манера изготовления орудий. Надо полагать, что мышление и память верхнепалеолитического человека позволяли собирать и определенную информацию, передававшуюся из поколения в поколение в форме достаточно примитивных еще преданий и мифов. Из религиозных верований в первую очередь следует предполагать культы различных животных, растений, явлений природы, культ предков и т. д.

От древнего камня к новому

Промежуточным, переходным этапом от палеолита, древнекаменного века к неолиту, новокаменному веку, был мезолит (от греческого мезо — между, литос — камень). Он охватывает незначительный отрезок времени (3—4 тысячи лет) и на рассматриваемой территории завершается, вероятно, в VII—VI тысячелетии до н. э. Находки этого времени на территории района г. Сочи пока немногочисленны. Среди них лишь Ацинская пещера может служить основой для более или менее определенных выводов.

В раннемезолитическом слое Ацинской пещеры найдено много каменных плиток-наковален, отбойников, ретушеров, отжимников и других изделий, связанных с производством кремневых орудий. Среди последних много сегментов, резцов, скребков, изготовлявшихся из очень мелких пластинок, которым нужная форма придавалась с помощью ретуши. Очень интересны костяные шилья и проколки, применяемые при шитье одежды. Жителям пещеры приходилось уже что-то красить. Найдены кусочки красной карминной охры. Возможно, для украшения использовался и горный хрусталь, его обломки также обна-

Рис. 9. Мезолитическая стоянка в Ачинской пещере. Пластинки без ретуши (1, 14), скребки (2—5, 10, 17), пластинки с ретушью (6, 8, 12, 14, 15), проколки (7, 9, 13, 18), трапеция (11), остроконечник (19), костяная проколка (20), каменный терочник (21).

ружены в пещере. Вероятно, магическое значение имели два камня, на которых выцарапаны геометрические узоры. Продолжали развиваться экономические связи с более восточными и южными районами Закавказья, о чем говорят находки обсидиановых орудий и обломков. Судя по пищевым отходам, сохранившимся в культурных наслоениях, жители пещеры охотились на пещерного медведя, ловили в протекающей внизу реке рыбу, собирали улиток.

В позднем мезолите общий облик местной материальной культуры несколько меняется: распространяются ножевидные пластинки, прямоугольные и трапециевидные вкладыши, угловые резцы, увеличивается приток обсидиановых изделий. Как и прежде, изготовление орудий происходит в пещере, куда приносили собранные внизу у реки кремневые желваки, которые затем расщепляли и обрабатывали с помощью каменных инструментов. Среди костей животных почти не встречается остатков пещерного медведя, зато увеличивается число раковин.

В мезолите возникают серьезные трудности в поисках пищи. Совершенствование охотничьего оружия привело к обеднению фауны. В этот период исчезают последние пещерные медведи, все большее значение приобретает охота на мелких животных. В связи с этим изобретаются лук и стрелы. Изыскиваются и новые источники питания, усиливается значение рыболовства и особенно собирательства (дикие плоды, грибы, орехи, птичьи яйца, улитки и т. д.). Оскудение пищевых ресурсов привело к раздроблению общин, резкому уменьшению площади и числа поселений, учащению межплеменных столкновений. Назрела необходимость перехода от хозяйства присваивающего к хозяйству производящему. Эта задача была решена позже.

Глава II. ОТ КАМНЯ К МЕТАЛЛУ

Первые земледельцы и гончары

Поселения новокаменного века (неолит) и отдельные находки этого времени обнаруживаются, как правило, на открытых площадках в поймах рек и на террасах, реже в пещерах. С большей или меньшей вероятностью в окрестностях Сочи к раннему этапу неолита (VI тыс. до н. э.) могут быть отнесены материалы из верхнего слоя Ацинской пещеры, среди которых интересны кремневые ножевидные пластинки, резчики и резцы, скребки. Остатки производства представлены призматическими нуклеусами, ретушерами и осколками кремня. Здесь же найдены каменные топоры, кости медведя и джейрана, концентрировавшиеся вокруг очагов, обозначенных скоплениями угля и золы.

Очень интересные материалы поздненеолитической эпохи (V тыс. до н. э.) были получены при исследовании поселения в Нижнешиловском. Раскопки позволили здесь впервые получить представление об облике древнейших из известных на рассматриваемой территории жилых построек. Как оказалось, неолитический человек при выборе места для жилища прежде всего руководствовался благоприятными условиями рельефа. Жилище обычно сооружалось на обращенном к югу склоне сухой балки, служившей укрытием от ветра. Фактически это были полужемлянки, кровля которых в фасадной части держалась на столбах. Дождевые воды, стекавшие по склону балки, а также с крыши, перехватывала специально вырытая канава. Удалось установить приблизительные размеры такого жилища: ширина 5 м, длина 7—10 м. Стены жилищ представляли скорее всего плетень из тонких ветвей. Аналогично могли выглядеть и двери, которые в других

случаях завешивали шкурами животных. Мусор сбрасывали вниз по склону.

Об интерьере этих жилищ из-за отсутствия реальных данных пока судить трудно. Однако можно предполагать, что внутри таких жилищ были деревянные лежанки-полати у задней стены, деревянные крюки для подвешивания пищевых продуктов вдоль стен и т. д.

В неолитическую эпоху произошли коренные перемены в области экономики. Они связаны с переходом к земледелию и скотоводству; от хозяйства присваивающего — к хозяйству производящему.

На Нижнешиловском поселении найдено значительное число каменных мотыгообразных орудий простейших форм. Аналогичные изделия вместе с кирковидными орудиями выявлены и на одновременных памятниках соседней Абхазии (Кистрик), где обнаружены хлебные ямы с остатками перегоревших злаковых зерен. В Нижнешиловском найдено также много каменных орудий-терочников и пестов для растирания зерна. Судя по всему, мотыжное земледелие играло уже важную роль в экономике местного населения.

Полированные клиновидные топоры различных форм и размеров, тесловидные и долотовидные орудия предназначались для обработки дерева и расчистки территорий под посевы. Среди кремневых орудий Нижнешиловской стоянки много сверловидных изделий. Вероятно, ими просверливали отверстия в дереве и кости.

Видное место в хозяйстве неолитических поселений занимала охота. Об этом говорят кремневые наконечники стрел с вытянуто-треугольным лезвием и коротким черешком, обнаруженные в Нижнешиловском. Уникален кремневый наконечник стрелы, заключенный в деревянное вытянуто-овальной формы изделие-выпрямитель. Отличная сохранность последнего, по-видимому, свидетельствует о том, что эта находка была сделана в торфянике.

Одним из важнейших продуктов охоты являлись шкуры животных, которые по-прежнему были основным материалом для изготовления одежды, раскрой и обработку которой делала с помощью кремневых режущих изделий и скребков. К последним могли относиться давно интересующие ученых пластинки с выделенной головкой. Их назначение пока не выяснено, но, возможно, обе выемки, образующие шейку орудия, предназначались для

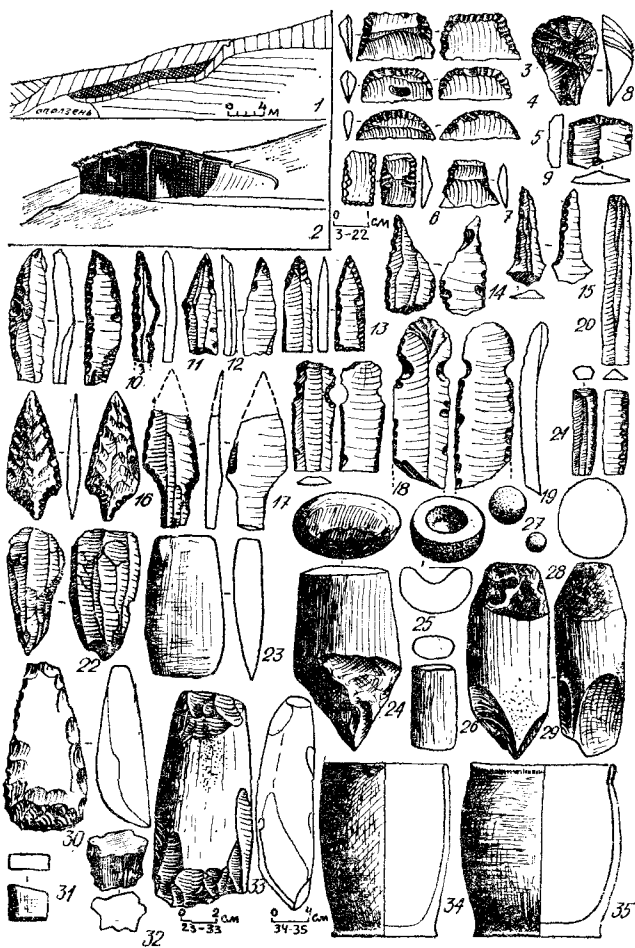

Рис. 10. Нижнешиловская стоянка. Разрез правого берега р. Псоу на стоянке (1), реконструкция жилища (2), трапеции (3, 4, 6, 7), сегмент (5), скребки (8, 9), острия (10—15), наконечники стрел (16—17), ножевидные пластинки с выделенной головкой (18, 19), пластины (20, 21), нуклеус (22), топоры (23, 24, 29, 33), камень с углублением (25), обломки шлифованных орудий (26, 31), пращевые шарики (27, 28), мотыга (30), терочник (32), керамические сосуды (34, 35).

закрепления их в расщепе деревянной рукояти. Сшивалась одежда с помощью костяных игл и кремневых проколов.

Важным достижением периода является изобретение керамики. На Нижнешилловском поселении керамические изделия представлены плоскодонными сосудами баночной формы без ручек. Стенки сосудов прямые либо слабо-выпуклые, округлый в сечении край изредка слабо вогнут или выгнут. Один фрагмент принадлежал плоскодонной миске или тарелке. Характерной особенностью нижнешилловской посуды является отсутствие всякого орнамента. Некоторая дифференциация форм рассмотренных глиняных изделий свидетельствует о том, что эта керамика уже не принадлежит к древнейшим формам местной посуды.

В позднем неолите по-прежнему широкое распространение имели изделия из кремня, техника изготовления которых претерпевает новые изменения. Широко распространяются геометрические орудия: трапеции, сегменты и др., служившие в качестве вкладышей для составных орудий с костяной и деревянной основой (наконечники стрел, дротиков, ножи). Эти орудия обрабатывали с обеих сторон тонкой состругивающей ретушью. Аналогично выделывали проколки, сверла и развертки. С помощью двухсторонней грубой отески оформляли крупные мотыгообразные орудия, заготовки для топоров. Довольно широкое распространение получила полная или частичная шлифовка каменных орудий (топоры, тесла и др.). Возможно, что и часть обнаруженных в Нижнешилловском шариков для пращи подвергалась искусственной обработке с последующей шлифовкой.

Торгово-экономические и культурные связи населения района г. Сочи того времени иллюстрируются в первую очередь обсидиановыми орудиями, материал для которых поступал сюда, как и прежде, из южных районов Закавказья. В зависимости от тех же связей многие исследователи ставят распространение в инвентаре неолитических стоянок данного района и прилегающей Абхазии ряда черт, находящихся аналогии в памятниках Передней Азии.

С появлением экономики нового типа, подготовленной исподволь техническими достижениями предшествующей мезолитической и ранненеолитической эпох, в развитом неолите возникает целый ряд новых отраслей производства, прежде всего — гончарное дело. Осуществляется по-

всеобщий переход к прочной оседлости, благодаря чему происходят и коренные перемены в быту и образе жизни человека. Новая экономика повышала уровень благосостояния, увеличивала досуг, способствовала резкому возрастанию организационных функций родоплеменной системы управления обществом, укреплению парной семьи, формированию постоянных культурно-экономических связей с соседними областями. Она увеличивала сырьевой ассортимент и разнообразие технических приемов в изготовлении орудий производства, накладывала свой отпечаток на религиозное мышление.

Основную ячейку неолитического общества все еще продолжала составлять материнская семья, представлявшая значительную группу людей, связанных тесным родством по женской линии. Парный брак внутри такой семьи начинает приобретать все более определенный хозяйственный характер. Совокупность ряда материнских семей образовывала «материнский род», или «родовую общину», размещавшуюся обычно в одном поселке. Ряд таких родов образовывал племя. Эта схема общественно-го устройства должна была сохранять свое господствующее положение до момента перехода от разведения домашних животных к развитому животноводству и от мотыжного к плужному земледелию, когда возникли патриархальные отношения.

Век каменной мотыги

Как полагают исследователи, обитатели Нижнешиловской стоянки уже были свидетелями первых проявлений неолита (от греческого энеос — медь, литос — камень). Этот период отличается, с одной стороны, внешним сохранением и даже совершенствованием многих предшествующих каменных форм. В то же время уже возможно появление первых металлических (медных) изделий холоднойковки. В окрестностях Сочи со значительной степенью вероятности к данному периоду могут быть отнесены приморская стоянка «Бочаров ручей» и десятки стоянок с мотыжками «сочи-адлерского» типа, разбросанных в районе холмистых предгорий. Появились эти поселения в IV — первой половине III тысячелетия до н. э., хотя такая хронология носит пока в достаточной степени условный характер.

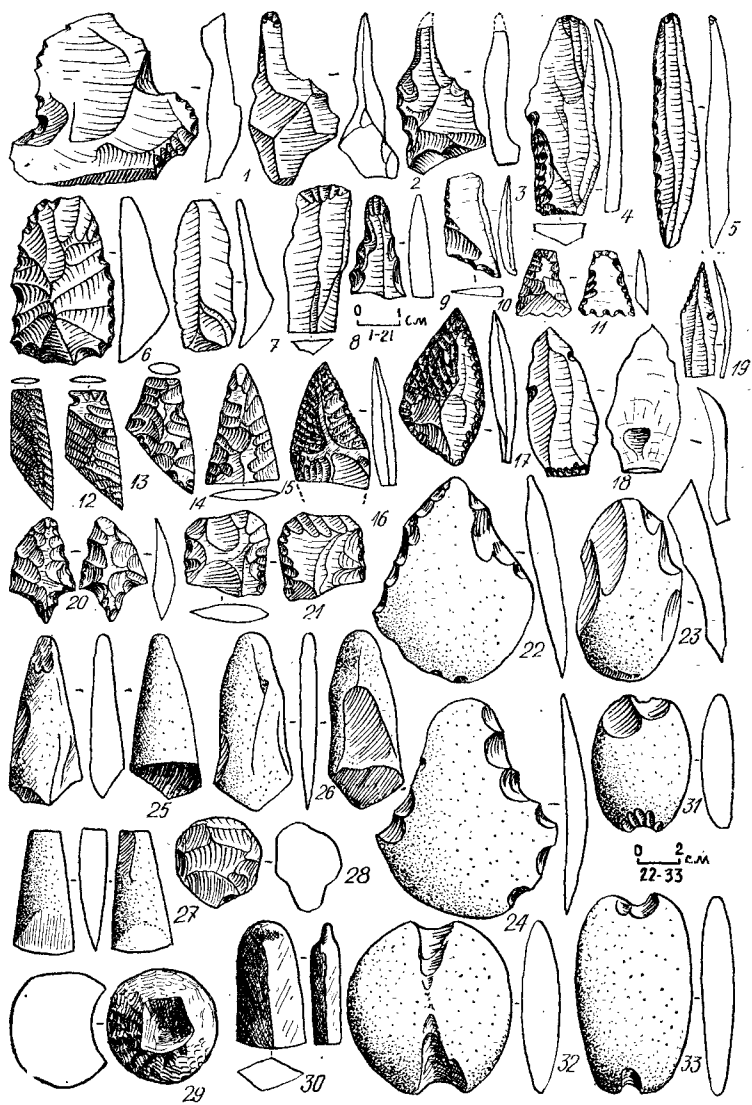

Рис 11. Стоянка «Бочаров ручей». Кремневые проколки (2, 3, 19), раз-
 вертки (5, 9), скребла (6—8, 21), геометрические микролиты-вклады-
 ши (11—14), каменные мотыги (22—24), тесла (25—27), отбойники
 (28—29), грузила (31—33) и другие орудия.

«Бочаров ручей» находится на северо-западной окраине Сочи. Здесь еще в 1941 г. собрана значительная коллекция изделий, включающих каменные мотыги, треугольные наконечники стрел, концевые скребки на пластинках, трапеции, сверла, проколки и другие изделия. Жители этого поселения занимались рыболовством, о чем говорят кремневые вкладыши от гарпунов и грузила для сетей, а также охотой, земледелием и, по всей вероятности, придомным животноводством.

Подлинный расцвет мотыжного земледелия демонстрируют стоянки с каменными мотыжками, широко распространенные на холмистых предгорьях в междуречье Псоу и Сочи (Ахштырь, Казачий Брод, Молдовка, Батарейка, Ажек, Пластунка, Малый Ахун, перевал Мамайка). Стоянки эти располагаются на террасах вдоль пологих склонов и на уплощенных вершинах, проявляясь каменными мотыжками, дисками, клиновидными орудиями, грузилами из гальки, шаровидными терочниками и отбойниками, зернотерками, различными кремневыми орудиями и фрагментами грубой лепной посуды. Вероятно, к этому же времени относятся шлифованные топоры с просверленным отверстием, кремневые долота, массивные тесла, в отдельных случаях имевшие выступающие «ушки».

Необычно широкое распространение мотыжек и появление ладьевидных зернотерок позволяют сделать вывод, что в IV—начале III тысячелетия в рассматриваемом районе производительные силы местных племен дошли до того уровня, когда земледелие стало наиболее важным источником существования.

Разнообразие форм и размеров мотыжек говорит об их различной специализации. Здесь могут быть выделены орудия для рыхления земли, для копания и переворачивания грунта, для подсекания корней растений. Материалом для изготовления этих орудий служили окатанные речные гальки из аспидного сланца, диорита, мелкозернистого песчаника, изредка кремня. Сильным ударом по ребру эти гальки раскалывали на две половины. С одной стороны, они сохраняли естественную поверхность, с другой — их подправляли грубой отеской вдоль полукруглого лезвия. В тыльной части орудия несколькими затупливающими сколами выделяли узкий черешок, предназначенный для закрепления мотыжки на деревянной рукояти.

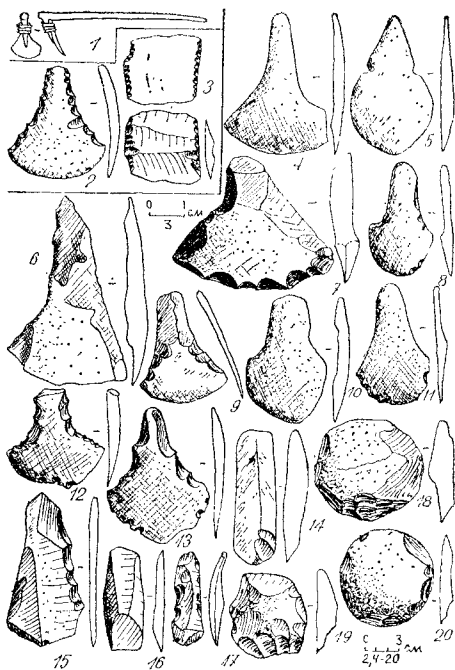

Рис. 12. Реконструкция мотыги (1), каменные мотыговидные орудия (2, 4—20) и кремневый вкладыш (3) со стоянок Ахштырь-1 (2, 3, 19), в верховьях р. Псахо (4, 5), Гумария-3 (6, 18), Примерный (7), Псоу-1 (8), Ахштырь-5 (9), Ахун-гора (10), Блиново-2 (11), Псоу-3 (12), перевал за В. Мамайкой (13), Лоо (14), Веселое (15), Ахштырь-3 (16), Ахштырь-4 (17).

Определенное место в экономике энеолитических племен занимали охота, которая велась с помощью лука и стрел, и постепенно развивавшееся скотоводство. Часть каменных орудий сечковидной формы исследователи связывают с раскромом кожи. Вероятно, о появлении новой отрасли ремесленного производства — ткачества говорят те галечные грузила, которые находят вдали от берега моря и крупных рек, на возвышенностях. Можно полагать, что именно в это время был изобретен ткацкий станок, предназначенный для изготовления шерстяных и льняных тканей. Кремневые же изделия, найденные на стоянках с мотыжками, маловыразительны и отражают определенную деградацию кремневой индустрии.

Необходимо отметить любопытный факт большого сходства мотыг «соchi-адлерского» типа с соответствующими земледельческими орудиями Передней Азии, где они датируются концом VI — рубежом IV—III тысячелетия до н. э. Это сходство может свидетельствовать о свя-

зях племен Северо-Восточного Причерноморья с более южными районами. Вместе с тем не исключено, что рассматриваемые мотыжки были изобретены древними сочинцами самостоятельно, но в условиях, по уровню и характеру производительных сил имевших сходство с Передней Азией более раннего времени. Необходимо также подчеркнуть, что на территории соседней Абхазии подобные мотыжки неоднократно найдены в непо потревоженном культурном слое. И всякий раз их дата определялась уже эпохой бронзы, что указывает на длительную традицию использования мотыжек в этом районе.

Энеолитические памятники в окрестностях Сочи систематически не исследовались. Большинство сведений добыто в процессе более или менее случайных поверхностных сборов на размытых склонах или распаханых полях. Можно, однако, думать, что социальные отношения в среде местного энеолитического населения мало изменились по сравнению с неолитической эпохой. Новой особенностью является резкое увеличение числа небольших оседло-земледельческих поселений, что говорит о возмраставшем благополучии и накоплении излишков продуктов. В производстве последних важное место принадлежало женщине, одним из главных занятий которой было мотыжное земледелие. В этих условиях материнский род должен был сохранять свое господствующее положение.

Пещерные городища

Вслед за энеолитом приходит раннебронзовая эпоха, которую в окрестностях Сочи характеризуют материалы из Воронцовской и Ахштырской пещер, а также отдельные находки на открытых стоянках (Ахштырь, Блиново, Псоу, Гумария и др.).

Воронцовская пещера расположена в верховьях реки Кудепсты. Она представляет довольно сложную карстовую систему, соединенную с поверхностью склона восемью ходами: Холодным, Брекчиевым, Глубоким, Недоступным, Сторожевым, Очажным, Вестибюлем и Нижним. Внутри пещера имеет большое число ответвлений, тупиков, залов и гротов.

Очажный грот находится в нижнем этаже пещеры, имеющей здесь выход в узкое и труднодоступное ущелье истока Кудепсты. В гроте выявлен разнообразный ассор-

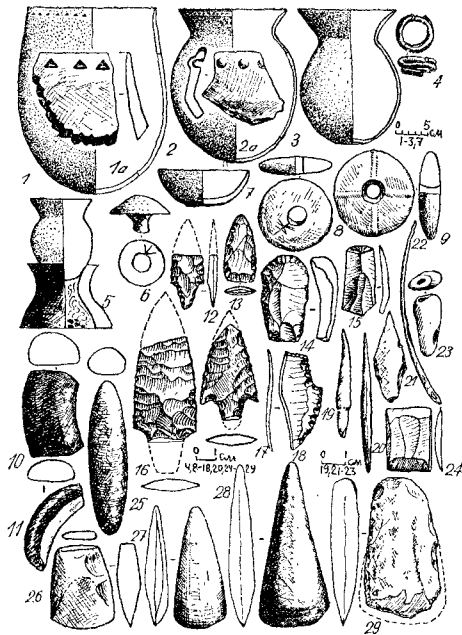
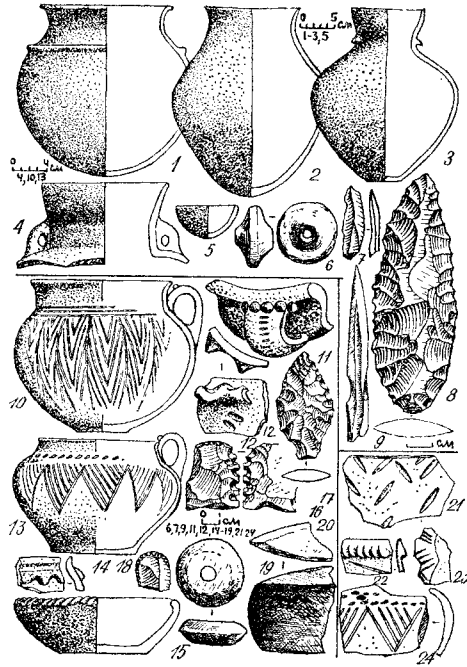

Рис. 13. Воронцовская пещера. Находки в Очажном гроте — керамические сосуды (1—3, 7), мангал (5), пробка (6) и фрагменты сосудов (1а, 2а), электрическая спираль (4), пряслица из известняка (8, 9), браслеты из змеевика (10, 11), кремневые наконечники стрел (12, 13) и дротиков (16, 17), скребки (14, 15), резцы (18), костяные проколки (19, 20, 21), игла (22), пронизь (23), пластинка из кабаньего клыка (24), каменное шлифованное долото (26), сланцевое (27) и диоритовое (28) тесла, «лесной топор» из сланца (29) и орудие из известняка (25).

тимент кремневых, каменных и костяных орудий, фрагментов керамических изделий, а также золотой височный завиток. Кремневые орудия представлены проколками, сверлами, черешковыми наконечниками дротиков и стрел, скребками, вкладышами для серпов. Из каменных изделий интересны топовидные и мотыговидные орудия со шлифовкой. В верхней части слоя найдены обломки каменных браслетов из змеевика, сохранившие прекрасную полировку. К костяным изделиям относятся наконечники стрел, проколки, ложила, долота, двойные острия, иглы из распиленной кости и рыбьей кости. Керамика Очажного грота представлена сосудами с округлым дном.

Из найденных в Заложенном и Колокольном гротах кремневых орудий интересны резцы, скребки и наконечники стрел. Орудия из камня представлены терочниками, долотовидными орудиями, клиновидными топорами. Из костяных орудий нужно отметить иглы, проколки, ложила. Керамика представлена лощеной, с округлым и плоским дном посудой, на которой впервые проявляются ручки. Исследователи выделили и обломки привозной посуды.

Рис. 14. Воронцовская пещера. Находки в Колокольном гроте (1—9) и на площадках IV (10—20) и V (21—24) входов — керамические сосуды (1—5, 10, 13, 15), фрагменты сосудов (11, 12, 14, 21—24) и пряслице (6), кремневая пластинка (7), нож (8), наконечник стрелы (17), пила (16), скребло (18), костяное шило (9), каменное пряслице (19) и обломок шлифованного топора (20).

В Заложенном гроте найден бронзовый кинжальчик-бритва. Здесь же обнаружены раковины морских моллюсков. По своему характеру материал из последних гротов относится к более позднему, чем наслоения Очажного грота, времени, вероятно, уже к заключительному этапу раннебронзовой эпохи. Сходные остатки выявлены и в верхнем ярусе Большой Воронцовской пещеры.

Довольно значительный комплекс предметов, по своему облику близких к материалам из Очажного грота, обнаружен во втором слое Ахштырской пещеры. Это ножевидные и серповидные орудия и пластинки, каменные клиновидные топоры, тесловидные орудия, терочки, остроконечники, зернотерки, резаки, ножи, проколки и скребла, костяные проколки, ложила. Вместе с этими предметами найдено довольно много фрагментов керамики, керамические пряслица, а также большое число костей животных.

Судя по сказанному выше, в эпоху ранней бронзы пе-

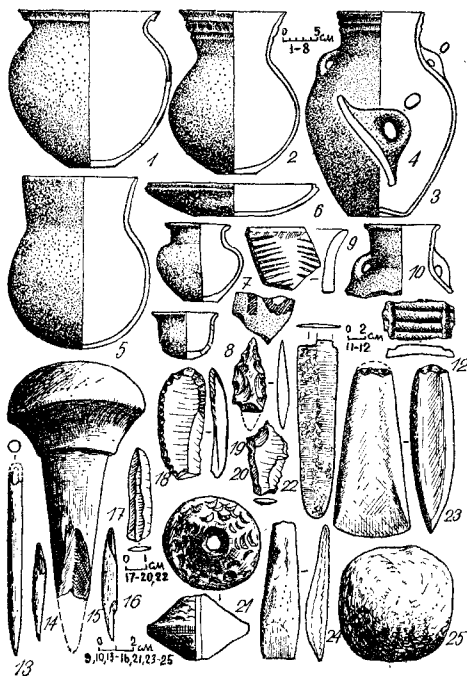
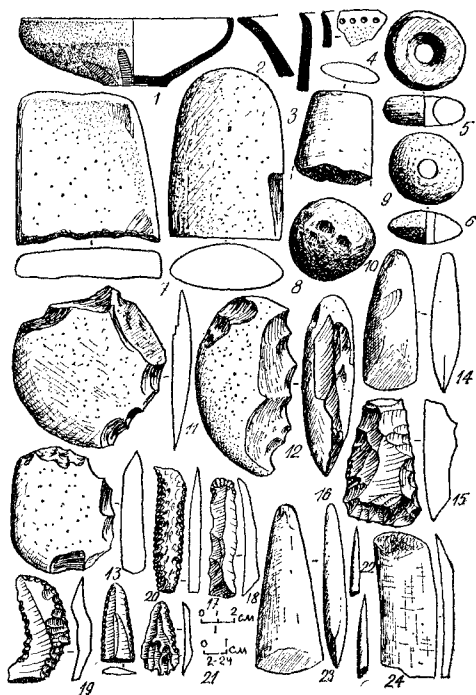

Рис. 15. Воронцовская пещера. Находки в Заложённом гроте — керамические сосуды (1—3, 5—8), обломки сосудов (4, 9—12) и пряслице (21), костяная игла (13), проколки (14, 16) и на-
вершие (15), кремневые пластинки (17), скребок (18), наконечник стрелы (19), проколка (20) и отбойник (25), медный нож (22), каменные (диабаз) топор (23) и тесло (24).

щеры снова привлекают внимание древнего населения.

В своеобразное многоярусное городище превращается Большая Воронцовская пещера. Поселенцы занимают устьевую часть Ахштырской и ряда других пещер. Появляются первые монументальные сооружения из камня, назначение которых — благоустройство жилищ. Основание для такого вывода дает стена, возведенная в Заложённом гроте. Она сложена из крупных обломков известняка и полностью до потолка перегораживает грот на глубине 9 м от входа. Возможно, постройка эта предназначалась для защиты от струи холодного воздуха, выходящей здесь из глубины пещеры. Пол пещерных жилищ оформлялся слоем пережженной красной земли, поверх которой отмечаются скопления золы и углей — следы очагов, обрамленных плитами известняка. В Очажном гроте найдены также своеобразные «мангалы» — массивные высокие глиняные кольца-подставки, служившие для варки пищи. Интересно, что и в прибрежной зоне из-

Рис. 16. Ахштырская пещера. Находки из слоя раннебронзовой эпохи — глиняные чаша с росписью (1), фрагменты сосудов (2—4) и пряслица (5, 6), каменные зернотерки (7, 8), клиновидные топоры (9, 14, 15, 23), отбойник (10), мотыговидные орудия (11, 13), резак (12), кремневые серповидные ножи (17, 19), пластинки (18, 20, 21), костяные проколки (22, 23) и лошילו (24).

вестен ряд стоянок открытого типа: Ахштырь, Блиново, Псоу, Гумария. Они представляли, по-видимому, небольшие скопления деревянных хижин, в их интерьер входили такие же обложенные камнем очаги и «мангалы».

Судя по ассортименту орудий (мотыги, «лесные» топоры, серповидные орудия, зернотерки и терочники), основное место в хозяйстве населения по-прежнему занимало земледелие. Видную роль играло придомное животноводство. На стоянках найдены кости быка, овцы, свиньи, причем основное значение имел мелкий рогатый скот. С молочным животноводством связываются фрагменты керамических ситечек для сцеживания молока. Каменные и глиняные пряслица принадлежат веретенам, с помощью которых изготавливали нити из шерсти овец. Видное место продолжал занимать охотничий промысел. Охотились на медведя, косулю, муфлона, кабана, зайца, барсука, благородного оленя, осла...

Ремесленное производство носило домашний харак-

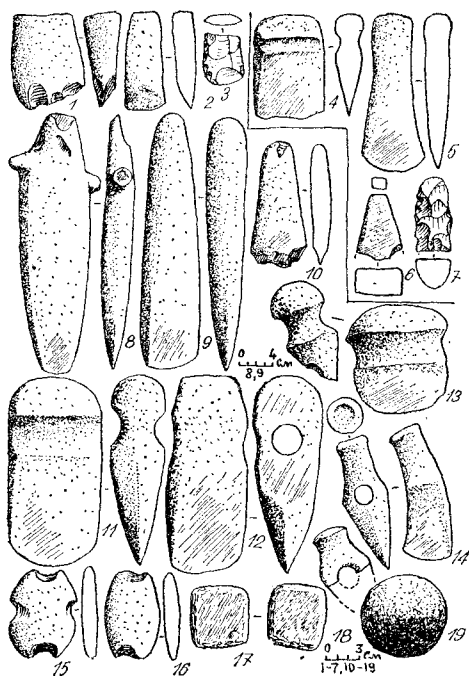

Рис. 17. Кремневые (7) и каменные изделия с территории района г. Сочи — шлифованные тесла (1—3, 5, 8—10) и топоры (4, 11—14, 18), грузила (15, 16), терочники (6, 17), шары (19) и другие изделия с поселений в окрестностях Сочи (2, 8, 11—14, 18), Нижнешиловское (1), Ахштырь-3 (3, 10), Воронцовка (4—7), в окрестностях Адлера (9), Псоу-1 (15), Псоу-3 (16, 17) и Блиново-1 (18).

тер. В раннебронзовую эпоху ускоренными темпами развиваются керамическое производство, металлургия, обработка кремня и камня, кости, имеются косвенные свидетельства об обработке кожи, текстильном производстве и т. д. Особенно интересны данные об изготовлении керамических изделий.

На раннем этапе (Очажный грот, Ахштырская пещера) преобладают глиняные сосуды округлой формы, не имеющие ручек и орнаментированные изредка «жемчужинами» — шишечками либо рядом ямочек, нанесившихся трехгранным или круглым костяным чеканом вдоль венчика. По типу эти сосуды подразделялись на большие яйцевидные сосуды, горшки, горшочки и плошки. Последние, возможно, служили светильниками. В хорошо промытой глине изделий заметна примесь речного песка и кварцита. Поверхность сосудов снаружи обтирали глиной, хорошо заглаживали, а иногда покрывали лощением или расписывали темно-бурой краской. Сосуды лепили вруч-

ную, с помощью коротких жгутиков глины, и обжигали затем на кострах, что подчеркивается неравномерной окраской их поверхности. На позднем этапе (Заложенный и Колокольный гроты) качество керамических изделий повышается. Примеси песка и кальцита более мелкие. Стенки сосудов заглажены пучком травы либо оформлены лощением по желтому, красному, изредка черному фону. Помимо округлодонных сосудов, имевших по-прежнему широкое распространение, появляются плоскодонные корчаги. Одновременно возникают у сосудов ручки, вначале очень примитивные: к стенке сосуда прилепляли кусок глины, которому придавали соответствующую форму, а отверстие пробивали с помощью палочки. Орнаментация сводилась к поясам пальцевых вдавлений вдоль края венчика. Чтобы не испортить при этом форму последнего, с внутренней стороны против каждого вдавления упирали палочку, оставляющую круглое углубление. Для декоративных целей использовали различные виды нарезного орнамента, а также полоски глины, которые наклеивали вдоль края или горла сосудов. Появляются глиняные пряслица, изредка орнаментированные отпечатками женского ногтя. Они служили грузиками для деревянных веретен.

В рассматриваемый период развиваются как внутренние, так и внешние торгово-экономические и культурные связи. Как полагают, стоянки Большой Воронцовской пещеры в значительной мере являлись временными поселениями и убежищами торговцев, шедших с побережья к горным перевалам на Северный Кавказ, а также торговцев-посредников между прибрежным и горным населением района. Показательны в этом отношении находки раковин морских моллюсков, доставлявшихся в пещеру несомненно с берега моря. Свидетельством дальних торговых связей являются привозная керамика, выявленная в ряде гротов той же пещеры, и полированные браслеты, изготовленные из минерализованного серпентина, ближайшие выходы которого имеются на Северном Кавказе, в верховьях рек Лабы и Кяфара. Не исключено, что к привозным изделиям относится и золотой завиток.

Никаких реальных подтверждений о серьезных изменениях в отношениях внутри местной родовой общины в этот период не имеется. По-прежнему делом мужчин было изготовление орудий для охоты и, вероятно, в зна-

чительной мере скотоводство. Женщины занимались земледелием, изготавливали керамическую посуду, ткани, одежду. В то же время развитие металлургии, связанной с добычей и обработкой металлов, а также все расширяющиеся торговые связи постепенно выводили роль мужчин в общественном производстве на первый план. Однако нарождавшиеся патриархальные отношения в рассматриваемом районе не смогли достигнуть того уровня, на который они уже поднялись в некоторых других пунктах Кавказа (Майкоп, Южный Кавказ).

Впервые на этом этапе обнаруживаются в окрестностях Сочи и реальные сведения о погребальных обрядах. В Ахштырской пещере найдено погребение ребенка, лежавшего в скорченном положении головой на запад, лицом на юг. Бедренные кости находились под прямым углом к позвоночнику, тогда как голени лежали почти параллельно бедрам. Руки были вытянуты к коленям. Первоначально костяк мог лежать и на спине, с согнутыми ногами, коленями вверх.

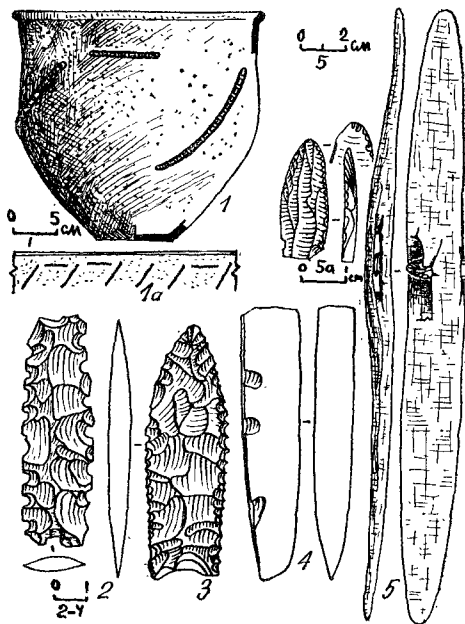
Погребение с совершенно иным обрядом, характеризующим, вероятно, более поздний этап, было обнаружено на стоянке Псоу-1, в устье одноименной реки. Здесь найден большой сосуд, украшенный насечками поверх жгутов, наклепанных в своеобразной схеме по тулову. В сосуде лежал лишь человеческий череп.

Материал, позволяющий судить об этнокультурной принадлежности местного населения в III тысячелетии до н. э., весьма ограничен. Можно указать на близость керамики из Воронцовской пещеры с соответствующими памятниками горной Абхазии (способ формовки, лощение, контур отдельных венчиков, ручки).

Одновременно в местной посуде отмечается, хотя и эпизодично, использование «жемчужного» орнамента (ряд бугорков вдоль венчика, образованных наколкой острой палочкой с внутренней стороны черепка). Этот прием, как и другие черты (отдельные ручки, лощение, форма некоторых сосудов) характерен для памятников майкопской культуры (Мешоко, Ново-Свободная и др.).

Большинство исследователей памятники майкопской культуры относят к III тысячелетию до н. э. Причем если ранний ее этап укладывается в рамки 2600—2400 лет до н. э., то заключительный, новосвободненский—2300—2000 лет до н. э. Аналогично, вероятно, должны быть

Рис. 18. Погребальный сосуд со стоянки Псоу-1 (1), кремневая пила (2), наконечник дротика (3), долото (4) и наконечник стрелы (5а) с деревянной дощечкой (5) из окрестностей Сочи.

определены и даты для соответствующих этапов ранней бронзы, представленных стоянками Большой Воронцовской и других пещер.

Культура дольменов

Среднебронзовую эпоху на рассматриваемой территории характеризуют памятники дольменной культуры. К ней относятся дольмены — монументальные гробницы, соответствующие отложения в Большой Воронцовской пещере, а также отдельные случайные находки в различных пунктах.

Дольмены в окрестностях Сочи представлены плиточными составными, монолитными, корытообразными и колодцеобразными гробницами. Рассмотрим каждую из этих групп в отдельности.

Первый, наиболее распространенный тип, зафиксированный во многих пунктах (Лазаревское, Красноалександровское, Цуквадже, Солохаул, Медовеевка, Красная Поляна), представляет собой дольмены, которые соорудили с помощью четырех монолитных четырехугольных

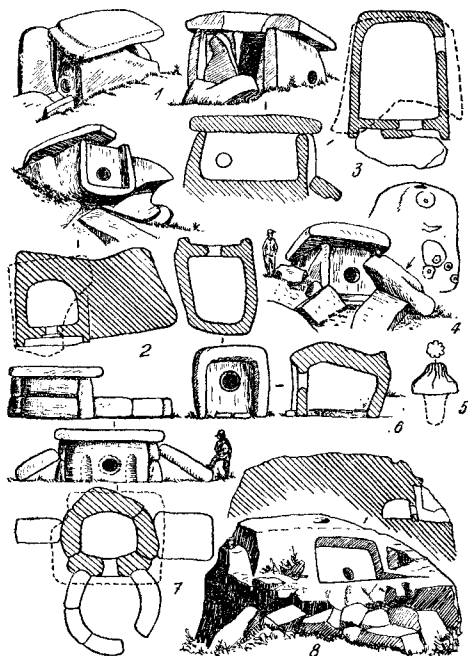
плит, образующих стены, в то время как пятая плита служила крышкой. В таких гробницах часто присутствует и каменный пол, образованный одной или несколькими плитами, которые подстилают переднюю и заднюю стены. Фасадную стену делали обычно выше и шире задней, благодаря чему такой дольмен имел трапециевидный план, а его кровля — легкий уклон назад. Боковые плиты и крыша, как правило, выступают за фасадную плиту, образуя П-образный портал, который иногда наращивали дополнительными плитами, врытыми впритык к торцам боковых стенок. Последние обычно выступают и сзади. Снаружи их часто подпирали дополнительными, наклонно поставленными плитами-пилонами. Отверстие круглой формы в большинстве случаев находится в передней стенке дольмена, его затыкали массивной каменной пробкой. Один из дольменов на реке Цуквадже имеет отверстие и в задней, меньшей по величине плите. Размеры рассматриваемых дольменов различны. Высота фасадной плиты 2—2,5 м, длина боковых стенок 3—4 м, толщина плит колеблется между 0,11 и 0,75 м.

Перед дольменом оставалась площадка, служившая, по-видимому, для определенных ритуальных отправлений, связанных с очередным захоронением, либо поминанием умерших. Эту площадку иногда окружали оградой из поставленных на ребро плит (Лазаревское). Некоторые дольмены скрыты под курганообразными насыпями или окружены двойной кромлеховидной оградой (Медоуевка).

Составные дольмены отличаются тем, что их стены полностью или частично складывали в 2—3 яруса из тщательно подогнанных плит. Один из таких подковообразных в плане дольменов (Лазаревское) имел монолитными лишь фасадную и покровную плиты. Боковые же и задняя стены его были возведены из блоков, сложенных в два яруса. Площадка перед фасадом этого дольмена была окружена аналогичными плитами, поставленными на ребро в один ярус.

Замечательным образцом дольмена-монолита является гробница на реке Годлик юго-восточнее Лазаревского (Чемитковское). В огромном обломке песчаниковой скалы на высоте 4 м была вырублена ровная площадка. Над ней нависает оформленная нишей фасадная стена с отверстием, через которое выдолблена основная подковооб-

Рис. 19. Дольмены района г. Сочи — плиточные (1, 4), корытообразные (2, 3, 6), подковообразный составной с дворчком (7), моноклит (8), пробка от дольмена (5) из Солохаула (1—5), Красноалександровского (6), Лазаревского (7) и Годлик (8).

разная в плане камера со сферическим потолком. На крыше этого дольмена имеется круглое углубление диаметром и глубиной до 60 см. К нему с площадки перед фасадом по торцу стены есть единственный удобный ступенчатый подход.

Корытообразные дольмены выявлены в Красноалександровском, Солохауле, в верховьях реки Лауры. Камера таких сооружений высечена в глыбе камня и сверху перекрыта отдельной плитой. Фасад их по оформлению обычно соответствует плиточным гробницам: порталные выступы, имитирующие торцы боковых стенок, площадка перед фасадом, отверстие, затыкавшееся массивной пробкой. Иногда камеру дольменов подвергали обработке и со стороны днища, в этом случае гробница приобретала подлинно корытовидный облик. У ряда таких дольменов отмечен ложный фасад: помимо порталных выступов здесь было и ложное отверстие, будто бы заткнутое пробкой, в то время как настоящее отверстие делали в задней или боковой стенках (Салоники, Солохаул).

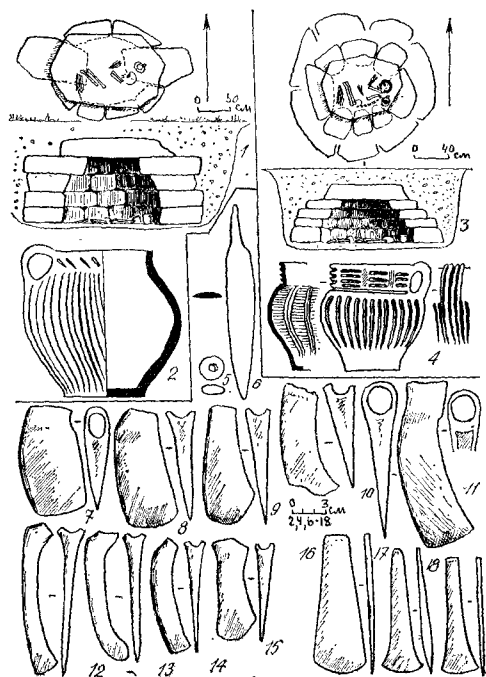

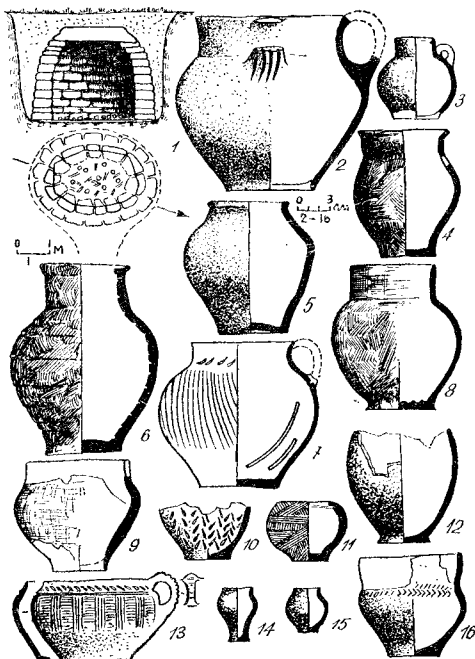
Рис. 20. Колодцевидные составные плиточные гробницы (1, 3), найденные в Красной Поляне, керамика из них (2, 4) медный (?) кишжал (6) и сердцевидная бусина (5) из дольмена в верховьях р. Бешенки, топоры (7—15) и тесла (16—18) из кладов бронзовых изделий, найденных в окрестностях Сочи.

Около десятка дольменообразных колодцевидных гробниц зарегистрировано в районе Красной Поляны. Все они сложены глубоко в земле из необработанного плитняка в несколько ярусов. Вокруг, снаружи и на полу отмечена галечная присыпка.

Помимо самих гробниц, к дольменной культуре относятся встречающиеся вблизи дольменов обломки скал с высеченными на них ямками, кругами и другими изображениями, имевшими культовое значение (Солохаул).

Особое место занимает кудепстинский «жертвенный» камень, известный у местного населения как «черкесский» камень. Это глыба песчаника, в плане имеющая форму треугольника, каждая из сторон которого длиной около 5 м. В северо-восточном его крае высечены два углубления в форме сидений. Позади сидений на верхней плоскости камня сделано два параллельных корытообразных углубления длиной до 2 м и шириной до 1 м. Здесь же выбиты четыре ямки, чашеобразное углубление диамет-

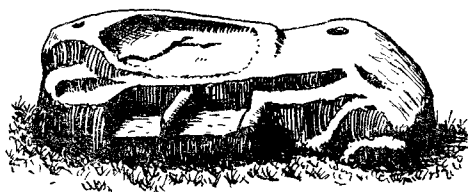
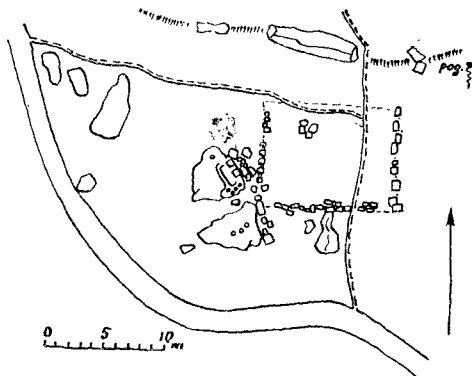
Рис. 21. Колодцеобразная составная гробница (1), найденная в Красной Поляне, и набор керамических сосудов (2—16) из нее. В сосуде 7 обломки обожженного человеческого черепа.

ром до 0,2 м. Рядом с первой глыбой лежит другая таких же размеров. На ее поверхности также видны чашевидные углубления. Перед глыбами были найдены остатки каменного фундамента от здания, которое, судя по характеру обломков керамических изделий, относится к раннему средневековью. Взаимоположение глыб и фундамента говорит о том, что в это время глыбы уже не играли никакой роли в жизни местного населения. Характер обработки камня, отдельные детали оформления и факт независимости комплекса глыб от фундамента позволяют отнести этот памятник не к XVI—XVII вв., как считалось до сих пор, а к дольменному времени, когда эти камни играли несомненно роль святилища.

В дольменах, раскопанных в окрестностях Сочи, найдены сердоликовые и пастовые бусы цилиндрической формы и имитирующие подвески из зубов молодого оленя, разнообразная керамика, каменные топоры, бронзовый наконечник копья. К дольменной культуре нужно отнести и серию бронзовых изделий, главным образом то-

Рис. 22. Кудепстинский культовый каменный идол с сидениями.

пориков и тесел, хранящихся в Сочинском музее краеведения, а также, возможно, человеческую голову из песчаника, найденную в окрестностях Адлера.

Поселение этого времени зафиксировано лишь в верхних культурных слоях Большой Воронцовской пещеры. Здесь обнаружены также каменные, кремневые, керами-

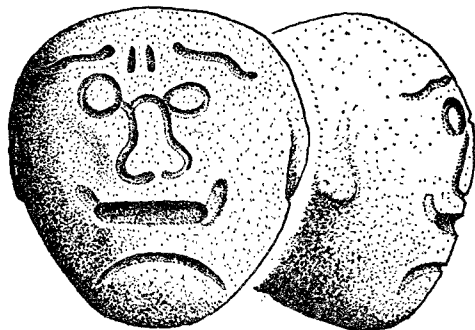

Рис. 23. Изображение человеческой головы из песчаника, найденное в окрестностях Адлера.

ческие и металлические изделия. Кремневые орудия представлены скребками, резцами, вкладышами для серпов и мотыжками типа «пик». Из каменных орудий следует отметить клиновидные топоры с просверленными отверстиями-проухами, бруски и другие изделия. Керамические находки включают плоскодонные сосуды, украшенные богатым нарезным орнаментом, пряслица. Здесь же найдено бронзовое шило четырехгранного сечения.

В эпоху средней бронзы, как и прежде, основу хозяйства местного населения составляли мотыжное земледелие, придомное скотоводство, охота, различные ремесла, рассчитанные на удовлетворение внутриобщинных нужд. Земледелие иллюстрируют находки кремневых мотыг и вкладышей для серпов в соответствующих слоях Большой Воронцовской пещеры. Перед входом в один из дольменов Солохаула найдена челюсть лошади. Из ремесел следует отметить изготовление керамики, прядение и ткачество, обработку кожи и кости, металлургическое производство. Особенно высокого уровня достигла в связи со строительством дольменов техника обработки камня. На этой деятельности древних поселенцев необходимо остановиться подробнее.

Крупные (плиточные, составные, монолитные, корытообразные, подковообразные) дольмены сооружали заранее: люди при жизни готовили себе и своим потомкам прочные усыпальницы. Для этой цели недалеко от поселения выбирали подходящее место. В ряде случаев отмечено размещение дольменов вблизи родников, а дольмен на реке Годлик находится рядом с минеральным источником. Непременным условием выбора места для гробницы были, конечно, выходы песчаника и известняка. Эти породы залегают обычно слоями, что в определенной степени облегчало работу в каменоломнях. Выломку плит производили, вероятно, с помощью деревянных колышков, забивавшихся в ямки, выдолбленные по нанесенному заранее на поверхность скалы контуру. Колышки поливали водой: разбухая, они отламывали плиты необходимого размера. Плиты подвергали грубой обработке и перебрасывали с помощью катков, рычагов и веревок, большого числа людей, а также, возможно, тягловых животных на место установки. Затем обе стороны фасадной плиты и внутреннюю поверхность остальных плит, а также все закраины и соответствующие им пазы в боковых и по-

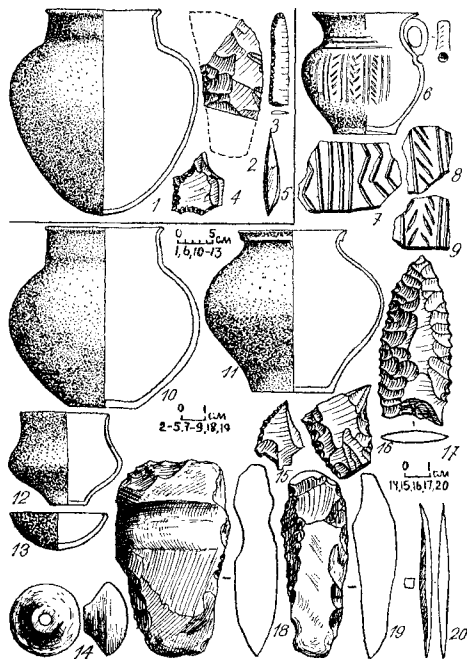

Рис. 24. Воронцовская пещера. Находки из грота Тоннель (1—5 — нижний слой, 6—20 — верхний слой): керамические сосуды (1, 6, 10—13), фрагменты сосудов (7—9) и пряслице (14), кремневый нож (2), пластинка (3), резцы (4, 15, 16), наконечник дротика (17) и мотыга (19), каменный топор (18), костяной наконечник стрелы (5) и бронзовое шило (20).

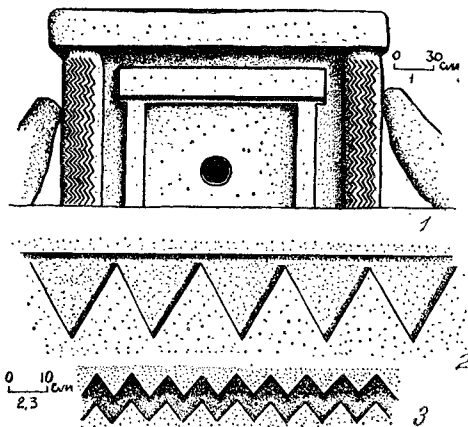
кровной плитках подвергали тщательной обработке. Пазы обычно округлые или прямоугольные в сечении. Обработку эту производили с помощью тесловидных бронзовых орудий с довольно узким лезвием, мелкими сколами, оставлявшими ямки.

Рядом с дольменами найдены и сланцевые плитки со следами сглаживания, которые, как полагают, служили для подшлифовки деталей сооружений.

Высокого искусства требовало изготовление пробки, которую украшали бороздками, выпуклинами и другими элементами. Расчет величины и формы плит, отверстий, пробок производили предварительно, что указывает на определенные математические знания: понятия о прямых углах, различных измерениях квадрата, окружности и т. д.

Установка самого дольмена происходила, вероятно, следующим образом. В пазы пола или в специально для этого вырытые в почве канавки устанавливали сначала, по-видимому, переднюю и заднюю, а затем боковые плиты. В вертикальное положение их приводили с помощью

Рис. 25. Пример орнаментации наружной (1) и внутренней (2, 3) поверхности стен дольмена (ущелье р. Жане в районе Геленджика).

клиньев, рычагов и веревок и подпирали снаружи одной или двумя плитами с каждой стороны. Зафиксированные в таком положении стены, должно быть, засыпали снаружи до самого верха грунтом и камнем. Затем скорее всего по заднему склону насыпи втягивали покровную плиту, которая ложилась пазами внутренней стороны на специально подтесанные для этого верхние торцы стен. В тех случаях, когда дольмен имел составные стены, сложенные из плохо пригнанных плит либо из плит, не связанных системой пазов, что не позволяло ему стоять без сплошной опоры извне, насыпь оставляли. Эта схема сооружения больших плиточных и составных дольменов с помощью земляных насыпей может быть спорна, так как насыпь могла быть заменена накатом бревен или пагромождением камней. Не исключено, что здесь использовали какую-то специфическую, трудно реконструируемую пока систему рычагов и блоков...

Техника обработки дольменов-монолитов требовала знания несколько иных приемов, связанных с вырубанием помещений в твердой породе. Причем эта работа усложнялась малым размером фасадного отверстия, через которое вынимали камень и выносили обломочный материал. Сооружение корытообразных гробниц представляло более легкую задачу, сводившуюся к открытому выдалбливанию погребальной камеры и изготовлению лишь одной покровной плиты. При строительстве подковообразных дольменов были необходимы определенные знания

геометрических свойств круга, точность измерительных работ. Приходилось изготавливать серию дуговидных блоков, а затем на месте совмещать их в двух-трех ярусах. Колодцеобразные гробницы вообще не представляли трудной технической задачи. Здесь уже отпала как необходимость перемещения значительных тяжестей, кроме крышки, так и работа с теслом.

Сооружение больших дольменов, даже если предполагать возможность использования теми, кто их соорудил, всех перечисленных выше орудий и приемов, требовало усилий такого большого коллектива, каким могла быть только родовая община. В то же время следует думать, что захоронения в дольменах удаивались не все подряд члены рода, а лишь отдельные, избранные по каким-то признакам лица. Таким образом, можно сделать вывод, что дольменная группа—это, по-видимому, особое родовое кладбище, служившее в определенной степени, судя по жертвенным площадкам и другим атрибутам (чаши, углубления, солярные знаки и др.) одновременно для периодических молений и игравшее роль своего рода храмового комплекса. Существование такой сложной системы религиозных представлений позволяет предполагать выделение достаточно влиятельной жреческой касты. Вместе с тем широкая освоенность горной зоны свидетельствует о зарождении отгонного яйлажного скотоводства, что не могло не привести к увеличению роли последнего в жизни строителей дольменов. В этот период складываются основы патриархальных отношений, формируется родоплеменная верхушка: вожди, старейшины, жрецы, чем-то уже выделявшиеся на фоне рядовых общинников.

Каких-либо закономерностей, отражающих ритуальный характер, в ориентировке дольменов не прослеживается. Как правило, они направлены фасадом вниз по склону. Это объясняется тем, что строители дольменов учитывали накопление у стен почвы, сносимой со склона осадками, и стремились как можно дольше сохранять открытым подход к отверстию. Однако в отдельных случаях (корытообразные дольмены с ложным порталом) отмечено отверстие в задней или боковой стенках, обращенных вверх по склону. Объяснить это можно какими-то причинами религиозного порядка, заставлявшими скрывать настоящие лазы.

Об обряде погребений в дольменах до сих пор ведут-

ся дискуссии. Однако в основных своих чертах этот обряд на рассматриваемой территории уже проявляется. Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что в большинстве дольменов района г. Сочи, где сохранился неповрежденный слой, отмечено присутствие лишь отдельных, главным образом крупных костей человека. Это явление прослежено в двух плиточных дольменах (Красная Поляна), в корытообразном дольмене (Салоники). Показательны и результаты исследования одной из колодцеобразных гробниц в Красной Поляне. Здесь отмечены также лишь крупные кости, принадлежавшие по меньшей мере 6—7 особям. В то же время здесь находилось лишь 3 фрагмента черепов, а в одном из сосудов оказались остатки черепа, несущего на себе следы огня. Присутствие черт кремации в аналогичных гробницах Красной Поляны отмечалось и ранее. В той же гробнице найдено 16 как очень мелких, так и вполне нормального размера сосудов, что также свидетельствует о большом числе захоронений, производившихся скорее всего не одновременно, а с некоторыми перерывами. В то же время в мелких колодцеобразных гробницах Красной Поляны в двух случаях отмечены одиночные захоронения, по-видимому, женщин, лежавших в скорченном положении на боку головой к востоку и имевших по одному сосуду-кружке.

Характерной чертой заупокойного культа строителей западнокавказских дольменов является стремление как можно крепче изолировать внутреннее помещение дольмена от внешнего мира. Удивительная тщательность во взаимной подгонке плит не допускала ни малейшей щели. Миниатюрность находимой в дольменах керамики была вызвана, как полагают, тем, что эта посуда предназначалась не столько для умершего, сколько для его души, имевшей, по представлениям того времени, небольшую величину. Вероятно, в значительной мере тревога, страх заставили живых пойти на изобретение такого прочного, рассчитанного на тысячелетия жилища для душ своих родственников, заставили создавать условия полной герметичности для их вечного успокоения. Страх перед смертью, облеченный в форму страха перед духом, тенью умершего, характеризует определенный этап в развитии человеческого сознания.

Реконструкция погребального обряда в дольменах района г. Сочи может дать следующую картину. Умер-

шего оставляли в священной роще вблизи дольменов, где по истечении определенного времени в результате естественных превращений на площадке оставались лишь крупные кости. Тогда приступали к основному обряду, в котором, как можно предполагать, главная роль принадлежала жрецу и его помощнику. Кости собирали, к ним присоединяли вещи гокойного или пожертвования родственников, оружие, украшения, керамику с заупокойной пищей или питьем. На площадке перед дольменом жрец совершал жертвоприношение, разжигал костер, осуществлял и другие действия, что в сумме должно было предотвратить возможность выхода душ, уже заключенных в гробницу, наружу, когда жрец вынимал пробку. Затем помощник жреца проникал внутрь дольмена, ему подавали кости и вещи, которые он укладывал на свободное место у стены. На необходимость проникновения человека в дольмен при очередном захоронении указывает относительный порядок в расположении скоплений костей и вещей в глубине дольмена, на расстоянии 1,5—2 м от отверстия. В ранних дольменах, где предполагаются захоронения в сидячем положении вдоль стен, такое проникновение тем более необходимо.

На позднем этапе, когда получают распространение колодцеобразные гробницы типа краснополянских, этот обряд постепенно себя изживает, в него вторгаются элементы кремации, распространяются одиночные захоронения с предельно упрощенным ритуалом.

Дольменная культура, к которой принадлежат рассмотренные памятники, охватывала значительную часть Западного Кавказа по обе стороны хребта. Как показывают соответствующие материалы, дольмены в своих наиболее ранних формах появились в Прикубанье, в окрестностях современного города Майкопа (памятники новосвободненского этапа майкопской культуры) в конце III тысячелетия до н. э. Наиболее древними формами дольменов являются плиточные гробницы, первоначально покрывавшиеся насыпями из-за несовершенства конструкции. Их хронология обычно определяется XXIII—XX вв. до н. э.

Эпоха расцвета дольменной культуры связана с широким распространением плиточных гробниц по всему Западному Кавказу, на востоке до ущелий рек Лабы и Кодора, на западе до Таманского полуострова. Появля-

ются составные и корытообразные дольмены. Хронологически этот этап может быть определен XX—XVII вв. до н. э.

На третьем этапе развития дольменной культуры продолжают использовать плиточные дольмены, высекают дольмены-монолиты и корытообразные гробницы, среди которых получают распространение сооружения с ложными порталами. В конце периода появляются колодцеобразные гробницы. Хронология этапа может быть определена XVI—XIV вв. до н. э. В отдельных случаях дольмены использовали для захоронений и значительно позже.

На первом этапе материальная культура строителей дольменов характеризуется памятниками Новосвободненского этапа майкопской культуры. В эпоху расцвета сначала в местной материальной культуре преобладают те же северо-западнокавказские формы, проникающие до Центральной Абхазии (Эшера), а затем происходит нивелировка культуры. На заключительном этапе в дольменах Черноморского побережья распространяются изделия западнокавказского облика, на основе чего делается вывод, что к этому времени носители дольменной культуры слились с племенами, имевшими другой, закавказский культурный облик. Результатом такого смешения явилось население, которое можно связывать с абхазо-адыгским культурным массивом.

Последний вывод на современном уровне изученности Черноморского побережья представляется наиболее обоснованным.

Век бронзового топора

На этом этапе бронзовый век входит в свою заключительную, позднюю стадию, которую в окрестностях Сочи характеризует серия случайных находок, происходящих в своем большинстве из разрушенных погребений и кладов литейщиков. Памятники северокавказского облика представлены бронзовыми топорами, теслами и наконечниками копий. К этой группе изделий примыкают топоры-кельты, рыболовные крючки и наконечники стрел. Колхидская культура характеризуется бронзовыми топорами, наконечниками дротиков и стрел, застегками-фибулами, булавками, фигурками животных, височными подвесками, так называемой «текстильной» керамикой.

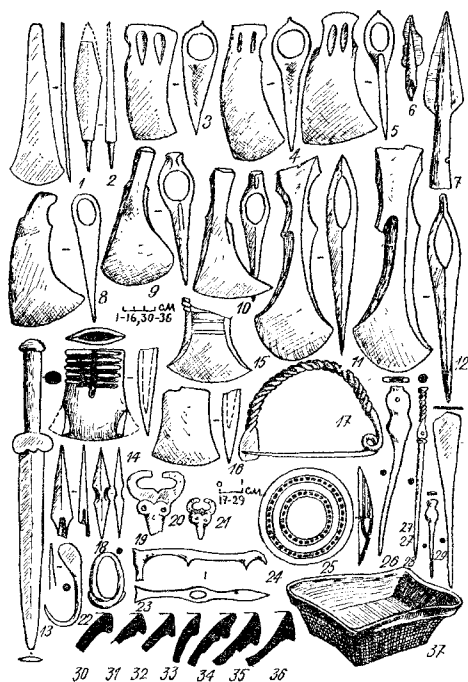

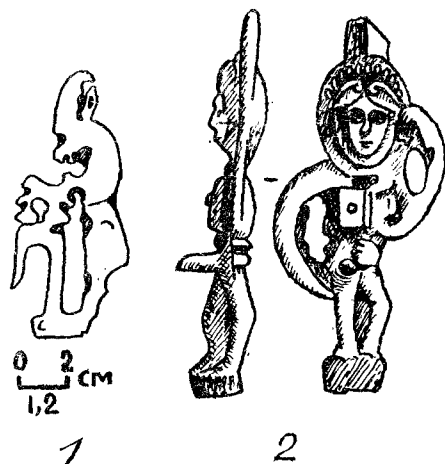
Рис. 26. Изделия позднебронзовой эпохи из окрестностей Сочи: бронзовое тесло (1), кинжалы (2, 13), топоры (4, 5, 8—12), наконечники копий (6, 7) и стрел (18, 19), кельты (14—16), фибула (17), нашивки (20, 21), рыболовный крючок (22), височная подвеска (23), зооморфная подвеска (24), фаллар (25), булавки (26—29), обломки глиняных солеварных сосудов (30—36) и их реконструкция (37).

Хозяйственный облик района характеризуют мотыжное земледелие и скотоводство, носившее по-прежнему главным образом придомный характер. Как показывают зооморфные изображения, это был в первую очередь мелкий рогатый скот. Развиваются металлургия, керамическое производство, ткачество, соляной промысел, ювелирное дело. Свое место занимают рыболовство и охота.

Население района продолжает поддерживать торгово-экономические и культурные связи с Северным Кавказом и Закавказьем. Один из сосудов, найденный в верхних слоях Большой Воронцовской пещеры мог быть доставлен сюда из Урарту. Все большее значение как источник дохода начинают играть войны.

Особо следует остановиться на упомянутой выше «текстильной» керамике, поверхность которой несет следы отпечатков тканей. Стоянки с такой керамикой выявлены в ряде пунктов на побережье Колхиды и убедительно связываются с солеварным промыслом. В по-

Рис. 27. Бронзовые куль-
товые статуэтки из окре-
стностей Сочи.

следнее время высказывается мнение, что эти сосуды имели отношение к железоплавильному производству, основанному на добыче и обработке магнетитовых песков. При этом «текстильная» керамика рассматривается как тара для магнетитового песка. Однако отсутствие конкретных сведений о связи этих стоянок с железоплавильными мастерскими, хрупкость и форма «текстильной» керамики, ее тяготение исключительно к прибрежной зоне, а также тот факт, что она появляется еще во II тысячелетии до н. э., т. е. тогда, когда ни о какой железоплавке в рассматриваемой зоне не могло быть и речи, заставляет по-прежнему считать «текстильную» посуду как элемент соледобывающего промысла.

Эта посуда представляла собой небольшие четырехугольные корыта, имевшие средний размер 25×40 см при глубине 15—20 см. Сформованы они из грубой глины с крупными примесями, изнутри неровно заглажены, снаружи имеют отпечаток ткани, с помощью которой их вынимали из формы. Обжиг производили на открытом костре. Углы сосудов приспособлены для слива жидкости. Производственный цикл можно восстановить следующим образом. В искусственных небольших лагунах морская вода испарялась. Полученный таким образом рассол сливали в сосуд, укреплявшийся затем над костром. Влага превращалась в пар, а в сосудах оставалась

соль. Такая мастерская была обнаружена на берегу моря западнее устья реки Псоу.

Преобладание в металлических изделиях черт колхидской культуры, а также наличие поселения с «текстильной» керамикой позволяют допускать этническое единство обладателей этих изделий с населением более южных районов, т. е. предполагать их принадлежность к древнеабхазским племенам, известным позже под именем гениохов. Исследователи допускают возможность проникновения в рассматриваемый район во второй половине VIII в. до н. э. киммерийцев, с культурой которых могут быть связаны бронзовые кельты, а также кинжалы. На одном из них заметно влияние степных форм (срубная культура), а на другом появляются черты, характерные для последующей скифской культуры. Большинство перечисленных находок из окрестностей Сочи должно быть отнесено к X—VII вв. до н. э.

Глава III. НА ПЕРИФЕРИИ АНТИЧНОГО МИРА

Страна воинственных гениохов

В трудах многих античных авторов (Геродот, Ксенофонт, Аристотель, Гераклид Лемб, Помпоний Мела) рассказывается о том, что в IV—I вв. до н. э. Северо-Восточное Причерноморье было заселено родственными племенами, известными под собирательным термином «гениохи». В земле гениохов были основаны такие крупные древнегреческие города-колонии, как Фасис, Диоскуриада, Питуунт. Анализ античных источников позволяет выделить в зоне распространения гениохийских племен два функционально различных в силу географических и иных причин района: северо-западный («побережье ахеев, зигов и гениохов»), отличающийся пересеченным рельефом и отсутствием удобных гаваней, и юго-восточный («побережье фасианов, соанов и гениохов»), имеющий множество удобных гаваней и благоприятную для развития хозяйства приморскую низменность.

Для нас основной интерес представляет северо-западная Гениохия — «побережье ахеев, зигов и гениохов». Во II в. до н. э. Артемидор Эфесский отмечал, что «берег гениохов в тысячу стадиев» простирался к северо-западу от Питуунта, т. е. включал в себя современную северо-западную Абхазию и восточную часть района Сочи. Согласно же историкам Митридатовых войн, которых цитирует крупнейший античный географ Страбон, гениохи распространялись и северо-западнее, возможно, до территории современного Туапсинского района. Анализ сведений разновременных авторов (Страбон, Плиний Секунд, Дионисий, Флавий Арриан, Прокопий Кесарийский) позволяет поместить в тех же пределах и зигов. Северо-западнее современного Сочи и на территории Туапсинского района жили ахейцы, с которыми, вероятно,

связано название упоминаемой источниками реки Ахеунта, сопоставляемой с современной рекой Шахе. Гениохи зиги и ахеи снискали себе в греческом мире дурную славу морских разбойников.

Яркую характеристику гениохов-пиратов оставил нам Страбон: «За Синдикой и Горгиппией идет вдоль моря побережье ахеев, зигов и гениохов... Обитатели его живут морским разбоем, для чего имеют небольшие, узкие и легкие ладьи, вмещающие около 25 человек и редко могущие принять 30; эллины называют их камарами... Выходя в море на своих камарах и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность и даже город, они господствуют на море. Случается, что им содействуют и владетели Боспора, предоставляя стоянки, покупку провианта и продажу награбленного. Возвращаясь в родные места, они за неимением стоянок взваливают свои камары на плечи и уносят в леса, в которых и живут, обрабатывая скудную почву; а когда наступает время плавания, они снова сносят камары на берег. Так же поступают они и в чужой стране, где имеют знакомые лесистые местности: скрыв в них камары, они сами бродят пешком, днем и ночью, с целью захвата людей в рабство; то, что удастся им захватить, они охотно возвращают за выкуп, по отплытии извещая потерпевших. В местностях, где есть самостоятельные правители, обижаемые еще находят некоторую помощь со стороны своих вождей...»

Значение северо-западной группировки гениохийских племен в античном мире определяется в первую очередь их основным занятием — пиратством. Данные античных источников позволяют судить о двух этапах развития этого промысла у гениохов. Первоначально целью их морского разбоя был не столько захват пленных для работорговли, сколько удовлетворение насущных внутренних потребностей за счет грабежа. Естественно, что подобные «потребительские» действия вызывали отпор со стороны правителей отдельных наиболее развитых районов Причерноморья. Один из царей Боспора Евмен, согласно сообщению Диодора, в конце IV в. до н. э. «для защиты плавающих по Понту... вступил в войну с... обыкновенно занимающимися пиратством гениохами, таврами и ахейцами и очистил море от пиратов, за что и получил... похвалу не только в своем царстве, но почти

во всей вселенной, так как торговцы повсюду разнесли молву о его великодушии».

Постепенное приспособление практики грабежей к нуждам средиземноморского рабовладения способствовало тому, что гениохийские пираты в середине III в. до н. э. превратились в рабодобытчиков и работорговцев и тесно связали себя экономически с Боспором, где нашли и рынок сбыта добычи, и корабельные стоянки. «Места у Понта,— писал Полибий,— нам доставляют скот и бесспорно самое обильное и самое пригодное множество людей, увозимых в рабство». Так экспорт рабов, обусловленный соответствующими потребностями Средиземноморья, способствовал превращению древнего занятия морским разбоем в доходный промысел — охоту за людьми и работорговлю. В обмен на рабов пираты получали различные товары греческого производства, в первую очередь оружие, посуду, украшения и иные изделия, удовлетворявшие главным образом нужды местной родоплеменной верхушки. Однако заморские товары поступали сюда и через греческие центры, подобные тому, который находился в устье Мамайки, а также в результате контактов с греческими купцами, проплывавшими вдоль берегов из Боспора в Колхиду и обратно. Эта деятельность гениохов приобрела общепричерноморское значение, поскольку, как сообщает Овидий, гениохы достигали и западных берегов Черного моря, в то время как их

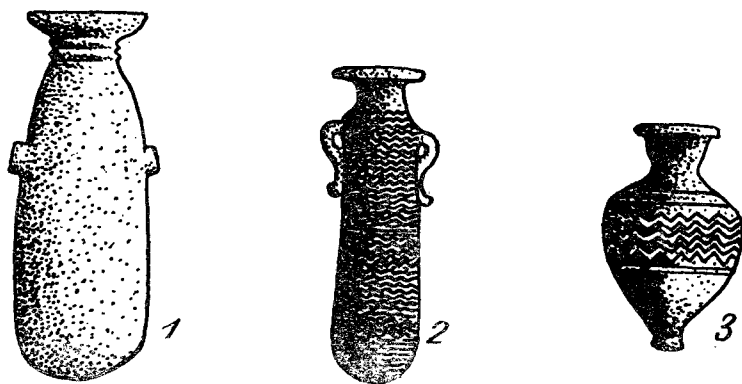

Рис. 28. Привозной гипсовый (1), стеклянный (2) алабастры, стеклянный амфориск (3) из окрестностей Сочи.

присутствие в Южном Причерноморье засвидетельствовано, по-видимому, Тацитом. Узкая, отвечающая в первую очередь потребностям восточносредиземноморского рабовладельческого хозяйства специализация геннохитских племен лишь в незначительной степени способствовала их прогрессу. Поступательное движение этих племен задерживалось общим характером их функциональной зависимости, превращавшей северо-западных геннохитов в придаток средиземноморского хозяйства.

Культуру населения района г. Сочи в VI—I вв. до н. э. характеризуют поселения и могильники. Судя по скоплениям соответствующих находок, довольно значительные населенные пункты в это время располагались в устье реки Мамайки и вдоль морского побережья, в междуречье Кудепсты, Мзымты и Псоу.

Поселение на Мамайке, судя по всему, было греческим. Здесь найдены гипсовые и стеклянные алабастры, краснофигурные и чернолаковые сосуды, терракотовые статуэтки и т. д. Находки в зоне между устьями рек Кудепсты, Мзымты и Псоу включают обломки амфор, амфорисков — сосудов для благовоний, кубков-канфаров, кувшинов, краснолаковых тарелок, чернолаковой, простой ангийской и местной посуды. Отдельные находки этого времени (железный ребристый браслет и др.), выявленные в Большой Воронцовской пещере, говорят о том, что эта пещера служила временным убежищем для торговцев, уходивших в сторону перевалов на Северный Кавказ, а также для местного населения.

Интересные погребальные комплексы найдены в селе Богушевка (бронзовый шлем, два железных наконечника копий, янтарная и пастовая бусины) и в Соболевке (железный топор, бронзовые фибулы, браслет и шейный обруч — гривна). Большое число случайных находок (керамика, мечи, головные обручи, браслеты), хранящихся ныне в Сочинском музее краеведения, должно быть связано с разрушенными погребениями.

Торговые связи хорошо иллюстрируются находками в прибрежной зоне. К VI в. до н. э. относятся обломки расписной ионийской посуды с розетками. В V в. до н. э. сюда поступали гипсовые алабастры, амфорски и алабастры, изготовленные из разноцветного «финикийского» стекла. IV в. до н. э. датируется и краснофигурная вазопелика аттического производства, попавшая сюда, по-

Рис. 29. Чернолаковая (1—4, 7, 10—12) и краснолаковая (5, 6, 11) керамика с поселений на Мамайке (1, 4, 6—12) и Псоу-1 (5).

видимому, через Боспор. От этой вазы сохранилась лишь оборотная сторона с изображением юношей. Низенькие, пузатенькие одноручные кувшинчики — арибаллические лекифы с краснофигурной росписью (в первом случае устремленная вперед женская фигура, во втором — женский профиль с полумесяцем перед ним) можно отнести к концу V—IV вв. до н. э. Этим же временем датируются и чернолаковая чаша-котила с красным пояском в придонной части, дно чернолакового блюда со штампованным орнаментом и кубок-канфар. Очень интересны рельефные чернолаковые чаши, связываемые с продукцией Делоса (II в. до н. э.). Элементы рельефного орнамента этих чаш включают розетки на доньшке, многоугольники, плетенку, ромбовидные листья и др.

Терракотовые изделия — поясные изображения женского божества, статуэтки в стоячей и сидячей позе, принадлежавшие, судя по всему, популярной среди грече-

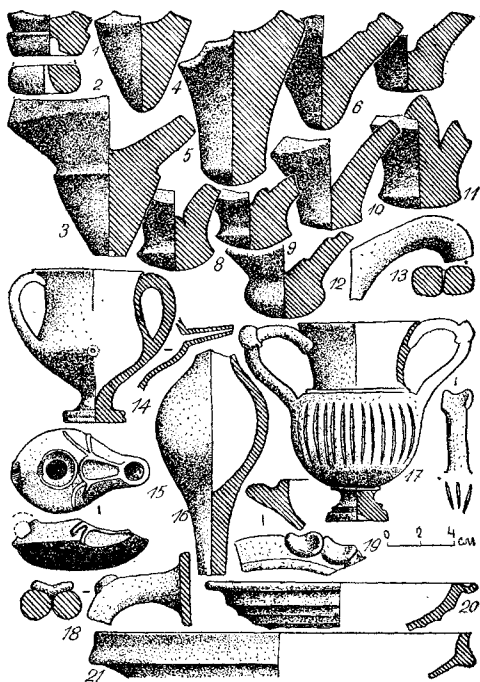

Рис. 30. Терракотовые статуэтки Деметры (1, 3) и других божеств (2, 4, 8), изображение маленького Геракла в колыбели (5), маски (6, 7) и другие изделия V— I вв. до н. э. из Сочи и его окрестностей.

ских колонистов богине хлебопашества и заупокойного культа Деметре, изготовлены, по-видимому, на Боспоре. Отдельные изделия (терракотовые маски-налепы) могут относиться и к более позднему времени (не позднее конца II в. н. э.). Весь комплекс находок из района Сочи говорит о существовании здесь греческого поселения, основанного скорее всего боспорцами и соответственно поддерживающего связь главным образом с Боспором.

Несколько иной характер имеют находки с поселений из междуречья Кудепста — Псоу. Это обломки разнообразных амфор: хиосских (VI—V вв. до н. э.), «колпачковых» (IV в. до н. э.), синопских (III—I вв. до н. э.), амфор с двухствольными ручками (III—II вв. до н. э.). Много здесь и амфор из коричневой глины III—I вв. до н. э., относящихся к местной греческой продукции, хорошо уже известной по находкам в окрестностях Диоскуриады и других восточнопричерноморских античных центров. На тех же поселениях найдено довольно много

Рис. 31. Донышки амфор (1—12) и амфорная ручка (13), «рожок» (14), светильник (15), амфориск (16), канфар (17), ручка кувшина (18), фрагмент лутерия (19), краснолаковые тарелки (20, 21) с поселений VI—I вв. до н. э. — Псоу-1 (1, 2, 7, 11, 16—21), Нижнешиловское (4), Псоу-3 (13), в с. Веселое (3, 5, 6, 8—10, 12), с. Аибага (14), Мамайка (15).

краснолаковых сосудов: фрагменты блюд рубежа н. э., канфары II—I вв. до н. э. Интересны также синопские чаши-лутерии IV—III вв. до н. э., красноглиняные амфориски, светлоглиняные рожки, кувшины с двухствольными ручками, обломки «колхидских» пифосов. К привозным изделиям относятся бронзовый посеребренный аттический шлем и бусы, найденные в погребении в селе Богушевка. Деньги появились на рассматриваемой территории, как и вообще в Причерноморье, вместе с греческими колонистами. Едва ли не самой древней здесь является серебряная колхидка, отчеканенная на монетном дворе одной из восточнопричерноморских греческих колоний. Хорошо представлены монеты Ольвии (IV в. до н. э.), Пантикапея (III в. до н. э.), Фанагории (II в. до н. э.), серебряные римские республиканские монеты (II—I вв. до н. э.), золотой статер Лисимаха (III—II вв. до н. э.), монеты Амиса и Амасии времени Митридата IV. Преобладание боспорских монет свидетельствует, наря-

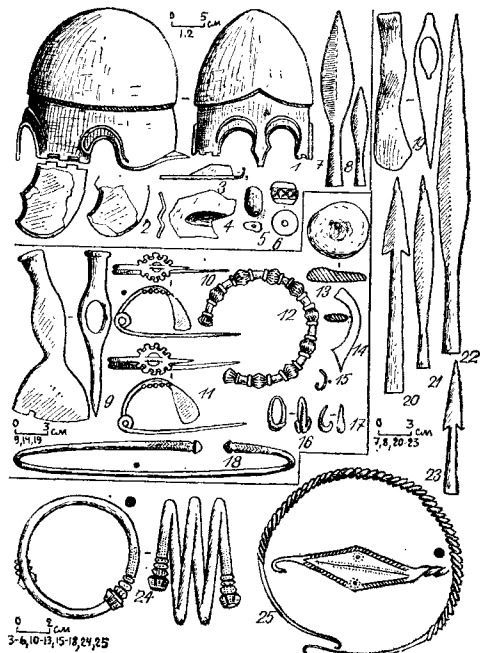
Рис. 32. Импортный сосуд из окрестностей г. Сочи.

ду с вышеописанными материалами, о том, что рассматриваемая территория входила в сферу экономических интересов и влияний в первую очередь Боспора, хотя достаточно сильным было и колхидское влияние.

Видное место в хозяйстве гениохов занимало по-прежнему довольно примитивное, главным образом мотыжное земледелие, на которое указывает Страбон, говоря, что «они... живут, обрабатывая скудную почву». Важную роль играли скотоводство и охота, о чем тот же автор сообщает: «Одни из них занимают вершины гор, другие живут под открытым небом в ущельях, питаюсь... звериным мясом, дикорастущими плодами и молоком». Отмечаются различные ремесла, носившие придомный характер: гончарное производство, прядение и ткачество, кузнечное дело, обработка кожи.

Древнее население окрестностей Сочи имело тесные связи и со скифо-сарматским миром, что прослеживается в формах мечей, наконечников копий, топоров. Интересны и сведения античных литературных источников, согласно которым гениохи и близкие им племена были тесно связаны со скифами. Так, Аппиан упоминает гениохов и ахейцев, живущих «в Скифии». У другого автора гениохи фигурируют как «племя приморской Скифии».

Рис. 33. Инвентарь погребений эпохи греческой колонизации из Богушевки (1—8) и Соболевки (9—18), случайные находки того же времени из окрестностей Сочи (19—25) — бронзовые шлем (1, 2), фибулы (10, 11), браслеты (12, 24), шейная гривна (18), диадема (25), височные подвески (15—17), слиток (13), железные обломки копий (3, 4), наконечники копий (7, 8, 21, 22) и дротиков (20, 23), топоры (9, 19), янтарная (5) и пастовая (6) бусины и обломок ручки глиняного сосуда (14).

Значительное число племенных образований в Восточном Причерноморье является следствием господства здесь первобытно-общинных отношений и присущей им политической раздробленности. Подтверждением этому служат и нелестные отзывы об облике отдельных гениохийских племен. Аристотель сообщает, что ахейцы и гениохи склонны к убийству и людоедству и ведут разбойничий образ жизни. В произведениях Сенеки упоминается «гениох, живущий на крутой скале негостеприимного Кавказа». Дикими и необразованными называют гениохов Помпоний Мела, «свирепых гениохов» упоминает Бальб и т. д.

Интересные сведения о структуре гениохийских племен сообщает Страбон: «Они находятся под властью так называемых скиптродержцев, которые в свою очередь подчинены тиранам и царям... у гениохов было четыре царя». Под этими «царями» подразумеваются племенные вожди, а под «скиптродержцами» — родовые старей-

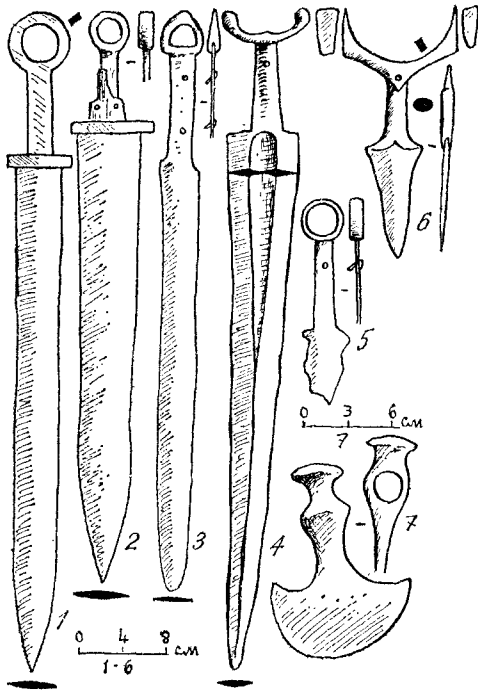

Рис. 34. Железные мечи (1—5), кинжал (6) и топор (7) из окрестностей Сочи (1—3, 5—7) и из Красной Поляны (4).

шины, объединявшиеся в совет при племенном вожде. Известны два имени гениохийских вождей: в одном античном источнике упоминается Гирпак, унаследовавший «престол Гениоха», в другом «вождь гениохов и аланов» Анавсий. Свидетельства античных авторов позволяют определить общественный строй гениохийских племен как военно-демократический. Отдельные племена могли вести друг с другом войны и были вполне самостоятельны в смысле внешних сношений. Так, Псевдо-Арриан сообщал, что ахейцы находились во вражде с керкетами, а Страбон утверждал, что зиги враждовали с гениохами.

Военно-демократический характер социальной организации гениохов особенно ярко проявил себя в событиях конца II — первой половины I вв. до н. э., связанных с войной Митридата IV Евпатора с Римом. Степень зависимости различных гениохийских племен от Понтийского царства постоянно менялась. Так, после событий

83 г. до н. э. гениохи пользовались относительной самостоятельностью. В 79 г. до н. э., по сообщению Аппиана, Митридат вел активные военные действия против «ахейцев... и, потеряв две трети войска в сражениях от мороза и засад, возвратился назад». В 74 г. до н. э. гениохи уже выступают союзниками Митридата против Рима. Перезимовав в 66 г. до н. э. в Диоскуриаде (современный Сухуми), Митридат затем «прошел через землю гениохов, дружески принявших его, ахейцев же обратил в бегство и преследовал». У Страбона можно прочитать, однако, что в этот момент Митридат пользовался и поддержкой ахейцев, но отказался от «путешествия через страну зихов... вследствие ее суровости и трудности пути». Отряды гениохов участвовали в войнах Митридата с Помпеем, который после победы «совершил триумф над многими народами Понта», в том числе и над гениохами. Римский историк Патеркул сообщает, что Помпей, победоносно пройдя «Мидию, Албанию и Иберию, затем повернул свое войско против тех народов, которые живут вправо от отдаленнейшего угла Понта,— колхов, гениохов и ахеев». О проникновении к гениохам Помпея «с удивительной удачей» сообщает С. Аврелий Виктор. Лукиан же вкладывает в уста Помпея следующие слова: «Север видал мои победы до ледяных вод Фасиса... меня узнали... воинственные гениохи». Согласно Амвросию, римской власти в этот период были подчинены «Азия, Понт, инииохи, скифы-кочевники...» Таким образом, гениохийские племена представляли собой довольно значительную силу, с которой Помпею пришлось считаться при попытке преследовать Митридата.

Большое число изделий, характеризующих основной генетический стержень материальной культуры местных племен, указывает на ее тесную связь с более восточными районами Причерноморья. Об этой связи говорят фабулы, браслеты с утолщениями, шейные гривны, бронзовый витой головной обруч с ромбовидными пластинчатыми концами, украшенными гравировкой и др. Эти и другие факты указывают на тесное этно-культурное единство гениохийских племен, обитавших на территории г. Сочи, современной Абхазии и Центральной Колхиды.

Следы римлян и санигов

В 137 г. н. э. римскую крепость Себастополис, возникшую незадолго до этого на месте современного Сухуми, посетил известный полководец Флавий Арриан. В своем письме римскому императору Адриану он дал описание и побережья в окрестностях Сочи, где в то время были зафиксированы реки Абаск, Воргий, Нисий, Гераклов мыс, река Масаитика, река Ахеунта, вдоль которой проходила граница между санигами и зилхами (зигами), и еще один Гераклов мыс. В V в. н. э. этот список смотрелся уже несколько иначе: река Абаск, служившая юго-восточной границей санигов, река Брухонт, она же и Мизиг, река Несис (в районе ее упоминается Гераклеийский мыс, называемый теперь еще и Пикситом), затем реки Масетика и Ахеунта, которая «доступна для судов» и вдоль которой проходила граница между санигами и зихами, дальше Гераклеийский, или Пустынный мыс, в окрестностях которого «находится укрепление Бага». При сопоставлении расстояний, приводимых древними авторами, с соответствующим положением перечисленных пунктов может быть предложена следующая расшифровка местных географических названий позднеантичного времени.

Река Воргий-Брухонт-Мизиг вероятнее всего может быть сопоставлена с современной Мзымтой. В этом случае название Абаск может относиться к современной реке Псоу (или Хашупсе). Аналогичный последнему вывод напрашивается и при рассмотрении взаимоположения этой реки с также упоминаемой позднеантичными источниками к востоку от нее Нитикой (современная Гагра). Река Ахеунта, о которой Псевдо-Арриан упоминает как о доступной для судов, сопоставляется с современной рекой Шахэ. В этом случае второй Гераклеийский мыс совпадает с районом к югу от современного Лазаревского, а следовательно, укрепление Бага совмещается с описываемой ниже крепостью на реке Годлик, что позволяет датировать основание крепости рубежом IV—V вв. н. э. Река Масаитика-Масетика в своей основе сближается с современным топонимом Мацеста, однако последний пункт, если точно следовать античным источникам, не совсем подходит для такого сопоставления из-за своей значительной удаленности от реки Шахэ.

Как было отмечено, большая часть территории в окрестностях современного Сочи в I—VI вв. н. э. занимали племена санигов, которые прежде входили в конгломерат гениохийских племен. Следует еще раз подчеркнуть, что если, согласно Арриану, саниги занимали во II в. н. э. территорию от Севастополиса до реки Ахеунты (современная Шахе), то в V в. н. э. эта территория значительно сузилась: саниги упоминаются лишь на территории между реками Ахеунтой и Абаском (современные Псоу, или Хашупсе). В то же время вся территория северо-западнее Сухуми уже связывается с древнеабхазским племенем абасгов, которые, по-видимому, с самого начала являлись органической частью санигов. Об этом же говорят и элементы местной материальной культуры (браслеты, фибулы, керамика, оружие), не проявляющие в позднеантичный период никакой существенной разницы по обе стороны реки Псоу.

Памятники, характеризующие позднеантичный период (I—V вв. н. э.), в окрестностях Сочи представлены развалинами римско-византийских укреплений, несколькими яркими погребальными комплексами (Лоо, Мацеста, Красная Поляна) и отдельными находками. Каких-либо конкретных данных о поселениях санигов этого времени пока не имеется.

Особый интерес представляет женское захоронение, найденное в Лоо. При погребенной находились двуручные серебряные рельефно орнаментированные сосуды, бусы из янтаря, пять крупных бусин из гагата вытянутой формы в золотой украшенной зернью оправе. С высоким мастерством изготовлены три пластинчатых золотых украшения, объединенных общими чертами: филигранью, зернью, инкрустацией разноцветными вставками, изображениями животных и птиц, оформлением оправ зубчиками, плетеными цепочками с грузиками — круглыми пластинами, трехлепестковыми листочками и т. д. Здесь же обнаружены две разнотипные, выполненные в аналогичной манере серьги, игольник и флакон для благовоний, золотые подвески-лунницы, перстень с печаткой-геммой, изображающей женскую голову, свыше 200 золотых мелких пуговок, нашитых блях, бусин, покрытых зернью, стеклянный сосуд, серебряная фибула и другие предметы.

Большинство перечисленных золотых изделий из по-

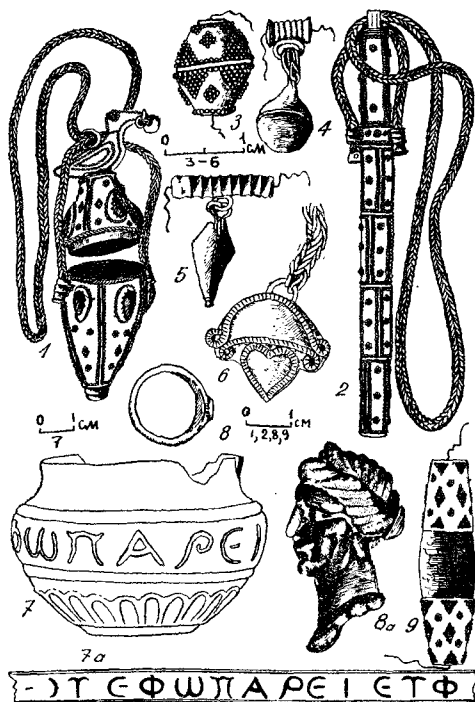

Рис. 35. Погребение из Лоо. Золотые флакон (1), игольник (2), бусина (3), подвески (4—6), перстень (8) с изображением (8а), стеклянный сосуд (7) и гешировая бусина в золотой оправе (9).

гребения в Лоо в своих основных чертах сближается с изделиями боспорских мастерских начала н. э., представлявших особую смесь антично-сарматских форм.

Большой интерес вызывает стеклянный кубок, нижняя часть тулова которого украшена листообразным орнаментом, а над ним — греческая надпись. Подобные чаши использовались в качестве парадной ритуальной утвари, а время их производства определяется I — первой половиной II в. н. э. Сосуд этот является ярким свидетельством коммерческих связей Северо-Восточного Причерноморья со Средиземноморьем (вероятно, Александрия), откуда он был завезен в Лоо, по-видимому, через Горгиппию — крупный северопричерноморский центр в первые века н. э.

Основное значение при датировке погребения в Лоо должно придаваться серебряной застёжке-фибуле, украшенной декоративными проволочными спиральками. Та-

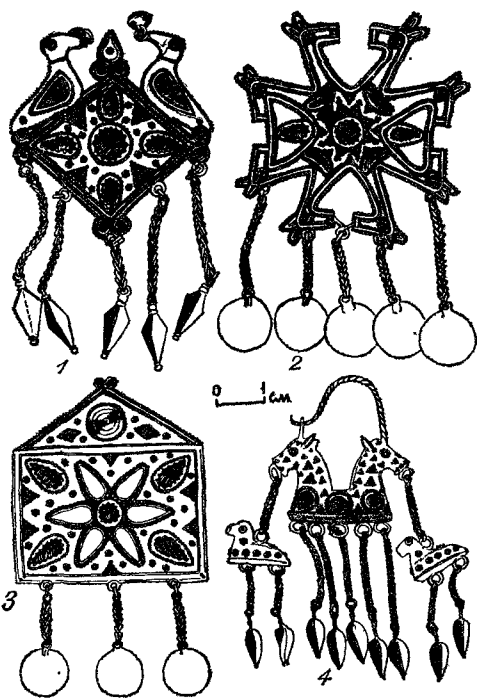

Рис. 36. Погребение из Лоо. Золотые подвески (1—3) и серьга (4).

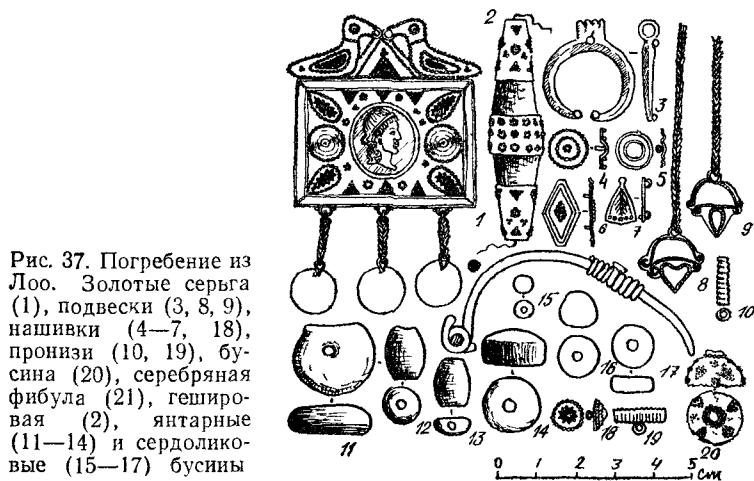

Рис. 37. Погребение из Лоо. Золотые серьга (1), подвески (3, 8, 9), нашивки (4—7, 18), пронизи (10, 19), бусина (20), серебряная фибула (21), гешировая (2), янтарные (11—14) и сердоликовые (15—17) бусины

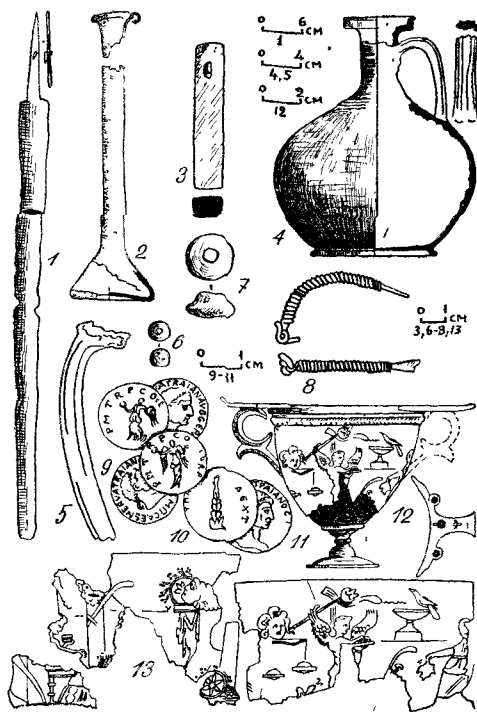

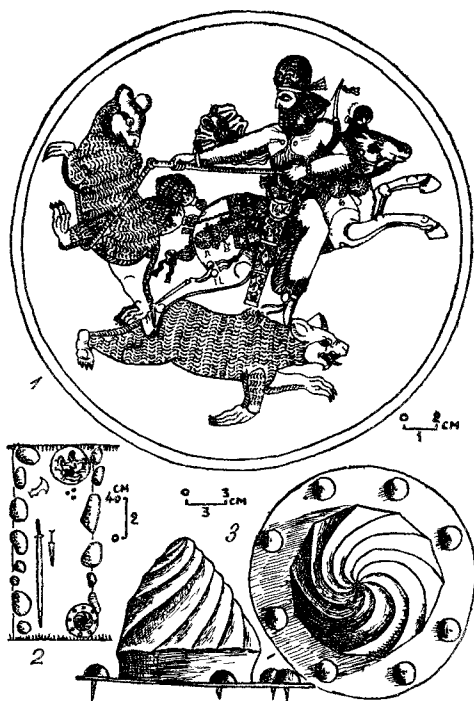
Рис. 38. Инвентарь погребения из Мацесты — железный меч (1), стеклянный сосуд (2), каменный оселок (3) и навершие (7), глиняный кувшин (4), кость животного (5), ракушечная бусина (6), бронзовая фибула (8), серебряные монеты (9—11) и кубок (12, 13).

кие фибулы получили распространение в Восточном Причерноморье в III в. н. э.

Другой достаточно яркий погребальный комплекс исследован в 1966 г. на Мацесте. Инвентарь погребения включал длинный железный меч с навершием, глиняный кувшин, стеклянный сосуд, бронзовую фибулу, серебряный канфаровидный сосуд с многосюжетным изображением на облицовывающей корпус пластине, три серебряные монеты, чеканенные в Риме и в Кесарии Каппадокийской в период правления императора Траяна (98—117 г. н. э.), кости животного. Дата погребения определяется фибулой, характерной для III века н. э. Таким образом, облик представителя местной родоплеменной верхушки, к которой, вероятно, относится мацестинский воин, был в это время вполне античным.

Интересны и погребения, разрушенные при рытье траншеи в 1942 г. на северо-восточной окраине Красной

Рис. 39. Серебряное сасанидское блюдо (1), план погребения в Красной Поляне (2) и бронзовый позолоченный умбон (3) оттуда же.

Поляны, у развилки дорог к «охотничьему домику» и в село Эстосадок. Здесь на глубине 1,1 м было обнаружено дно обложенной довольно крупными камнями могильной ямы, где находились остатки костяка головой на юго-восток. В погребении выявлены полуистлевший обоюдоострый меч с навершием в виде многогранной хрустальной бусины, три железных наконечника копий и нож, железный боевой топор «цебельдинского» типа. В ногах лежал позолоченный бронзовый умбон (центральная часть щита) со спиралевидно оформленным шишаком, в головах — серебряное блюдо с изображением персидского вельможи, охотящегося на медведей.

Рядом с блюдом находились три серебряные, по-видимому, кесарийского чекана монеты, одна из которых принадлежала императору Адриану (121—122 гг. н. э.).

Упомянутое блюдо относится к наиболее ранним памятникам времени царствования иранского шахан-шаха

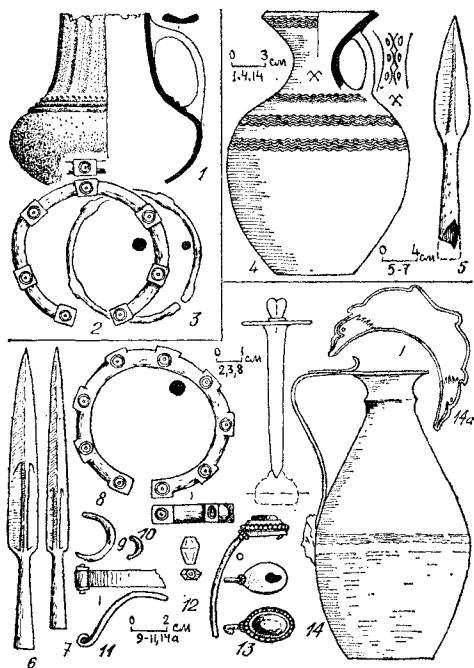

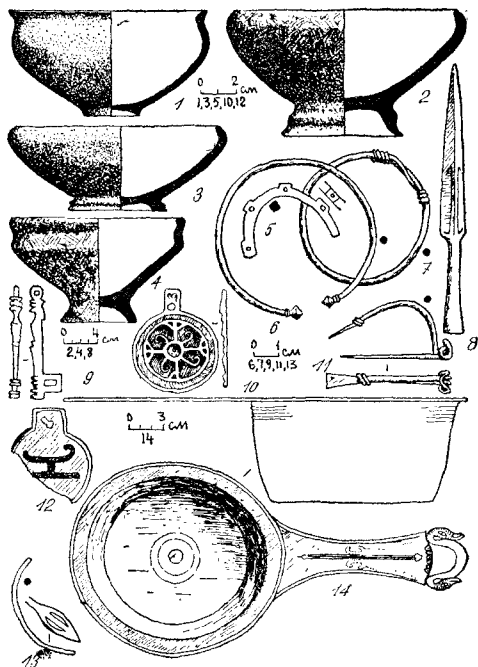
Рис. 40. Инвентарь погребений из Красной Поляны (1—6, 9—14), из окрестностей Сочи (7) и из ущелья р. Лауры (8) — глиняные кувшины (1, 4), бронзовые браслеты (2, 3, 8), фибула (11) и обломки пряжек (9, 10), железные наконечники копий (5—7), бусина из синего стекла (12), обломок золотой шейной гривны с сердоликом (13) и серебряный кувшин (14).

Шапура I (243—273 гг. н. э.). В однострочной надписи, сохранившейся на обороте, говорится о том, что первоначально это блюдо принадлежало Варахрану, царю Кермена, и было, следовательно, изготовлено в 262—274 гг. н. э. Время же самого захоронения, несмотря на наличие ряда ранних предметов (монеты, блюдо), должно определяться не ранее IV в. н. э. В настоящее время краснополянское блюдо хранится в Абхазском государственном музее, а остальной инвентарь захоронения находится в фондах Сочинского музея краеведения.

В той же краснополянской траншее, но, видимо, в другом захоронении был найден серебряный кувшин. Верхняя плоскость пригорловой части его ручки украшена гравированным изображением голов хищных животных. По своей форме этот сосуд восходит к соответствующим италийским изделиям начала н. э.

Вблизи упомянутой траншеи на кочевках в одном из погребений найдено два железных наконечника копий и одноручный кувшин с воронковидным венчиком, орна-

Рис. 41. Керамические изделия (1—4), бронзовые браслеты (5—7, 13), ключ (9), зеркало (12), фибула (11), ковш (14), зеркало из светлого металла (10) из с. Веселого (1—4), из окрестностей Сочи (5—13) и из Воронцовской пещеры (14).

ментированный многорядными волнами. Судя по этим признакам, кувшин был изготовлен в соседней Аписилии (Щебельда) и датируется IV в. н. э. Из другого погребения происходят темноглиняный кувшинчик и два бронзовых браслета, относящиеся к V—VI вв. н. э.

Среди других находок в окрестностях Сочи очень интересен бронзовый, со следами позолоты, ковш с великолепной ручкой, украшенной двумя головками лебедей и орнаментом. На днище его изнутри в центре нанесена пунктирная полоска. Ковш этот принадлежит к достаточно распространенному типу южноиталийских изделий, а четкость моделировки лебединных головок позволяет отнести его ко времени правления императора Августа (начало I в. н. э.). Поскольку ковш был найден в Воронцовской пещере, последняя, судя по всему, и в позднеантичный период продолжала играть роль «караван-сарая», когда по-прежнему из района Сочи кратчайший и наиболее удобный путь в обход теснины Ахцу на Красную Поляну проходил через село Воронцовку.

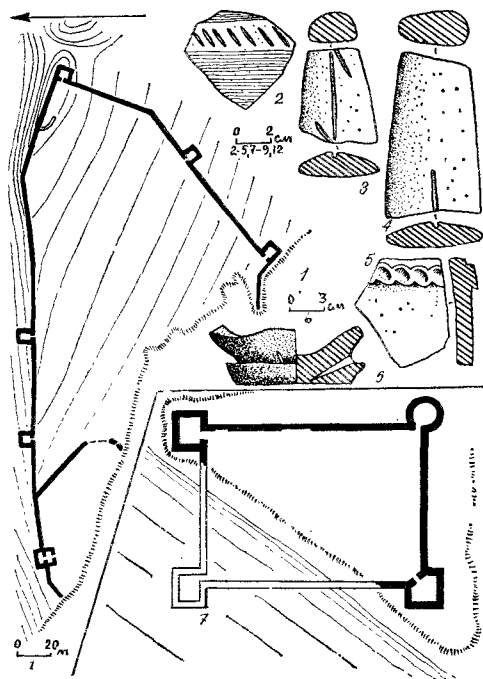
Отдельные находки, относящиеся к рассматриваемому времени, включают такие изделия из бронзы, как браслеты III—IV вв. н. э., фибулы III в. н. э., ключ от римской шкатулки, зеркальце со знаком боспорского царя Иинфимея (III в. н. э.) и другое зеркальце из белого металла, принадлежавшее типу, широко распространенному во II в. н. э.

Браслеты с призматическими утолщениями, серия удил с разнотипными железными или бронзовыми поперечинами-псалиями, серебряные пластинчатые пояса и части конской упряжи, фрагменты пряжек и фибул, железные наконечники копий характеризуют заключительный этап периода (V—VII вв.).

В устье реки Мамайки до сих пор видны остатки угловой башни, которая принадлежала укреплению, хорошо сохранившемуся еще в конце XIX в. О принадлежности этой крепости римлянам говорят характерные для римских укреплений прямоугольный план и форма башен, структура кладки из хорошо отесанных блоков, тяготение всего сооружения к морю. Как полагают, крепость впервые упоминается в римских источниках под именем Мохоры.

К северу от Мамай-кале Псевдо-Арриан в V в. н. э. упоминает крепость Багу, которая, вероятно, может быть сопоставлена с укреплением, находящимся к юго-востоку от Лазаревского, на самом берегу моря (Чемитоквадже). Крепость расположена на береговой возвышенной (20—25 м над уровнем моря) террасе, на левом берегу реки Годлик. Она имеет треугольную в плане форму, следуя в этом условиям местности. Общая длина стен по периметру более 700 м, а их толщина достигает 2 м. Вдоль обрыва к морю стены давно рухнули вниз. Хорошо сохранились башни: по три в северной и юго-восточной стенах. Башня № 6 выступала наружу на 6 м и углублялась внутрь защищенной территории на 4 м. Она перегорожена стеной толщиной до 1 м, в которой находился узкий проход, соединявший образованные этой перегородкой помещения. «Сдвоенные» башни близкой конструкции характеризовали римско-византийские укрепления и в других районах (например, крепость Сучидава в Румынии). Стены и башни сложены из тщательно подобранных и подтесанных плит песчаника и сланца, включенных в панцирь стен попеременно с крупными

Рис. 42. Планы крепостей на р. Годлик (1) и на Мамайке (7) и фрагменты керамики из верхнего культурного слоя Годликской крепости (2—6).

блоками серого известняка. Ряды этих блоков в панцире куртин — промежутков между башнями выдержаны неаккуратно, в стенах же башен они более четки и проявляют сходство с кладкой башен крепости Мамай-кале. Толща стен образована забутовкой из горизонтально брошенных в раствор булыг. Раствор имеет значительную примесь песка и мелкого отборного гравия. Подъемный материал с территории крепости включает обломки пифосов, кувшинов, мисок и других глиняных изделий, по своему облику относящихся к V—VIII вв.

Сведения о хозяйстве племен, населявших район Сочи в позднеантичное время, еще очень скудны. До нас не дошло пока ни одного сельскохозяйственного орудия. Следует, однако, полагать, что характер земледелия по сравнению с прежним изменился мало: почву обрабатывали железными мотыгами, хотя не исключено и использование плуга. В конце периода осваиваются высокогорные пастбища, развиваются различные ремесла: производство оружия, керамики, украшений. О тесных торго-

во-экономических и культурных связях, главным образом с Римом и Боспором, говорят многочисленные привозные изделия: золотые, серебряные и бронзовые предметы, монеты, керамика. По-прежнему сохранял свое значение старинный перевальный путь, шедший с побережья через село Воронцовку в обход теснины Ахцу на Красную Поляну и далее на Северный Кавказ. Кувшин из Красной Поляны говорит о реальных связях с племенами, населявшими территорию современной Абхазии. Через территорию или вдоль берегов последней, возможно, попало в Красную Поляну и серебряное сасанидское блюдо, преодолевшее дальний путь из южного Ирана. Местная родоплеменная верхушка и рядовые дружинники широко пользовались различными изделиями античного происхождения (ковши, кувшины, кубки, щиты, украшения). В то же время отдельные изделия, например мечи, изготовлены по сарматским образцам.

Социальная организация населения в позднеантичный период все еще носила военно-демократический характер. Вместе с тем отмечается обособление отдельных представителей родоплеменной верхушки, накопивших богатства в виде драгоценных изделий, в то время как параллельно фиксируются погребения с достаточно скудным инвентарем, принадлежавшие рядовым дружинникам и членам их семей. Во II в. н. э., согласно данным уже упомянутого римского полководца и историка Флавия Арриана, рассматриваемую территорию занимали саниги, у которых «царем» был некий Спатаг. Причем если из этого источника следует, что саниги простирались на юго-восток вплоть до Себастополиса, то в V в. по сообщениям Псевдо-Арриана и византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского, саниги занимают уже исключительно район современного Сочи. Упомянутый «царь» Спатаг, возможно был объединителем племен гениохов. Однако вскоре этот союз распался, выделив из своей среды в первую очередь абасгов, зигов и санигов, во II в. н. э. уже выступавших как самостоятельные племенные образования.

Глава IV. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЭПОХА

В составе Абхазского царства

Раннесредневековая эпоха (VII—X вв.) в окрестностях Сочи представлена довольно значительным числом поселений и городищ, крепостей и храмов, могильников и ремесленных центров. Особого расцвета в раннем средневековье достигло местное оборонительное зодчество, представленное в окрестностях Сочи десятками городищ и крепостей. Городища формировались на основе позднее окруженных оборонительными стенами поселений. На них еще и сегодня видны остатки различных жилых и культовых зданий. Крепости возникали на стратегически выгодных возвышенностях, на заселенных или необжитых прежде местах.

Планировка раннесредневековых укреплений района г. Сочи тесно связана с условиями местности. При сооружении стен почву снимали до скальной основы, в которой на склонах высекали ступень, служившую опорой для основания фундамента. Особое распространение высекание такой ступени получило в горной зоне, для которой характерны мягкие сланцы, облегчавшие эту работу. Стены возводили постепенно узкими ярусами до общей высоты 5—6 м и, вероятно, изредка оформляли сверху зубцами (Хоста, Ачипсе). Кладку стен укреплений в приморской зоне и в горах вдоль важнейших стратегических дорог осуществляли с помощью каменных блоков с частичным соблюдением рядов в панцире и с забутовкой из ломаного камня на растворе с крупнозернистой примесью речного или морского песка и гравия. В отдельных случаях в кладке стен использовали кирпич, укладывавшийся многорядными поясами (Ачипсе). В горной зоне, где добыча и доставка извести была затруднена, а укрепления носили второстепенный характер (Бешенка, Куни-

цыно, Дмитриевка), применяли нерегулярную облицовочную циклопическую кладку насухо.

Оборонительные линии укрепляли выступающими, как правило, наружу башнями и контрфорсами. На труднодоступных участках эти элементы имели прямоугольный план (Хоста, Аибга), либо реже треугольную или полукруглую в плане форму (Ачипсе, Пслух). Башни обычно имели два яруса с деревянными межэтажными перекрытиями и верхней боевой площадкой. Часто нижний этаж башен заполняли бутом, наращивая естественную возвышенность (Ачипсе, Пслух, Бешенка). Во второй этаж в этих случаях обычно попадали по приставной лестнице или прямо со стены. Этажи в башнях сообщались между собой через люки с помощью деревянных лестниц (Хоста). В стенах башен делали смотровые окна и бойницы.

Особое значение придавали оформлению крепостных ворот, которые отличались иногда значительными размерами, имели каменный порог, арочное перекрытие, массивное дощатое полотно и бревенчатый запор (Хоста, Ачипсе, Аибга). Башни и контрфорсы в районе ворот располагали обычно с тем расчетом, чтобы нападающие находились под обстрелом справа (Хоста, Аибга и др.).

Древние зодчие района г. Сочи использовали и другие виды оборонительных сооружений, в первую очередь рвы и валы перед воротами поперек перешейков, соединявших территорию укрепления с окружающей местностью (Хоста, Куницыно). Переход через рвы осуществляли, по-видимому, с помощью подъемных деревянных мостиков.

Помимо отмеченных общих черт, каждое из ранне-средневековых укреплений отличалось и своими особенностями. Поэтому расскажем отдельно о нескольких наиболее характерных крепостях, имеющих самостоятельный интерес.

Крупнейшим городищем района является крепость, расположенная на гребне горы у впадения реки Ачипсе в Мзымту северо-восточнее Красной Поляны. Стены прослеживаются с юга на 260 м, с севера — на 350 м, с востока — на 80 м. Лучше всего стены сохранились в северной части крепости (высота угловой башни и прилегающих участков стены от 2 до 6 м) и в юго-восточном углу, где высота стен достигает 5 м. Западная башня имеет прямо-

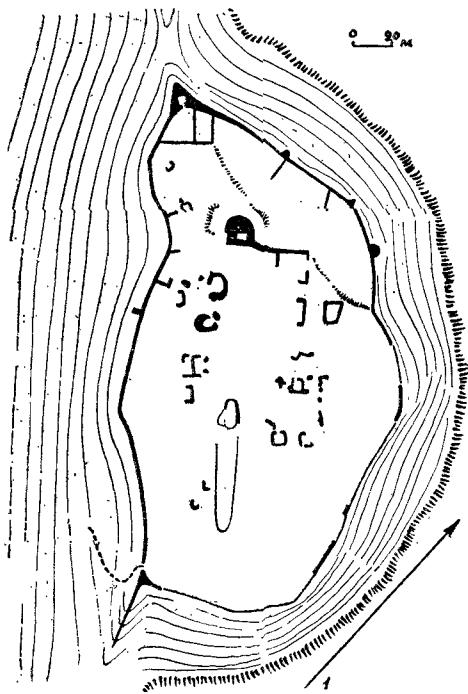

Рис. 43. План Ачинской крепости.

угольную в плане форму и построена на естественной возвышенности с искусственной каменной «подушкой».

Южная стена имеет ряд брешей, образовавшихся, по-видимому, в результате какого-то сражения. Она укреплена в средней части прямоугольным контрфорсом. Основной участок стены возведен из ломаного местного камня на прочном растворе с большим количеством примесей мелкого сланцевого гравия и крупного песка, взятого из реки. В восточной части сохранились остатки ворот. Здесь в кладке эпизодически встречаются кирпичи. Профиль стены имеет снаружи ступенчатость: наибольшая ширина у фундамента, а выше стена сужается двумя уступами. Юго-восточный угол крепости представляет своеобразное сооружение, служившее цели подчеркнуть, выпятить рельеф, сделать его неприступным. В этом месте стена раздваивается: один луч продолжается по периметру крепости, а второй устремляется по гребню вниз

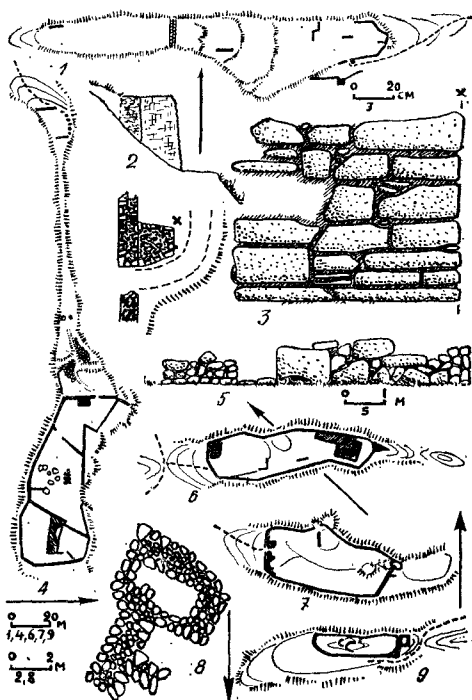
почти на 50 м, препятствуя проникновению противника через гребень к наименее мощной восточной оборонительной линии, которая из-за действующих оползневых процессов в настоящее время почти полностью разрушена.

Характерные строительные детали имеются в северной стене. Здесь на протяжении 160 м было сооружено три башнеобразных полукруглых и треугольных в плане контрфорса, в задачу которых входило поддержать стену над обрывом. Далее к востоку северная стена постепенно теряет свою мощь и местами вообще исчезает, что обусловлено в первую очередь оползнями в сторону ущелья реки Ачипсе.

Ширина огороженного стенами пространства в ряде мест превышает 100 м. Это почти ровное плато с двумя-тремя широкими ступенями к Ачипсе. На верхней ступени прослеживаются в большом количестве каменные фундаменты. Лишь один из них на естественном возвышении в 100 м от западной башни сложен из обработанного камня на известковом растворе и служит основанием значительного сооружения. В северо-восточном углу этого здания находится помещение размером 4,1×3,6 м. В южной стене сохранился узкий дверной проем. С севера к помещению примыкает массивная полукруглая пристройка, отделенная от внешней стены помещения сквозным каналом, выложенным кирпичом. Вдоль канала в толще стены помещения идет кирпичная кладка в три ряда. Размер кирпича 15×32×3 см. Канал был соединен с помещением узким проходом. Само помещение имело два яруса, отделенных когда-то друг от друга деревянным перекрытием, а теперь заполненных землей. При раскопках здесь было найдено большое число разрозненных человеческих костей и фрагментов глиняных кувшинов с росписью бурой краской. Это позволяет предполагать, что рассматриваемая постройка могла служить помещением для погребений, отражающих какой-то еще неизвестный языческий обряд.

Остальные развалы на территории крепости сложены из камня насухо без раствора и, вероятно, служили основанием для деревянных зданий. По всей площади, огороженной стенами, и за их пределами на склонах лежит большое количество обломков керамических изделий — пифосов, мисок, кувшинов, расписной керамики, пряслиц.

Рис. 44. Планы Аибгинской (1), Куницинской (4), Монашкинской-1 (7), Монашкинской-2 (6) и Бешенской (9) крепостей, схема входа (2) и деталь кладки облицовки контрфорса (3) Аибгинской крепости, деталь фасадной части и ворота Куницинской крепости (5), план башни крепости Монашкинская-1 (8).

Здесь же найдены обломки стеклянных сосудов, а также отдельные железные изделия (топоры, нож и др.). Керамические и железные шлаки говорят о существовании на городище соответствующих производственных центров, а многочисленные кости животных свидетельствуют о развитии скотоводстве.

К несколько иному типу относится крепость, расположенная на окраине Красной Поляны, на правом берегу реки Бешенки, в 2 км от ее впадения в Мзымту. Остатки древней дороги приводят на перешеек с поперечным рвом, за которым возвышаются руины прямоугольной башни. В основании башни имеется массивная, сложенная насухо «подушка», наращивавшая естественное возвышение. Общая высота башни над уровнем рва в настоящее время до 4 м. Внешняя стена ее сложена из огромных циклопических глыб. Крепость представляет в плане вытянутый прямоугольник размером 50×40 м,

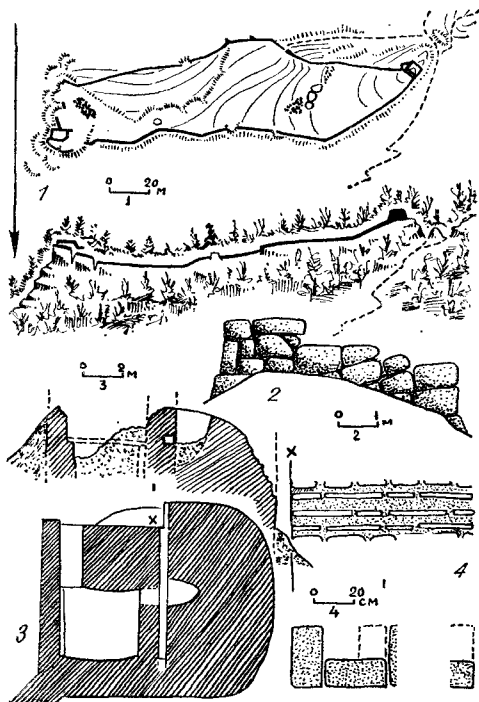

Рис. 45. План и профиль Пслухской крепости (1), кладка башни Бешенской крепости (2), план и профиль центрального здания (3) и деталь кирпичной кладки (4) из него в Ачипсинской крепости.

охватывающий площадку те около 100—150 м над уровнем моря. Стены сложены без раствора облицованы и по осыпи к северу найдены раннесредневековой посуды (горшки) и иных изделий (Хостинская крепость находится в северо-восточной части заповедника «Тисо-самое море», на вершине скалистого Хосты здесь 100-метровым вниз. Поэтому необходимости существования оборонительных сооружений была сооружена оборонительная линия существующих лишь в южной части вершины, где и линия.

Юго-восточный угол крепости защищен башней, со стороны запад из башни смотрит окно-бойница размером 0,5 м. У юго-восточного угла снаружи видна стена с п

эга хребта на высадку русла Бешенки. Стены сложены без раствора облицованы и по осыпи к северу найдены раннесредневековой посуды (горшки) и иных изделий (Хостинская крепость находится в северо-восточной части заповедника «Тисо-самое море», на вершине скалистого Хосты здесь 100-метровым вниз. Поэтому необходимости существования оборонительных сооружений была сооружена оборонительная линия существующих лишь в южной части вершины, где и линия.

ва. Это остатки запасной калитки, служившей для выведения отрядов во фланг врагам, штурмующим главные ворота. Вторая башня, отстоящая от первой на 45 м, имеет неправильно прямоугольный план. В западной и восточной ее стенах заметны два яруса пазов от балок межэтажных перекрытий. Высота каждого этажа 1,7—1,8 м. Башня была, по-видимому, трехэтажной.

Лишь 11 м стены разделяют вторую и третью воротные башни. Последняя сохранилась плохо. Ее массив, занимающий площадь 14×8 м, острым углом выклини-

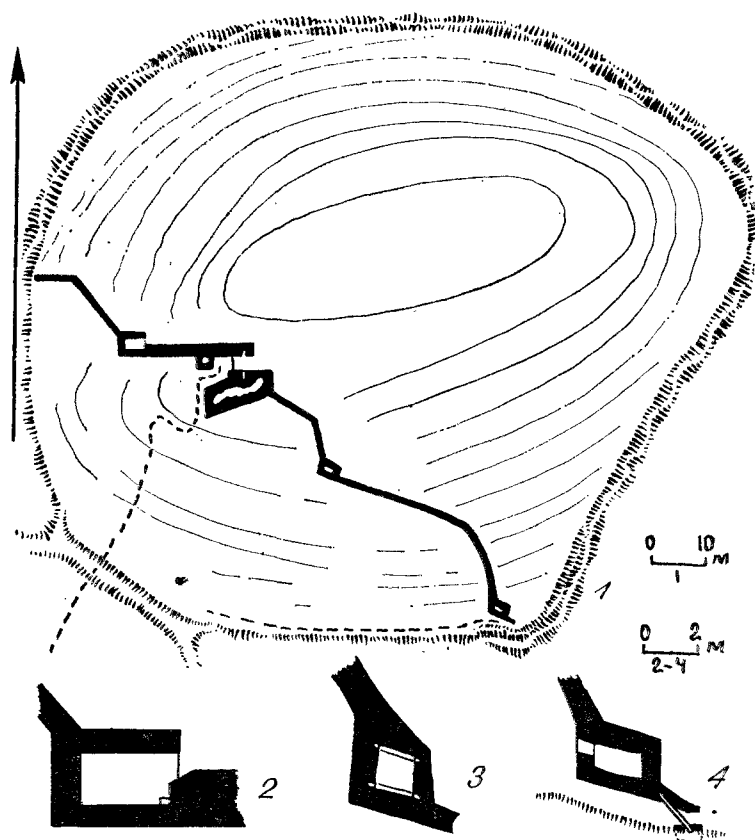

Рис. 46. Общий план (1) и планы отдельных башен (2—4) Хостинской крепости.

вается на юго-запад, образуя заслон крепостных ворот. Порог этих ворот виден в средней части коридора, образованного северной стеной третьей башни и идущей параллельно ей массивной стеной, которая тянется затем к западу. Над порогом на высоте более 1 м виден паз для закрепления засовного бруса.

Западнее ворот из стены выступает башнеобразный контрфорс, защищавший ворота. В 10 м от него находится последняя башня, которая в отличие от остальных выступает и внутрь крепости. В то же время ее помещение углублено в толщу стены более чем на 1 м. В верхний ярус башни ведет дверной проем. Судя по выступающему здесь из стены камню, на котором держалось потолочное перекрытие, высота этого помещения достигала 1,9 м. С учетом сохранившихся фрагментов следует думать, что первоначально высота башни составляла не менее 11 м. Из нижнего ее этажа на юг смотрит широкая бойница.

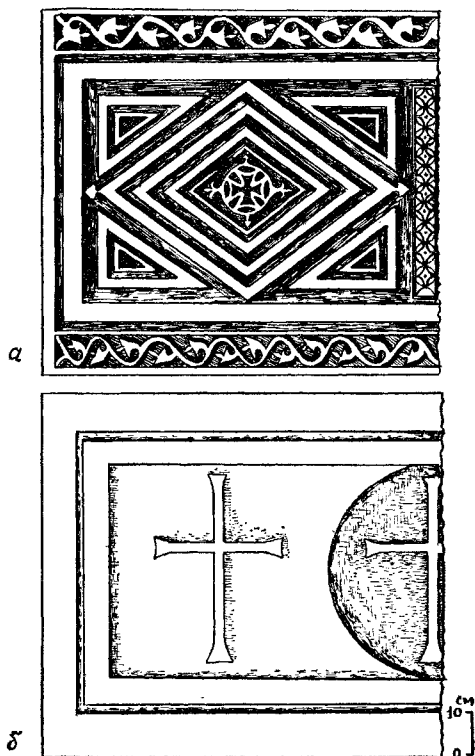
Все стены Хостинской крепости возведены из грубо обработанных блоков местного известняка. Известковый раствор содержит примесь морского песка и мелкой гальки. Подъемный материал с территории крепости включает обломки кувшинов, горшков, мисок и т. д.

К памятникам раннесредневековой гражданской архитектуры относятся и многочисленные ацангуары (в переводе с абхазского «ограды карликов») — каменные пастушеские жилые и хозяйственные сооружения, распространенные по всей субальпийской зоне района (Ачишхо, Аибга, верховья рек Сочи, Мзымты и др.). Каждый комплекс ацангуар включает в себя дом пастуха, служебные помещения, ограды для скота. Жилища пастухов — коши имели узкий вход, иногда окно. Их толстые каменные стены возводили насухо. Здание перекрывали деревянной кровлей. В этих развалинах в последние годы найдено большое число фрагментов керамики, в первую очередь так называемая «скотоводческая» посуда, наконечники железных стрел, каменные орудия, кости домашних животных.

В настоящее время известны христианские храмы в Лоо, Агуа, Хосте, Адлере, Веселом, Липниках, Лесном, Голицыне, Монастыре.

Наиболее ранней являлась базилика на территории совхоза «Южные культуры». Ее украшали фресковая

Рис. 47. Фрагмент резной плиты из храма в совхозе «Южные культуры» (лицевая и обратная стороны).

роспись и мозаичный пол. Рядом с храмом найдено погребение IX—X вв., перекрытое плитами, орнамент которых очень близок к оформлению хор и оконных проемов в Софийском соборе VI в. в Константинополе.

Исключительно интересен храм в Лоо, расположенный в 2 км от моря на высоте около 200 м. Южная стена памятника разрушена полностью, западная стена и восточная часть также сильно повреждены временем. Лишь северная стена сохраняет еще свою высоту. Наружные размеры храма: ширина 11,2 м, длина до 20 м. Толщина стен до 1,1 м. Храм имел три входа: с севера, запада и юга. Ширина северного дверного проема 1,4 м. Помещение храма освещалось с помощью большого числа узких оконных проемов. В западной стене их было по меньшей мере два, в северной сохранились три окна. Окна были

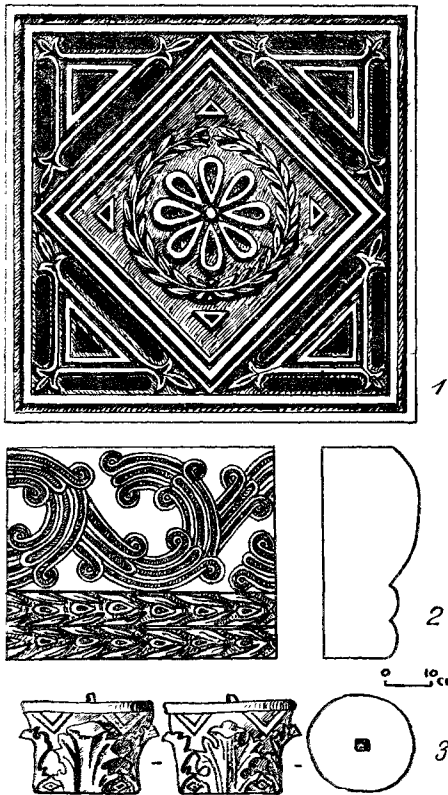
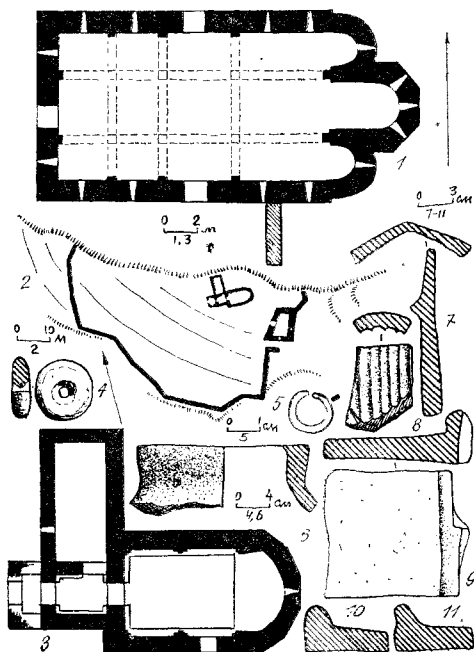

Рис. 48. Резная плита из храма в совхозе «Южные культуры» (1), архитектурная деталь из храма на Ахун-горе (2) и капитель из храма в местности «Каштаны» (3).

и в алтарных частях → абсидах храма. В северной стене выступают три полустолба-пилястра, которые вместе с аналогичными выступами в южной стене и двумя рядами столбов поддерживали в свое время свод храма. Снаружи центральная абсида была пятигранной.

Стены храма в Лоо сложены прекрасно обработанными известняковыми блоками и плитами песчаника и сланца. Известняком была облицована вся наружная поверхность стен, окна и двери. Эти же блоки составляют связующую основу пилястр, пронизывающих стены насквозь. Раствор отличается примесью очень крупного песка и отборного мелкого гравия, что находит ближайшую аналогию в византийских стенах Анакопии VII в. Этим же или

Рис. 49. Планы храмов в Лоо (1) и в с. Монастырь (2, 3), каменное прясло (4), медное кольцо (5), фрагменты кувшина (6) и черепицы (7—11) из Монастырской крепости.

несколько более поздним временем (VIII—IX вв.), вероятно, и следует датировать рассмотренный храм, который относится к группе абхазо-аланских церквей, характеризующих особый западнокавказский путь развития византийского храмового зодчества (Пицунда, Лыхны, Зеленчук и др.).

Достаточно интересен храм, расположенный в селе Монастырь, на левом берегу реки Мзымты. Зал церкви разделен парой пилястр на две части. К нему примыкает с востока широкое алтарное полукружие, имевшее снаружи пятигранное оформление. Изнутри вдоль стен зала прослеживается невысокий и узкий выступ-парапет. В зал вели две двери: с запада и с юга. Алтарь освещался с помощью одного окна.

С запада к храму примыкает придел, южная стена которого сохранилась почти полностью. В ее верхней части выступает камень, служивший, вероятно, опорой для арки свода. Здесь же видны и основания дверных арок.

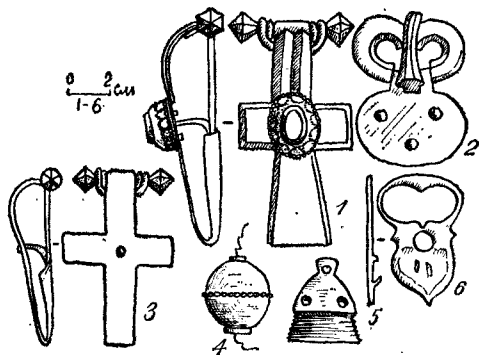
В придел вели два входа: с запада и с севера. Северный вход соединял придел с обширным помещением, имевшим два этажа. Первый служил, вероятно, погребом. Второй этаж освещался с помощью окон, остатки которых сохранились в западной стене. К западу от первого придела отмечена площадка, где, по свидетельству старожилов, еще в конце 40-х годов возвышались каменные столбы высотой 3—4 м.

Монастырский храм расположен на территории небольшого укрепления, от которого сохранились стены и большая башня. Она охраняла крепостные ворота, находившиеся юго-восточнее храма. Стены крепости сложены из грубо обработанного камня панцирной кладкой на известковом растворе. Собранный по склонам в крепости и у храма материал включает обломки кирпича, плоской и гнутой черепицы, которой был покрыт храм, пифосов, кувшинов, кухонной посуды, прясел, датированных IX—X вв. н. э.

Обзор имеющихся материалов показывает, что христианство на рассматриваемой территории достаточно прочно привилось лишь в приморской зоне. Интересно, что если храмы, расположенные вблизи побережья, не имели оград, то храм в селе Монастырь, наиболее удаленный в горы, был защищен мощной стеной. Отсутствие следов христианских храмов в глубоких горных долинах, в частности в районе Красной Поляны, позволяет полагать, что здесь христианство не получило широкого распространения.

Раннесредневековые могильники в окрестностях Сочи изучены еще достаточно слабо. В погребениях VI—VIII вв. в селе Веселом обнаружены фибулы, пряжки и наконечники копий. Около десятка погребений VIII—X вв. было исследовано вблизи храма на территории совхоза «Южные культуры». Одно из мужских погребений находилось в гробнице из черепицы, перекрытой двумя орнаментированными плитами. Рядом было найдено погребение женщины, в котором обнаружены серебряные кольца с тремя полыми бусинками с филигранным пояском, две фигурки павлиновидных птиц на стерженьках, бронзовые бубенчики и т. д. Еще семь погребений почти не содержали инвентаря, покойники лежали на спине головой на запад, иногда с легким отклонением к северу. К этому же времени, вероятно, относится погребение из

Рис. 50. Серебряные фибулы (1, 3) и бусина (4), бронзовые пряжки (2, 6) и колокольчик (5) из с. Веселого (1—5) и из окрестностей Сочи (6).

окрестностей села Веселого, в котором найдены светлоглиняная амфора и блюдо. В 1970 г. близ крепости на реке Бешенке в Красной Поляне было разрушено женское захоронение VIII—IX вв., инвентарь которого включал фрагменты сосуда из пористой глины, двуручный сосудик из тонкоотмученной глины, железные тесловидную мотыжку и нож, а также каменный точильный брусок.

Различные отрасли хозяйства, которым занималось местное население в этот период, иллюстрирует в основном материал, собранный на поверхности, так как в условиях горной местности культурный слой на поселениях и городищах сильно размывает и разнесен по склонам.

Земледелие по-прежнему было главным образом мотыжным, хотя наряду с этим, особенно на прибрежной равнине, уже широко использовали деревянный плуг с железным наконечником-сошником или без него. Мотыги имели тесловидную (Красная Поляна, окрестности Сочи) и обычную форму с рабочим лезвием и вытянутым обухом (Бешенская крепость). Последние орудия по своей форме очень близки к мотыгам, находимым в женских захоронениях VI—VII вв. н. э. в соседней Абхазии (Щебельда).

На исключительное значение скотоводства в жизни населения горных долин этого времени указывает огромное количество пастушеских поселков, разбросанных по всей субальпийской зоне района. Территорию городищ усеивают многочисленные кости домашних животных — коров, коз, овец, свиней, лошадей. Значительное свободное пространство внутри крепостных стен предназна-

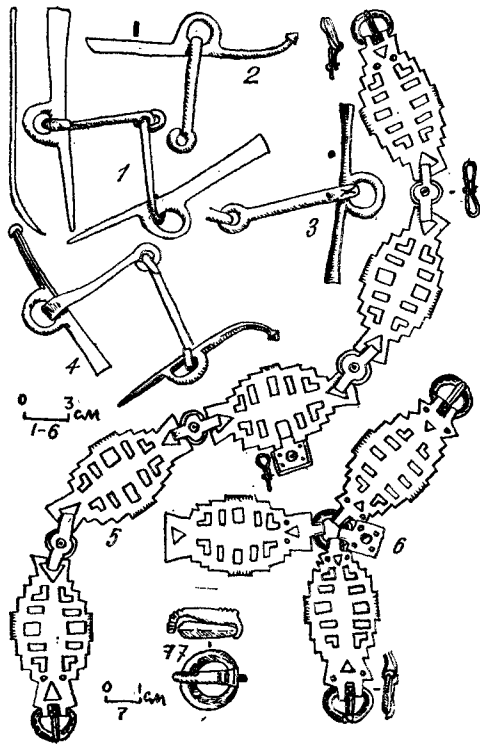

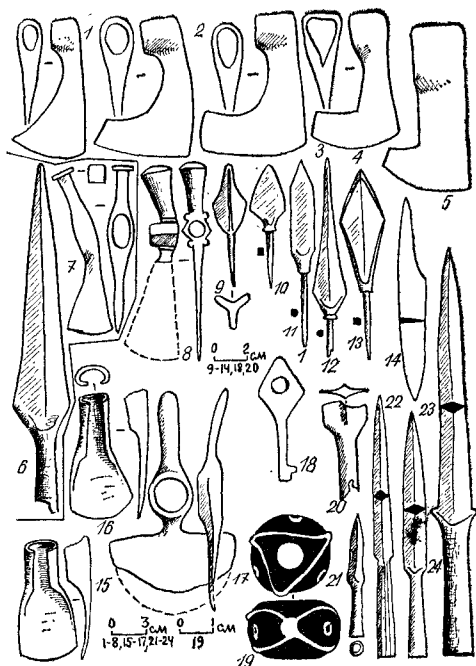
Рис. 51. Конские железные удила с бронзовыми псалями (1—4) и серебряные детали уздечки (5—7) из окрестностей Сочи.

лось, по-видимому, в первую очередь для загона скота и содержания его в зимних условиях. Скот, судя по всему, являлся важнейшим продуктом, составлявшим основу экономики тогдашнего населения Абхазии и окрестностей Сочи, где в VII—VIII вв. складывалось Абхазское раннефеодальное государство.

Особое место в жизни местных племен в раннем средневековье занимало производство керамической посуды, обломки которой буквально устилают поверхность почвы на поселениях и склонах вокруг них. Здесь же в большом количестве обнаружены керамические шлаки, которые указывают на существование соответствующих мастерских. Из разрушенных погребений известен ряд целых сосудов, главным образом кувшинов.

Широко были распространены пифосы — большие безручные хозяйственные сосуды с массивным, уплощен-

Рис. 52. Железные топоры (1—5, 7, 8), наконечники копий (6, 20—24) и стрел (9—13), нож (14), мотыги (15—17), ключ (18) и пастовая бусина из окрестностей Сочи (1—3, 6, 7, 9, 15, 16, 22—24), из Ачипсинской (4, 5, 14) и Бешенской (8, 17, 18) крепостей, с открытых поселений в Красной Поляне (10—13, 20—21) и в с. Монастырь (19).

ным сверху венчиком, широким горлом и плоским узким дном. Стенки пифосов снаружи и изнутри покрывали крупным беспорядочным рифлением и украшали в пригорловой части налепными валиками с пальцевыми вдавлениями. Большое число фрагментов относится к глубоким мискам с уплощенным сверху краем, на который часто наносили зубчатым штампом знак мастера. Иногда край миски имел уступ, возможно, для крышки, а также хорошо выраженный слив, образованный движением пальца по сырой глине. Особняком стоят котловидные сосуды и небольшие миски. Значительная группа обломков характеризует одноручные кувшины, венчик которых часто имеет слив.

Наиболее многочисленной и характерной для ранне-средневековых поселений (Красная Поляна, Монастырь, Хоста, Годлик, ацангуары) является лепная посуда с пористыми стенками. Это горшковидные плоскодонные сосуды, часто отличающиеся значительными размерами и

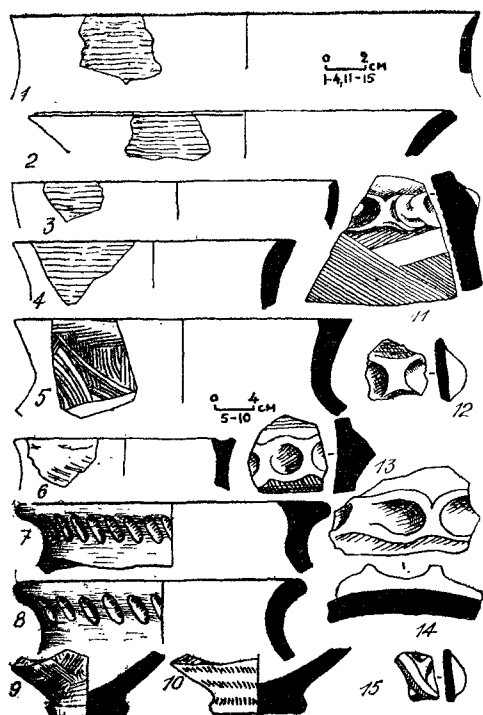
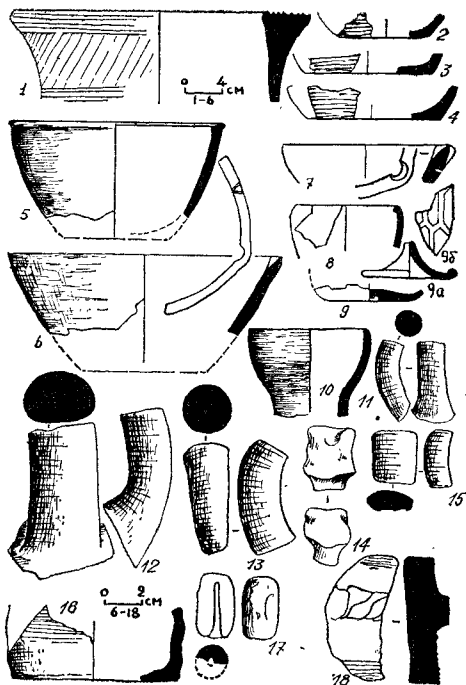

Рис. 53. Фрагменты раннесредневековых котлов (1—3, 6) и пифосов (4, 5, 7—15) с Ачипсинской (1—6, 15), Пслухской (11), Бшенской (7, 10, 13) и Куницынской (12, 14) крепостей.

тонкими стенками. Украшали эту посуду насечками по краю венчика или по наклепному валуку ниже горловины, редко — точками или волной. Заглаживание ее поверхности производили беспорядочно мелкозубчатой гребенкой, сеткой горизонтальных и вертикальных линий или веерообразно от дна. Глина редко твердая — она оставляет след, мажется, жирна на ощупь, хорошо промешана. Примесь в основном состоит из белых рыхлых частичек, напоминающих дробленый известняк и кальцит, выгоравший при обжиге, что приводило к пористости изделий. Последнее обстоятельство способствовало охлаждению содержимого, что в условиях развитого скотоводства должно было благоприятствовать сохранению жидких молочных продуктов и воды. Довольно часто встречаются глиняные кувшины, расписанные бурой краской. Они, вероятно, поступили сюда по торговым путям из Византии, хотя часть этой керамики, судя по глине, имеет местное

Рис. 54. Фрагменты раннесредневековых пифосов (1, 18), мисок (2—7), кувшинов (10—16), стеклянных сосудов (9, 9а, 9б) и других изделий из Ачипсинской крепости.

происхождение. Подобная расписная посуда была распространена в VIII—XI вв. в Болгарии (Попина, Хасково), Румынии и в Северном Причерноморье. Аналогичная керамика встречается и в памятниках IX—X вв. на территории соседней Абхазии (Анакопия, ацангуары Бзыбского хребта и др.).

Среди глиняных изделий многочисленные пряслица, которые делали, как правило, из стенок разбитых сосудов — пифосов, мисок, кувшинов. Широко освоено было также производство кирпича и черепицы, которые использовались для укрепления стен, покрытия культовых и гражданских зданий.

Было развито и кузнечное ремесло. На поселениях найден шлак, довольно много железных топоров, мотыг, ножей и т. д. Высоко ценилась работа каменщиков. Об этом говорят монументальные стены крепостей и храмов. Особую категорию раннесредневековых памятников района составляют печи для производства извести. Одна та-

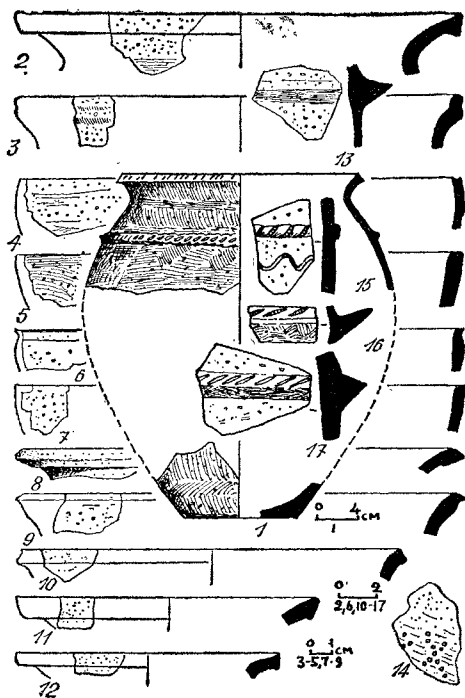

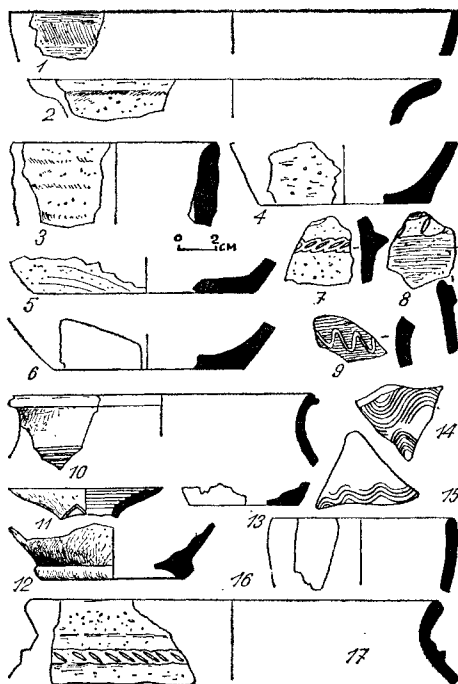
Рис. 55. Раннесредневековая «скотоводческая» посуда с Куницинской (1, 13) и Ачипсинской (2—12, 14—17) крепостей.

кая печь была обнаружена вблизи Аибгинской крепости (Красная Поляна). Она представляет собою две округлые, смежные ямы-камеры, врытые в крутой склон. Между камерами сооружена из ломаного камня перегородка, а во внутренней яме была найдена усохшая известь. Сверху и снизу к печи подходили дороги, по которым завозили куски известняка и увозили к крепости готовую продукцию. Печью пользовались недолго.

Торгово-экономические связи иллюстрируются привозной керамикой (амфоры, блюда, часть расписной посуды и др.), стеклянными сосудами, обломки которых найдены на городищах, пастовыми глазчатыми и разноцветными стеклянными бусами и другими изделиями, указывающими в первую очередь на контакты с Византией и Крымом.

Своеобразный облик раннесредневековых поселений в окрестности Сочи отражает соответствующие социальные отношения того времени. В предгорьях и горных до-

Рис. 56. Раннесредне-
вская «скотоводче-
ская» (1—9, 17) и при-
возная (10—16) кера-
мика с Куницинской
(1), Пслухской (2),
Лчипсинской (3—14,
16) и Монашкинской-1
(15, 17) крепостей.

линах население сосредоточивалось на городищах. Они представляли скопления хижин и общественных зданий (в предгорьях это обычно храмы, в горных долинах — жертвенники и своеобразные погребальные сооружения), окруженных стенами, внутри которых часто находилось и значительное свободное пространство, предназначенное для размещения скота. Как можно полагать, каждое такое поселение состояло из нескольких десятков семей (от 50 до 150—200 человек), объединенных не только единством места обитания, но и, по-видимому, более или менее близкими родственными отношениями.

Рассматривая раннесредневековые памятники в районе г. Сочи, нужно отметить их теснейшую связь с памятниками соседней Абхазии. Особенно интересна в этом отношении «скотоводческая» посуда, которая найдена в Центральной Абхазии уже в памятниках античного времени (современный Сухумский и Гудаутский районы). В

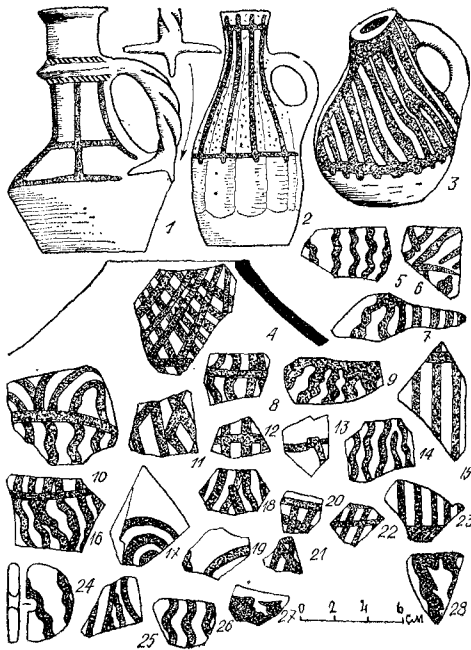

Рис. 57. Расписная глиняная посуда из окрестностей Сочи (1), из Анбги (2), со склона Ачишхо (3) и из Ачипсинской крепости (4—28).

раннем средневековье она распространяется на обширной территории, по крайней мере, от современного Лазаревского до реки Ингури, от побережья моря до высокогорных пастбищ. Эта общность позволяет говорить о существовании на всей очерченной территории в рассматриваемый период единого этнокультурного массива, составлявшего первоначальную базу раннефеодального Абхазского царства VIII—X вв.

Это наблюдение подкрепляется и рядом источников (Епифан Кипрский, Леонтий Мровели и др.), согласно которым с северо-запада политическая и, вероятно, этническая граница Абхазии в VIII—X вв. проходила близ современного села Новомихайловского в районе реки Нечепсухо (Никопсия), т. е. включала и территорию прежнего расселения ближайших родственников абасгам санигов и зихов.

Рис. 58. Фрагменты раннесредневековых пифоса (1), черепицы (2), заготовок для пряслиц (3—10), котловидного сосуда (13), кувшинчика (14) и кувшинов (18—24), каменные подвески (11, 12) и точильный камень (17), железные мотыга (15) и нож (16) из Ачипсинской крепости (1—11), из погребения в окрестностях Бешенской крепости (12—17), с поселений Псоу-1 (22), Псоу-3 (23), Ахштырь-5 (19, 20), из окрестностей с. Веселого (18, 21, 24).

Страна курганных могильников

Эпоха расцвета, пережитая местным населением в раннем средневековье, в XI—XII вв. закончилась. Приходят в запустение городища, разваливаются храмы, резко сокращается значение отгонного скотоводства. На смену крупным городищам приходят небольшие хутора с легкими деревянными постройками. В настоящее время от них сохранились лишь пятна на пашнях, содержащие угольки, обломки местной кухонной и тарной посуды, а также привозной поливной керамики, и кости домашних животных. Большое количество камней в этих местах свидетельствует о существовании в древности каких-то фундаментов. Наиболее значительные скопления населенных пунктов этого времени обнаружены в прибрежной зоне (Мамайка, устье Псоу и др.). В этот период охотники и пастухи вновь используют пещеры, в верхних

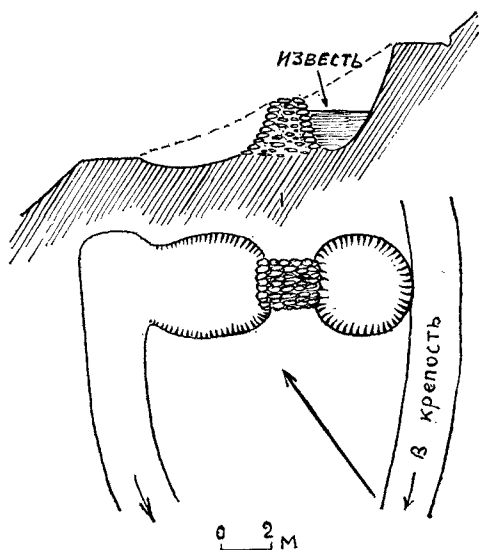

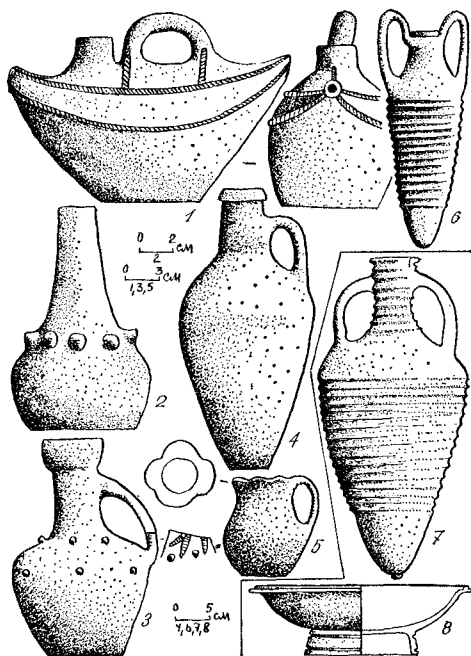
Рис. 59. План (2) и разрез (1) печи для обжига извести в окрестностях Аибгинской крепости (Красная Поляна).

культурных слоев которых исследователи часто находят памятники «черкесского» облика. В Большой Воронцовской пещере, например, обнаружены железные наконечники стрел, ножи и другие предметы.

В горах возникают святилища, часто использующие древние пастушеские постройки, в которых скапливались груды железных наконечников стрел, приносимых пастухами и охотниками в жертву горным духам. Одно такое святилище находилось вблизи озера Кардывач.

В начале XI в. на вершине горы Ахун был построен храм, украшенный резным по камню орнаментом, характерным для грузинских церквей того времени (Синатле, Кацхи, Сапара и др.). К периоду не ранее XI в. относится и маленькая церковь в урочище Агуа (ущелье реки Сочи), по своему плану напоминающая восточногрузинские храмы. К еще более позднему времени может быть отнесена дополнительная стена в крепости на реке Годлик (Чемитоквадже). Эта внутренняя линия обороны отсекает от основной крепости небольшой двор, тяготеющий к морскому берегу и занимающий не стратегически полноценный, наиболее возвышенный участок крепости, где стоит башня № 3, а наиболее низкий ее участок. Фасадная часть этой стены облицована прекрасно обрабо-

Рис. 60. Раннесредневековые керамические изделия — «умывальник» (1), кувшины (2—5), амфоры (6—7) и блюдо (8) из окрестностей Сочи (1—6) и с. Веселого (7, 8).

танними блоками. В тех местах, где облицовка обвалилась, обнажилась забутовка, положенная слоями из наклонных плоских булыжников, изредка образующих «елочку». Обычно же эти слои имеют наклон в одну сторону и отделены друг от друга горизонтально уложенными в ряд плоскими булыжниками. Примечательно, что ряды облицовки, в общем правильно выдержанные, совпадают с внутренними рядами наклонных булыжников. Толщина стены до 2,5 м, а сохранилась она в высоту до 5 м. Технические приемы сооружения стены указывают на то, что она была построена в период генуэзской колонизации на побережье (XIV—XV вв.).

В это же время широко распространяется обычай подкурганных захоронений. Курганные могильники выявлены в Красноалександровском, Абазинке, Варданэ, Кепше, Аибге и других местах. В погребениях, которые были разрушены, например в лесу, в окрестностях поселка Кепши, найдены поливная ваза с изображением птицы, стеклянные привозные сосуды, железные сабли, множе-

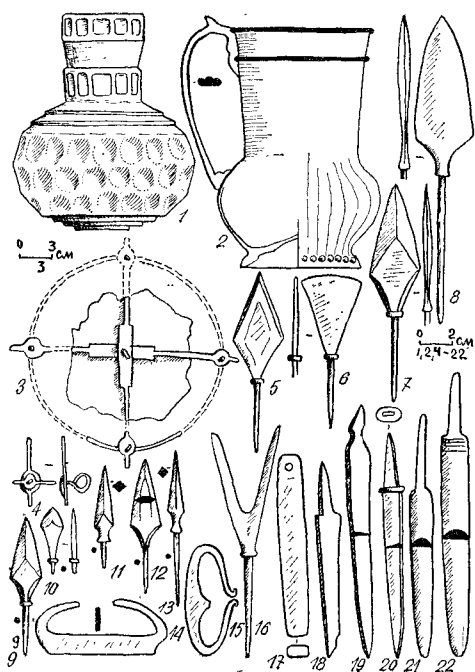

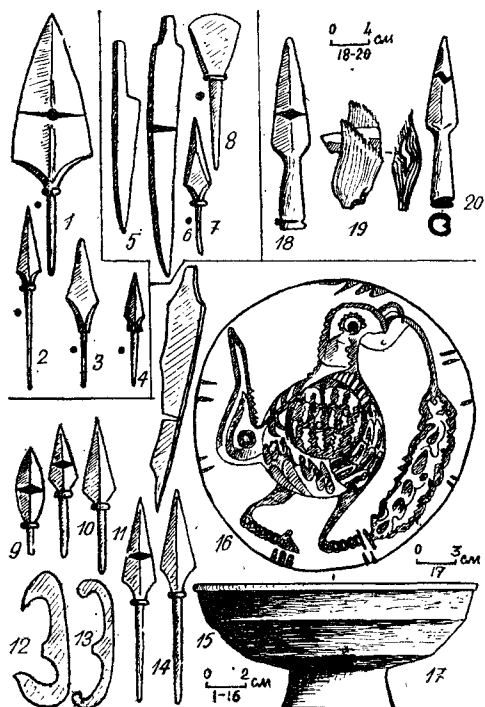
Рис. 61. Курганный могильник Варданэ. Стекланные сосуды (1, 2), железные умбоны (3, 4), наконечники стрел (5—13, 16), кресала (14, 15), ножи (18—21) и заготовки (21, 22), каменный брусок (17).

ство железных наконечников стрел, кресала, ножи и другие изделия XIII—XIV вв. Из курганного могильника того же времени в районе Варданэ происходит набор железных наконечников стрел, ножей, брусков, умбонов от щитов, стеклянная привозная посуда и т. д.

В ущелье Капабье (Красноалександровский аул) курганные насыпи имеют овальную форму с направлением продольной оси с востока на запад: высота их обычно не достигает 1 м, а земляные насыпи оконтурены каменной кольцевидной обкладкой в 3—5 слоев. В одном из курганов найдено полуразрушенное погребение, в котором находилась бронзовая четырехугольная поясная пряжка с кусочком узкого кожаного ремня и железный ножичек, типичные для адыгейских памятников XV—XVI вв.

Курганы у села Абазинки также имеют овальную форму и окольцовку из каменных плит в 4—6 ярусов диаметром 3—4 м. Здесь прослежено два варианта погребальных обрядов. В первом случае сооружали гробницу из

Рис. 62. Изделия развитого и позднего (19, 20) средневековья — железные наконечники стрел (1—4, 7—11, 14, 15) и копий (18—20), ножи (5, 6, 16), кресала (12—13) и поливная чаша (17) с поселений Ахштырь-2 (1—4) и в Воронцовской пещере (5—8), из курганного могильника на Кепше (9—17) и из лесов в горной части района (18—20).

тонких каменных плит, устойчивость которых обеспечивали незначительным углублением в грунт. Вокруг гробницы возводили окольцовку, над которой затем насыпали курган. В этих гробницах совершали и повторные захоронения, вероятно, близких членов семьи покойного — в одной такой гробнице найдено четыре беспорядочно разбросанных костяка. В другом случае на поверхность обнаженной либо частично покрытой плитняком почвы укладывали покойника головой на запад и покрывали его сверху плитами. Вокруг сооружали окольцовку и затем насыпали курган. В таких курганах обычно находилось по два костяка. Инвентарь погребений включает фрагменты посуды, кремни, голубой бисер и другие изделия XV—XVI вв.

Несколько курганных могильников известно в окрестностях Красной Поляны. В 1973 г. автором были исследованы две гробницы на правом берегу Бешенки, в урочи-

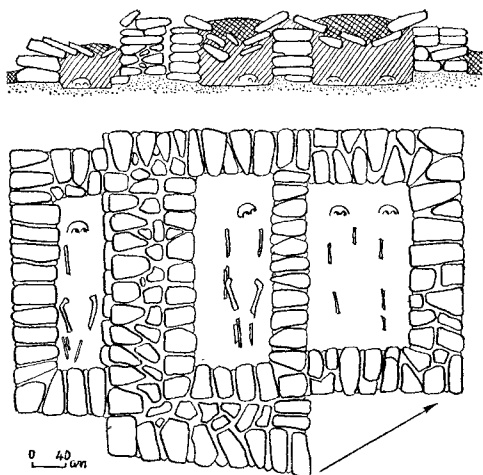
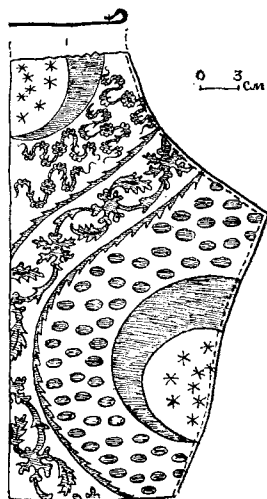

Рис. 63. План и разрез позднесредневековой гробницы в окрестностях Красной Поляны.

ще Кулаковка. В первом случае погребенная была положена на поверхность площадки, врезанной в склон. Вокруг нее возведено из крупного ломаного плитняка подобие прямоугольной гробницы, внутри заполненной землей. К этому центральному захоронению несколько позже были пристроены с двух сторон дополнительные камеры, где также на поверхности почвы сделаны захоронения, присыпанные сверху тонким слоем земли и камнями. В другом случае захоронение было произведено в могильной яме, а на поверхности земли сооружена аналогичная каменная ограда, также засыпанная до краев землей. Инвентарь в погребениях отсутствовал, а в насыпи были найдены фрагменты очень поздней поливной посуды, датирующие погребение временем не ранее XVI—XVII вв. Из недавно разрушенного кургана того же времени на левом берегу Мзымты против села Эсто-садок происходит обрывок, возможно, иранской ткани золотого шитья с узором.

В окрестностях Сочи известно довольно большое число и случайных находок, среди которых интересны в первую очередь железные наконечники копий с угловатыми выступами в нижней части пера, имевшими распространение на Западном Кавказе в X—XIV вв., а также позднесредневековые наконечники копий с поперечно изогнутым пером, которые часто находят охотники среди тлена

Рис. 64. Обрывок ткани из курганного могильника в районе Красной Поляны.

стволов упавших деревьев. Когда-то во время ожесточенных лесных боев метательные копья вместо цели попадали в деревья и застревали там, обрастая затем древесиной. Один наконечник этого типа известен из Южной Абхазии.

Основу хозяйства населения окрестностей Сочи в развитом и позднем средневековье, как и прежде, составляли плужное и мотыжное земледелие, придомное и отгонное скотоводство, различные ремесла, направленные в первую очередь на удовлетворение внутрисемейных и внутриобщинных потребностей. К сожалению, изделия этих мастерских, особенно керамика, еще изучены крайне слабо. Работы кузнечных мастерских представлены прежде всего вооружением — саблями, наконечниками копий и стрел, сельскохозяйственными орудиями (лемехи, топоры и т. д.). Торгово-экономические связи района иллюстрируются поливной посудой, поступавшей сюда из Византии, Крыма и Грузии, стеклянными сосудами, тканями и др.

Особое значение в экономике района имела генуэзская колонизация побережья. Генуэзские фактории, к которым относится, вероятно, и вышеописанное дополнительное укрепление в Годликской крепости, представляли собой торговые пункты, где генуэзские купцы скупали у

местного населения различные товары: ценную древесину (самшит и др.), мед, воск, звериные шкуры, продукты скотоводства и земледелия. Достаточно важным «товаром» были живые люди — рабы, которых генуэзские торговцы, главным образом через посредство местных феодалов, приобретали на побережье и поставляли почти на все невольничьи рынки Средиземноморья и в Золотую Орду. Взамен перечисленных товаров генуэзцы доставляли сюда предметы роскоши, оружие, стеклянную посуду, соль. Работоторговля особенно усилилась в период позднего средневековья во время турецкой экспансии, когда Черкесия (в том числе и рассматриваемый район), по выражению венецианского дипломата Лоренцо Бернардо, представляла собой для турок «как бы рудник для добывания рабов... которых везут наподобие скота в Константинополь и продают с публичного торга». Этот позорный промысел консервировал отсталые, застойные формы натурального хозяйства и тормозил развитие местной материальной и духовной культуры.

Основу общественного устройства населения района в развитом и позднем средневековье составляла соседская территориальная сельская община, которая распадалась на большие патриархальные семьи. Главными производителями материальных ценностей были рядовые общинники, которые пользовались пастбищами и пахотными землями, находившимися во владении общины. По аналогии с соседними Абхазией и Адыгеей, можно полагать, что на протяжении всего периода в местной среде были сильны пережитки патриархально-родовых отношений, проявлявшиеся в таких обычаях, как взаимопомощь, побратимство, куначество, гостеприимство, аталычество, калым, уважение к старшим, кровная месть. Большим влиянием обладало народное собрание.

Вместе с тем в рассматриваемом районе уже складывались и классы эксплуататоров. Появились «знатные» и «благородные» люди, имевшие своих подданных — крестьян, пользовавшиеся предметами роскоши, не принимавшие участия в общественном производстве (за исключением разведения лошадей), занимавшиеся лишь военным делом, охотой и грабежами. Захват добычи — людей и скота — стал обычным и почетным времяпрепровождением знати. Этому способствовали генуэзские, а затем турецкие невольничьи рынки на побережье. В среде

этих «знатных» людей выделялись князья, имевшие собственную дружину и владевшие одним или несколькими селениями (общинами), крупные и мелкие дворяне. Соответственно формировалась и прослойка зависимых, по-отчетливо закрепощаемых крестьян, наряду с которой определенное место занимало и домашнее рабство. В то же время уровень феодализации местного населения никогда не поднимался выше начальных ступеней раннефеодальных (патриархально-феодальных) отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы проследили основные этапы социально-экономического, культурного и этнического развития населения г. Сочи и его окрестностей в древности и в эпоху средневековья. Применительно к каждому отдельно выделенному периоду была проведена с возможной полнотой характеристика вещественных остатков, хозяйства, техники, погребальных обрядов, социальных отношений, экономических и культурных связей, этнических процессов. Осуществление такой работы оказалось возможным лишь благодаря интенсивным исследованиям советских археологов, проводившимся в основном в течение трех последних десятилетий.

Сочи и его окрестности... В длину (от реки Псоу до границы с Туапсинским районом) эта территория протянулась на 145 км, в ширину — почти на 70. Значительную часть площади, составляющей свыше 3,5 тыс. км², занимают горы и холмистые предгорья. Лишь междуречье Мзымты и Псоу представляет собой небольшую приморскую низменность. Наиболее крупные реки: Мзымта, Сочи, Шахе, Псезуапсе, истоки которых находятся на склонах Главного Кавказского хребта. Большая часть района покрыта лесами, в высокогорной зоне довольно значительны площади субальпийских и альпийских лугов, за которыми — скалистые гребни и перевалы. Прибрежная полоса представляет достаточно густо застроенную курортную зону. В холмистых предгорьях много населенных пунктов сельского типа, соединенных между собой и с побережьем густой сетью шоссейных дорог. Написать историю такого района, тем более историю древнюю, крайне сложно.

Здесь, в заключение этой небольшой книжки, хочется

кратко рассказать о тех, кто своим нелегким трудом помог приоткрыть завесу времени над многими интересными страницами древней и средневековой истории Сочи и его окрестностей.

Памятникам палеолитической эпохи особенно «повезло» — они привлекали и привлекают внимание большого коллектива исследователей, им посвящено много статей и заметок в различных научных изданиях. Главная заслуга в этом принадлежит С. Н. Замятнину, Д. А. Крайнову, Е. А. Векиловой и В. П. Любину.

Исследования палеолитических стоянок открытого типа были начаты в 1936 г. С. Н. Замятниным, М. З. Паничкиной и А. П. Красновым. Позже их изучали Д. А. Крайнов (1940), Л. Н. Соловьев и Н. И. Гумилевский (1946—1947), Е. А. Векилова и Н. И. Гумилевский (1962), В. П. Любин, В. Е. Щелинский и И. Б. Брашинский (1965), В. Е. Щелинский, А. Б. Островский и Ю. Д. Якушевич (1967—1969), Л. Н. Кольченко и Л. Л. Ситников (1968—1969), В. Б. Бжания (1969).

Первооткрывателями большинства пещерных стоянок в окрестностях г. Сочи были А. П. Краснов, С. Н. Замятнин и Д. А. Крайнов. Раскопки в Ахштырской пещере были начаты С. Н. Замятниным и А. П. Красновым в 1936 г. Позже она изучалась С. Н. Замятниным, М. З. Паничкиной, И. В. Щербаковым, Е. В. Шанцером и В. И. Громовым (1936—1938), Е. А. Векиловой, М. З. Паничкиной и М. Н. Грищенко (1961—1963, 1965). Раскопки в Малой Воронцовской (Партизанской) пещере были начаты Д. А. Крайновым и А. П. Красновым в 1940 г. и позже продолжены Л. Н. Соловьевым (1950—1951) и В. П. Любиным (1964). Навалишинская пещера впервые была обследована А. П. Красновым и С. Н. Замятниным в 1936 г. Позже здесь вели раскопки В. П. Любин и В. Е. Щелинский (1965). В 1966—1967 гг. В. П. Любин копал Кепшинскую пещеру. Ацинская пещера выявлена А. П. Красновым и Д. А. Крайновым в 1940 г. Раскопки в этой пещере были продолжены позже Д. А. Крайновым и Н. О. Бадером (1958, 1971). Исследования в Первой Хостгинской пещере были начаты С. Н. Замятниным в 1936—1937 гг. Позже здесь копал И. И. Коробков (1961). Во Второй Хостгинской пещере первый раскоп был также заложен С. Н. Замятниным (1936). Позже здесь вели исследования А. П. Краснов (1937), Д. А. Крайнов

(1940) и И. И. Коробков (1961). Материалы из перечисленных пещерных стоянок изучались А. А. Зубовым (1972), В. И. Громоной (1948), И. К. Ивановой (1965), Н. И. Бурчак-Абрамовичем и М. М. Клапчуком (1971), С. А. Семеновым (1972), А. А. Формозовым (1963), Л. Д. Церетели (1973), В. В. Чердынцевым (1971) и многими другими.

Сравнительно хорошо изучены на рассматриваемой территории и памятники неолитической и бронзовой эпох. В этом отношении особенно велики заслуги А. А. Формозова, Л. Н. Соловьева, В. И. Марковина и А. А. Иессена.

Нижнешиловское позднеолитическое посещение было открыто Н. И. Гумилевским и Л. Н. Соловьевым в 1951 г. Позже исследования здесь были продолжены Н. В. Анфимовым (1956), А. А. Формозовым и В. П. Алексеевым (1957). Материалы из этого поселения рассматривались также в работах Л. Д. Небиеридзе (1972). Очень интересны и во многом пока загадочны стоянки с тлякообразными мотыжками «сочи—адлерского» типа, впервые открытые А. П. Красновым в 1936 г. Эти стоянки исследовались затем Л. Н. Соловьевым, Н. К. Недолей и Н. И. Гумилевским (1951—1972), Н. В. Анфимовым (1956), В. В. Бжанией (1969—1972). Упомянутые мотыжки изучались также А. А. Формозовым (1957, 1960, 1962, 1963), А. Д. Столяром (1960), Р. М. Мунчаевым и другими исследователями. Особняком стоит поселение Бочаров Ручей, зафиксированное А. П. Красновым в 1941 г. и позже упомянутое А. А. Иессеном (1950). Очень важны для правильного осмысления истории бронзового века в Восточном Причерноморье материалы стоянок в Воронцовской пещере. Следы этих стоянок были впервые установлены еще в 1902 г. И. Стеллецким. В 1951—1955 гг. пещера основательно была исследована Л. Н. Соловьевым, Т. Н. Высоцкой и А. А. Ломаевым. Материалы из раскопок Воронцовской пещеры рассматривались также в работах А. А. Формозова (1963), В. В. Бжания, К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинашвили и др.

Первое сведение о присутствии дольменов в окрестностях Сочи (Лазаревское) принадлежит Е. Д. Фелицыну (1904). О дольменах в ауле Красноалександровском и в ущелье р. Годлик писал А. А. Миллер (1909). В Красной Поляне их зафиксировал С. Дороватовский (1911). Сведения о дольменах в ущелье р. Псеуапсе были опубли-

кованы А. Н. Кознаковым (1916). В 1924 г. дольмены у Красноалександровского исследовал Б. В. Лунин. В послевоенные годы исследования дольменов на территории и в окрестностях Красной Поляны проводили Н. И. Гумилевский (1948), Л. Н. Соловьев (1951, 1953), А. И. Мелихов и Е. И. Мерзлякова (1955). В 1956—1957 гг. разведки этих памятников у Красной Поляны и в Красноалександровском проводил Н. В. Анфимов. В 1958 г. И. А. Хахо и Н. А. Захаров зафиксировали дольменную группу в Солохауле. Две группы дольменов у аула Кирова в 1969 г. обнаружил В. В. Бжания. Несколько колодцеобразных гробниц были исследованы на территории Красной Поляны в 1968—1969 гг. Л. Н. Кольченко, Л. Л. Ситниковым, А. Д. Цхомария и Б. Д. Цхомария. В 1972 г. разведки дольменов в Красноалександровском вел М. К. Тешев. Дольмены и связанные с ними памятники в окрестностях г. Сочи исследовались также А. М. Шамотульским (1964) и И. К. Недолей. В 1968 г. Ш. Д. Инал-Ипа и В. С. Орелкин исследовали кудепстинский «жертвенный» камень с сидениями.

В обстоятельной сводке Л. И. Лаврова (1959) содержались сведения о дольменах в Лазаревском, Красноалександровском, Солохауле, Медовеевке, Красной Поляне, на р. Годлик. Особенно результативными были систематические исследования дольменов, осуществленные В. И. Марковиным, который в 1967—1970 гг. раскопал большое число таких гробниц в Солохауле, в ущелье р. Аше, в Медовеевке, у подножия хребта Ачишхо и в других пунктах.

Материалы позднебронзовой эпохи из окрестностей г. Сочи изучались лишь А. А. Иессеном (1937, 1947). Стоянка с текстильной керамикой вблизи устья р. Псоу выявлена Н. И. Гумилевским (1954).

Слабо изучены на рассматриваемой территории памятники эпохи греческой колонизации. Предварительную систематизацию находок, хранящихся в фондах Сочинского музея краеведения, провел И. Б. Брашинский (1965). Поселения этого времени вблизи села Веселого были зафиксированы Н. И. Гумилевским (1950—1965). Соответствующие материалы легли в основу дипломной работы Е. Б. Хмара (Поповой) «Племена Северо-Восточного Причерноморья по данным античной традиции и археологии» (Воронеж, 1973).

Несколько шире сведения о памятниках поздне римского и ранневизантийского времени (I—VI вв. н. э.). Крепость на р. Годлик (Чемитоквадже) впервые упоминается еще Ф. Дюбуа де Монпере (1937). Позже в этой крепости проводили разведку Н. В. Анфимов (1957) и И. Б. Брашинский (1965). Крепость на р. Мамайке впервые описана В. И. Сизовым в 1886 г. Позже ею занимался В. А. Левинадзе (1965, 1969). Погребения этого времени исследовались Л. Н. Соловьевым, А. И. Мелиховым и А. П. Красновым — в Красной Поляне (1942), М. И. Ивановой и П. М. Голубевым — в Лоо (1960), Г. К. Шамбой и М. И. Ивановой — в Мацесте (1966). Отдельные памятники и находки рассматривались в работах Е. П. Алексеевой (1963), А. К. Амброза (1966, 1971), Т. В. Блаватской (1964), В. Г. Луконина (1969), К. М. Скалон (1961) и др.

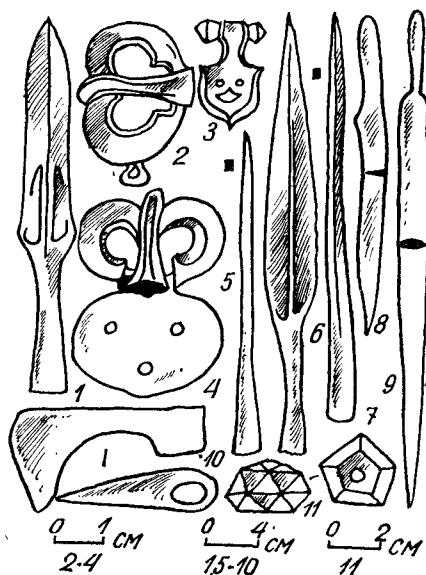

Рис. 65. Железные наконечники копий (1, 5—7), нож (8), меч (9) и топор (10), серебряные пряжки (2, 4) и прорезная бляшка (3) из погребений VI—VII вв. н. э. в с. Веселом (1—4) и Красной Поляны (5—11).

Раннесредневековые памятники в окрестностях Сочи изучены сравнительно полно. К 1902 г. относится сообщение П. С. Уваровой о крепости в селе Лесном. Тогда же сведения о двух прибрежных крепостях в районе горы

Ахун, о Хостинской крепости и об укреплении на полпути из Адлера в Красную Поляну собрал И. Стеллецкий. О погребениях в селе Веселом сообщали А. А. Спицын в 1907 г. и А. А. Миллер в 1909 г. Ацинская и Ачипсинская крепости упоминаются С. Дороватовским (1911). В 1951—1953 гг. Л. Н. Соловьев, И. К. Недоля и Т. Н. Высоцкая раскопали у храма в совхозе «Южные культуры» несколько погребений, датированных VIII—X вв. Храм и могильник в совхозе «Южные культуры», храмы в совхозе «Россия» и около села Липники, Ачипсинскую и Хостинскую крепости обследовал в 1956 г. Н. В. Анфимов. В 1965 г. эти крепости привлекли внимание И. Б. Брашинского. Храмы в селах Лоо и Монастырь, крепости в Хосте и Красной Поляне (Ачипсе, Аибга) исследовала в 1968 г. В. Б. Ковалевская. Древнюю церковь в районе Имеретинской бухты копал В. В. Бжания (1972). Крепости и храмы в урочищах Монашкино, Дмитриевка, Котел, Роза-хутор, Пслух, Бешенка, в Голицыно и в ущелье р. Псахо, раннесредневековые пастушеские постройки-ацангуары на альпийских лугах Ачишхо и Псеашхо обследовались Л. Н. Кольценко и Л. Л. Ситниковым (1968—1971).

Памятники развитого и позднего средневековья практически еще не изучались. Лишь Н. В. Анфимов в 1956—1957 гг. раскопал несколько курганов вблизи Красноалександровского (ущелье Капабье) и у села Абазинка.

В 1968—1974 гг. исследования разновременных памятников в г. Сочи и его окрестностях проводил автор. Незадолго перед началом этих работ была завершена «Археологическая карта Абхазии», опубликованная в Сухуми в 1969 г. Появилась заманчивая идея осуществить аналогичную работу и по отношению к памятникам района Сочи. Сначала была обработана основная часть материалов, хранящихся в фондах Сочинского музея краеведения, а также школьных музеев в селе Веселом и Красной Поляне. Затем были проведены разведки памятников вдоль побережья и по ущельям рек Мзымты, Хосты, Сочинки и Псезуапсе (до с. Марьино). Особенно тщательно осмотру подвергся бассейн Мзымты (окрестности Адлера, Ахштырь, Голицыно, Монастырь, Дзыхра, Кепша, Медовеевка, Красная Поляна, Пслух, Кардывач и др.). В ходе этих работ были обследованы и описаны

многие памятники — верхнепалеолитические стоянки у Бешенской крепости, в селе Монастырь и в урочищах Дзышра и Агуа, группы дольменов в урочище Дмитриевка, в центре Красной Поляны, у села Цуквадже, вблизи Лазаревского, поселения античного времени в окрестностях села Веселого, раннесредневековые пастушеские постройки-ацангуары в окрестностях озер Кардывач и Морозовой, храмы на Ахуне, в Лоо, Агуа и Монастыре, крепости в Хосте и Чемитоквадже, комплекс раннесредневековых крепостей в окрестностях Красной Поляны — Пслух, Ачипсе, Бешенка, Монашка 1 и 2, Куницынская, Аибгинская, позднесредневековые курганы у Красной Поляны и др. Непосредственную помощь при обмерах и описании архитектурных памятников мне оказали Л. Л. Ситников и В. Б. Левинтас. К сожалению, различные обстоятельства не позволили завершить успешно начатый поиск в других пунктах района, которые остаются пока в археологическом отношении совершенной целиной.

Часть рисунков этой работы изготовлена автором на основе имеющихся публикаций. Материалы из открытых и пещерных стоянок палеолитического времени воспроизводятся по зарисовкам из работ С. Н. Замятнина, Е. А. Веткиловой, В. П. Любина, Л. Н. Соловьева, В. Е. Щелинского, Н. И. Бурчак-Абрамовича и М. М. Клапчука. Находки из Нижнешиловского поселения иллюстрированы по публикациям А. А. Формозова и Л. Н. Соловьева. Материалы бронзовой эпохи из Большой Воронцовской и Ахштырской пещер, план погребения в Красной Поляне воспроизведены по зарисовкам Л. Н. Соловьева. Часть изображений дольменов взята из публикаций В. И. Марковина, план крепости на Мамайке — из работы В. И. Сизова. Остальные предметы и памятники, в своем абсолютном большинстве прежде не публиковавшиеся, были зарисованы с натуры в фондах музеев и в полевых условиях. В книге не учтены материалы, выявленные после 1975 г.

Многое сказанное в этой книге носит пока еще в значительной мере условный характер, отражая лишь уровень знаний сегодняшнего дня. Дальнейшие исследова-

ния, несомненно, внесут коррективы в оценку значительного числа явлений и фактов, уже отмеченных исследователями, дополнят новыми вещами, а следовательно, и выводами известное. Но и то, что уже сделано, собрано, показывает, что рассматриваемый район играл достаточно видную роль в истории Кавказа с момента заселения последнего человеком. И если эту роль в какой-то мере удалось подчеркнуть настоящей работой, автор будет считать свою задачу выполненной.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, М., 1971.

Алексеева Е. П. Материальная культура черкесов в средние века. ТКЧНИИ, IV, Ставрополь, 1963.

Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. — «САИ», вып. Д1-30, М., 1966.

Анфимов Н. В. Отчет о работе археологической экспедиции 1956 г. в районе г. Сочи. Архив Сочинского музея краеведения (рукопись).

Анфимов Н. В. Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции за 1957 г. Архив Сочинского музея краеведения (рукопись).

Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.), Сухуми, 1959.

Бадер Н. О., Крайнов Д. А. Раскопки Ацинской пещеры. — «АО 1971 г.», М., 1972.

Бжания В. В. Работы Причерноморского отряда в Краснодарском крае. — «АО 1971 г.», 1972.

Бжания В. В. Разведки в низовьях рек Мзымты и Псоу. — «АО 1972 г.», 1973.

Бжания В. В. Разведки и раскопки Причерноморского отряда. — «АО 1970 г.», 1971.

Бжания В. В. Разведки Причерноморского отряда. — «АО 1969 г.», 1970.

Блаватская Т. В. Стеклянная чаша с греческой надписью В ЛОО, KL10 Beiträge zur Alten Geschichte, Bd. 42, 1964.

Брашинский И. Б. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968.

Брашинский И. Б. Обследование античных памятников Северо-Восточного Причерноморья. — «АО 1965 г.», 1966.

Брашинский И. Б. Черноморское пиратство. — «ВДИ», 1973, № 3.

Векилова Е. А. Ахштырская пещера на Кавказе. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Археологические секции (дополнительный выпуск)», Тбилиси, 1971.

Векилова Е. А., Грищенко М. Н. Результаты исследо-

вания Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг., «Палеолит и неолит СССР».— VII, «МИА», 185, 1972.

Векилова Е. А., Зубов А. А. Антропологические остатки из мустьерских слоев Ахштырской пещеры.— «КСИА», 131, 1972.

Векилова Е. А. Зубчатое мутье Сочинского Причерноморья (по материалам Ахштырской пещеры). «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР», Ташкент, 1973.

Векилова Е. А. Краткие итоги раскопок Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг.— «КСИА», 111, 1967.

Векилова Е. А. Находки нижнего палеолита на террасах р. Мзымта.— «КСИА», 117, 1969.

Векилова Е. А. Раскопки Ахштырской пещеры.— «АО 1965 г.», 1966.

Виноградов В. Б., Козенкова В. И., Крупнов Е. И., Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Северо-Кавказская экспедиция.— «АО 1967 г.», 1968.

Воронов Ю. Н. Археологические разведки в Абхазии.— «АО 1972 г.», 1973.

Воронов Ю. Н. История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии). Автореферат канд. дис., М., 1971.

Воронов Ю. Н. К датировке абхазских ацангуаров.— «СЭ», 1973, № 6.

Воронов Ю. Н. Разведочные работы в Абхазской АССР.— «АО 1971 г.», 1972.

Воронов Ю. Н., Ситникова Л. Н., Ситников Л. Л. Археологические разведки в бассейне р. Мзымта.— «АО 1969 г.», 1970.

Высотская Т. Н. Стоянки Воронцовской пещеры.— «МАГК», III, Тбилиси, 1963.

Грищенко М. Н. Некоторые особенности геологии Ахштырской пещеры, «Палеолит и неолит СССР», VI.— «МИА», 173, М., 1971.

Громов В. И. Палеоантропологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР.— Труды ин-та геологических наук, 64, «Геология СССР», 17, М., 1948.

Громова В. И. К истории фауны млекопитающих Кавказа.— Известия АН СССР, серия биологическая, № 5, М., 1948.

Дороватовский С. Сочи, Красная Поляна и их окрестности, Спб., 1911.

Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа, I, Сухуми, 1937.

Замятнин С. Н. Очерки по палеолиту. М.—Л., 1961.

Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период, М., 1969.

Иванова И. К. Геологический возраст ископаемого человека (к VII конгрессу INQUA), М., 1965.

Иванова М. И., Голубев П. М. Находка в Лоо.— «СА», 1961, № 3.

Иессен А. А. К хронологии Больших кубанских курганов.— «СА», XII, 1950.

Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— «МИА», 23, 1951.

Инал-ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов, Сухуми, 1971.

Ковалевская В. Б., Воронов Ю. Н. Из глубины веков. «Черноморская здравница», 11 янв., 1969.

Ковалевская В. Б., Воронов Ю. Н., Михайличенко Ф. Е. Исследования средневековых памятников Северо-Западного Кавказа. — «АО, 1968 г.», 1969.

Коробков И. И. О наконечнике копья из Яштуха. — «КСИА», 117, 1969.

Коробков И. И. Разведочные работы в Хостинских пещерах в 1961 г. — «КСИА», 92, 1962.

Крайнов Д. А. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа. — «БКИПЧ», 9, 1947.

Крайнов Д. А. Отчет Сочинского отряда Северо-Кавказской экспедиции о раскопках Ачинской пещерной стоянки осенью 1968 г. — Архив ИА АН СССР, р. 1, № 1830.

Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа. — «ТАИ», XXXI, 1960.

Леквинадзе В. А. По поводу римских крепостей Восточного Причерноморья. — «САНГ», XL : I, 1965.

Леквинадзе В. А. Понтийский лимис. — «ВДИ», 1969, № 2.

Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана, М., 1969.

Луиин В. Б. Дольмены Черноморья, Ростов-на-Дону, 1924.

Любин В. П., Бурчак-Абрамович Н. И., Клапчук М. М. Кепшинская пещера и вопросы палеографии плейстоцена Сочинского Причерноморья. — «КСИА», 126, 1971.

Любин В. П. Изучение нижнего палеолита Кавказа (История исследований и проблема первоначального заселения). — «КСИА», 118, 1969.

Любин В. П. Исследование Малой Воронцовской и Навалишинской пещер. — «АО 1965 г.», 1966.

Любин В. П. Исследование палеолита в горах Западного Кавказа. — «АО 1967 г.», 1968.

Любин В. П. Мустьерская эпоха на Кавказе. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (археологические секции), Тбилиси, 1971.

Любин В. П. Нижний палеолит СССР (Основные проблемы). Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам исследований в 1967 г., М., 1968.

Любин В. П. Разведки палеолита в горном Черноморье. — «АО 1966 г.», 1967.

Любин В. П. Ранний палеолит Кавказа, «Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР», М., 1969.

Любин В. П., Соловьев Л. Н. Исследование Малой Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа (раскопки 1950, 1951, 1964 гг.), «Палеолит и неолит СССР», VI. — «МИА», 173, Л., 1971.

Любин В. П., Щелинский В. Е. Новые данные о палеолите Сочинско-Абхазского Причерноморья. — «БКИПЧ», 38, 1972.

Марконин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов, Нальчик, 1974.

Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения). — «СА», 1973, № 1.

- Марковин В. И. Дольмены Солохаула. — «КСИА», 132, 1972.
- Марковин В. И. Исследование Кавказских дольменов. — «АО 1968 г.», 1969.
- Марковин В. И. Исследования памятников дольменной культуры. — «АО 1970 г.», 1971.
- Марковин В. И. К вопросу о происхождении дольменной культуры Западного Кавказа в связи с происхождением абхазо-адыгов. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР, Ташкент, 1973.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа. — «КСИА», 84, 1961.
- Марковин В. И. Раскопки дольменов в бассейне реки Кизинки, Дегуак и Цуквадже. — «АО 1969 г.», 1970.
- Марковин В. И. Составные дольмены с ложным сводом на Западном Кавказе. — «КСИА», 134, 1973.
- Мелнкишвили Г. А. К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959.
- Мелихов А. И. Археологические находки в Красной Поляне и вопрос о «сасанидском» искусстве на Кавказе. Тезисы конференции Абгосмузея, Сухуми, 1947.
- Мелихов А. И. Памятники эпохи бронзы в Красной Поляне. — «МАСП», 7, 1957.
- Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа. — «ИАК», 33, 1909.
- Небиеридзе Л. Д. Неолит Западного Закавказья, Тбилиси, 1972.
- Недоля И. К. Орудия земледелия эпохи неолита из района Адлера. — «КСИИМК», 67, 1957.
- Паничкина М. З., Векилова Е. А. Исследования Ахштырской пещеры в 1961 г. — «КСИА», 92, 1962.
- Паничкина М. З. Исследования по палеолиту Причерноморья в 1936 г. — «СА», V, 1940.
- Паничкина М. З. Палеолитические изделия из Хостинской пещеры-II. Сообщ. Гос. Эрмитажа, XXII, Л., 1952.
- Пятышева Н. В. Ювелирные изделия Херсонеса, М., 1956.
- Семенов С. А. О следах работы на мустьерских орудиях из Воронцовской пещеры, «Палеолит и неолит СССР», VII. — «МИА», 185, Л., 1972.
- Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. — «МАК», II, 1889.
- Ситникова Л. Н., Ситников Л. Л. Разведки в бассейне р. Мзымты. — «АО 1971 г.», 1972.
- Ситникова Л. Н., Ситников Л. Л. Разведки у Красной Поляны. — «АО 1970 г.», 1971.
- Скалон К. М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднескифское время. — «АСГЭ», 2, 1961.
- Спицын А. А. Могильник V в. в Черноморье. — «ИАК», 23, 1907.
- Соловьев Л. Н. Мотыгообразные орудия Сочи-Адлерского типа. — «ИАИ», 1972.
- Соловьев Л. Н. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижнешиловское и Кистрик. — «МАН», 1967.
- Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказ-

ского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. — «ТАИ», XXIX, 1968.

Соловьев Л. Н. Первобытные стоянки Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология. Автореф. канд. дис., Симферополь, 1956.

Соловьев Л. Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. — «ТАИ», XXXI, 1960.

Соловьев Л. Н. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. — «СА», XIV, 1950.

Соловьев Л. Н. Следы нижнего палеолита на Карангадской террасе между Адлером и с. Гантиади. — «ТАИ», XXX, 1959.

Стеллецкий И. Крепости Абхазии. — «ЦГАА», ф. 391, д. № 307, л. 25.

Тешев М. К. Археологические разведки в Туапсинском районе. — «АО 1972 г.», 1973.

Уварова П. С. Коллекции Кавказского музея, V, Тифлис, 1902.

Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские дольмены. — «МАК», IX, 1904.

Формозов А. А. Исследование памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 г. — «КСИИМК», 78, 1960.

Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1963.

Формозов А. А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. — «МИА», 102, 1962.

Формозов А. А. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе. — «СА», 1963, № 4.

Формозов А. А. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа. — «КСИИМК», 67, 1957.

Формозов А. А., Столяр А. Д. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае. — «СА», 1960, № 2.

Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959.

Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа, Тбилиси, 1973.

Чердынцев В. В. Абсолютная геохронология палеолита, «Палеолит и неолит СССР», VI. — «МИА», 173, 1971.

Чердынцев В. В., Казачевский И. В., Кузьмина Е. А. Возраст плейстоценовых карбонатных формаций по изотопам тория и урана, «Геохимия», № 9, М., 1965.

Шамба Г. К. Погребение II в. из Мацесты. — «СА», 1970, № 2.

Шамотульский А. М. Дольмены Черноморского побережья Кавказа, «Туапсе и Туапсинский район», Краснодар, 1964.

Шервашидзе Л. А. Абхазия в искусствоведческой литературе, «Под знаменем Октября», Сухуми, 1968.

Щелинский В. Е., Островский А. Б., Якушевич Ю. Д. Новые палеолитические памятники на Черноморском побережье Кавказа между Туапсе и Сочи. — «АО 1969 г.», 1970.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия, М.
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа, Л.
БКИПЧ — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, М.
ВДИ — Вестник древней истории, М.
ИАИ — Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР, Сухуми.
ИАК — Известия археологической комиссии, Спб.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР, М.
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры, М.
МАА — Материалы по археологии Абхазии, Тбилиси.
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа, Тбилиси.
МАҚ — Материалы по археологии Кавказа, М.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР, М.
СА — Советская археология, М.
САИ — Свод археологических источников, М.
САНГ — Сообщения Академии наук Грузинской ССР, Тбилиси.
СЭ — Советская этнография, М.
ТАИ — Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР, Сухуми.
ЦГАА — Центральный государственный архив Абхазской АССР, Сухуми.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Эпоха древнего камня	5
Древнейшие поселенцы края	5
Мустьерцы — жители пещер	9
Век кроманьонцев	20
От древнего камня к новому	26
Глава II. От камня к металлу	29
Первые земледельцы и гончары	29
Век каменной мотыги	33
Пещерные городища	37
Культура дольменов	45
Век бронзового топора	57
Глава III. На периферии античного мира	61
Страна воинственных генихов	61
Следы римлян и санигов	72
Глава IV. Средневековая эпоха	83
В составе Абхазского царства	83
Страна курганных могильников	103
Заключение	111
Литература	119
Список сокращений	124

Юрий Николаевич Воронов

**ДРЕВНОСТИ СОЧИ
И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ**

Редактор **Г. Г. Шулякова**

Рисунки автора

Художественный редактор **М. К. Омелянчук**

Технический редактор **Р. И. Глова**

Корректор **Е. И. Кириллова**

ИБ 598

Сдано в набор 23.10.78.

Подписано в печать 04.01.79.

МА 05803

Формат бумаги 84×108^{1/32}

Бумага типографская № 3

Гарнитура шрифта литературная

Высокая печать

Усл. печ. л. 6,72. Учетно-изд. л. 6,28

Тираж 50 000. Заказ 4742

Цена 30 коп.

Краснодарское книжное издательство

Краснодар, улица имени Кирова, 3

Типография издательства

«Советская Кубань»

Краснодар,

улица имени Шаумяна, 106

Воронов Ю. Н.

В 75 Древности Сочи и его окрестностей.— Краснодар: Кн. изд-во, 1979.— 112 с.

Молодой археолог, кандидат исторических наук воссоздает картину развития человеческой культуры на территории города-курорта Сочи с древнейших времен до XVIII века, знакомит читателя с бытом, хозяйством, техникой, торговыми и культурными связями, социальными отношениями, различными обрядами и другими сторонами жизни древнейшего населения Черноморья.

Книга рассчитана на специалистов-археологов, а также на всех тех, кто интересуется историей родного края.

**ББК 63.4(2)
902.6**

В $\frac{20904-12}{M146(03)-79}$ 103-79